

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ВАЛЕРИЙ
ЯЗВИЦКИЙ

ВОЛЬНОЕ ЦАРСТВО

◆
ГОСУДАРЬ
ВСЕЯ РУСИ

ВВ

Библиотека проекта «История Российского государства»

Валерий Язвицкий

**Вольное царство.
Государь всея Руси**

«Издательство АСТ»

1953

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Язвицкий В. И.

Вольное царство. Государь всея Руси / В. И. Язвицкий —
«Издательство АСТ», 1953 — (Библиотека проекта «История
Российского государства»)

Библиотека проекта «История Российского Государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков. Легендарный роман «Иван III – государь всея Руси» освещает важнейшие события в формировании русского государства; свержение татаро-монгольского ига, собирание русских земель, преодоление княжеских распрей. Иван III – дед знаменитого Ивана Грозного. Этот незаурядный политический деятель, который сделал значительно больше важных политических преобразований, чем его знаменитый внук, всё же был незаслуженно забыт своими потомками. Книга В. Язвицкого представляет нам государя Ивана III во всём блеске его политической славы. В данный том вошли книга четвертая «Вольное царство» и книга пятая «Государь всея Руси».

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Язвицкий В. И., 1953
© Издательство АСТ, 1953

Содержание

Книга четвертая	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	68
Глава 9	87
Глава 10	114
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Валерий Язвицкий

Вольное царство. Государь всея Руси

© В. Akunin, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Книга четвертая Вольное царство

Глава 1 Новые смуты новгородские

Осенью тысяча семидесятого года прибежал из Новгорода на Москву Афанасий, сын Братилов. Живет он там у Федорова Ручья и держит на Торге возле церкви Ивана Предтечи на Опоках малую лавицу. Рукодельем златокузнечным торгует Афанасий: крестами тельными, серьгами да кольцами, которые сам льет и кует из серебра и золота.

На Москву же прибежал он, чтобы довести великому князю о смуте и злых умыслах новгородских, о том, что своевольно заправлять делами веча стали буйные ватаги сыновей именитых богатейших бояр, а душа всего своеволия – вдова посадника Исака Борецкого Марфа и сыновья ее. С ней же и многие бояре и вдовы бояр богатых властвовать хотят в Новгороде Великом...

Все это сказывал Афанасий ранее дьяку Курицыну, а ныне, стоя перед государем в покоях его, повторял с горестию душевной, но твердо и даже строго, своим новгородским говором:

– Сии бояре и млади-своевольники, суды захватив, судят несправедно. Посулы берут с виноватых, а безвинных грабят, отбирая именья их, самих же в цепи куют, продают в рабство. В велелепных хоромах каменных у самой Марфы Борецкой всяк день пиры и пьянство великое. У ворот же, почитай, день и ночь толкутся всякие бездельники и всякие пропойцы, которые, денег ради и пьянства, горлопанят и драки чинят на вече...

Иван Васильевич молчал, нахмутив брови, но когда взглядывал на худощавого и жилистого Афанасия Братилова, в глазах его вспыхивал ласковый огонек. Испытанный мужик Афанасий, дьяку Бородатому еще при Василии Васильевиче честно служил и теперь служит. Нравились Ивану Васильевичу и руки Афанасьевы – складные, умелые, с длинными пальцами, которые ловко работают всякую тонкую работу. Видал не раз государь изделия Афанасия Братилова и весьма одобрял их.

– Ох, государь, – продолжает Братилов, – сорят деньги-то Борецкие без меры и счета...

– Не свои, чаю, сорят, – перебил его государь.

– Не свои, истинно, государь, – подхватил Афанасий, – свои-то в подвалах под замками хоронят. Сорят токмо грабленное судами несправедными да тем, как в народе бают, что в соборе Святой Софии крадено.

– Как в соборе Святой Софии?! – воскликнул Иван, и глаза его стали страшными. – Что же владыка-то Иона смотрит?

От этого грозного крика Афанасий оторопел, но, быстро оправившись, молвил:

– Не пойман, – не тать, бают, а он, казначей-то софийской казны, богопротивный пес Пимен, никем не пойман. Хоть и монах он, а нечестив вельми и вор-изменник пред тобой, государь! Крадет он церковную казну тайно для ради измены Марфы окаянной.

– Блудница сия, – гневно молвил Иван Васильевич, – в старости себя не блюдя, для ради власти на все непотребства идет, стыда не ведая.

– Истинно, истинно, государь! – тоже гневно подхватил Афанасий. – Вдова сия срамна и ни денег, ни чресел своих не пожалеет для приработка своего, на измену идет Руси и вере святой православной! Вести есть, что Марфа измены ради против Москвы и всяя Руси, сплетая лукавыми речами с князьями литовскими, хочет, чтобы король Казимир выдал ее за того

пана литовского, который был бы от короля наместником в Новомгороде. Сим она блазнит себя, мыслит от королевского имени без Москвы всем Великим Новымгородом самовластно править.

Иван Васильевич все еще с гневным лицом обернулся к дьяку Курицыну и глухим, хрипловатым голосом спросил:

– Слышишь, Федор Василич, что там деется?

– Далеко зашла измена, государь, – мрачно ответил Курицын, – ни увещевания отца митрополита, ни доброта твоя и миролюбие никакой пользы не дают.

– Государь великий, – не выдержав, вмешался Афанасий, – все бояры новгородские и жены блудливые и лукавые мыслят, что малоопытен ты. Миролюбив же ты не по милосердию своему, а из страха перед ними...

Афанасий вдруг оборвал свою речь в смятении – так грозно глянули на него глаза государя...

– Восемь лет щажу их, – молвил Иван Васильевич, – ныне же покараю их без милости. – При этих словах он встал со скамьи и, пройдясь молча несколько раз по покою своему, промолвил: – Идите, а яз один обо всем подумаю. Ты же, Федор Василич, прими Афанасия не только как гостя, верного нам, но верного и всей Руси православной...

Афанасий Братилов, земно кланяясь, сказал:

– Спаси тя Бог, государь, живи ты многие лета...

– Днесь же, Федор Василич, – продолжал великий князь, – вестников пошли в Новгород к дьяку Бородатому, дабы гнал на Москву, на думу с нами.

Октября двадцать восьмого дня, на Ненилу-льняницу, когда бабы лен мять начинают, пригнал на Москву из Новгорода дьяк Степан Бородатый. Через топи и грязи осенние ехал он по лесным дорогам, устал, изнемог, но не зря: вести у него были весьма важные и тревожные.

Великий князь радостно встретил старого дьяка, которого знал и уважал с юных своих лет. Дьяк этот читал грамоты и летописания новгородские еще на Ярославом дворище при великом князе Василии Васильевиче. Читал его Иван Васильевич особенно за то, что знал и помнил Степан Тимофеевич все злоумышления и все хитрости новгородцев.

Принимал государь дьяка Бородатого у себя в покоях, сидя за трапезой сам-пят. За столом уже были: княгиня Марья Ярославна, дьяк Федор Курицын и Ванюша, которому пошел уж тринадцатый год, и был уж он у отца соправителем.

– Ну, Степан Тимофеевич, – вспыхивая острым взглядом, заговорил государь, – сказывай, что в городе наши деют, какое воровство умышляют?

– Немошным стал богомолец наш, архиепископ Иона, – ответил почтительно и с печалью старый дьяк, – слабеет рука его и во Пскове и в Новомгороде. Духовные-то новгородские мыслят, и яз мыслю, может, вборзе уж и жребий будут тянуть по старине¹ у Святой Софьи.

– Что ж с ним, Степанушка? – спросила великая княгиня Марья Ярославна.

– Дряхлеет наш архиепископ, государыня, и на лике его печать уже смертная. Мыслю, к зиме сей представится.

– А на кого жребий вынуть метят? – спросил дед Курицын.

– Бают, на священноинока Феофила, мниха Пимена, казначея софийского, да на протопопа Лексея, а и то лишь промеж себя о сем шепчутся. Пимена-то, бают, Борецкие хотят, доброхот он их.

– Слыхал уж яз, – заметил Иван Васильевич, – о Пимене сем от Афанасья.

– От Братилова? – спросил Бородатый.

– От него. Сказывал, будто тать сей Пимен. Казну соборную обкрадывает.

¹ При избрании архиепископа на престол в алтаре церкви клали три жребия с именами кандидатов. Маленький мальчик вынимал два жребия. Кандидат, жребий которого оставался на престоле, избирался в архиепископы.

– Шепчут о сем в народе-то, а как разведать? Владыка же совсем немощен стал.

– Ну да сие не вельми важно, – перебил его великий князь, – скажи, истинно ли, что великие бояре, златопоясники новгородские, с королем Казимиром тайно ссылаются и под руку его хотят?

– Истинно сие, государь, – продолжал Степан Тимофеевич, – верно все, что про них мы тут баили. Токмо примолвлю к сему: обмануть нас хотят новгородцы, за неразумных нас почитают.

– Сие токмо к добру, – живо откликнулся великий князь, – пусть их так мыслят. Мы же, якобы веря им во всем и якобы не разумея их лжи и хитрости, упредим их во всех деяниях.

– Как же сие изделать, Иванушка? – спросила княгиня Марья Ярославна.

Иван Васильевич весело усмехнулся и, обратясь к сыну, молвил шутливо:

– А ну-ка, Ванюшенька, сказывай, как нам с новгородцами быть?

– Бить их надобно...

Все засмеялись, а государь ласково обнял сына за плечи и добавил:

– Пусть вороги наши тешатся стговорами да сборами. Мы же их, пока они тайно ссылаются, упредим – поодиночке бить будем, а первой всех Новгород, как Ванюшенька нам указывает.

После трапезы, когда стали сходитьсь званные к государю воеводы его, бывшие в то время в Москве, княгиня Марья Ярославна ушла с внуком в свои покои. Знала она, что сын не любит на военном совете людей, ратного дела не разумеющих.

Из воевод, кроме князя Юрия Васильевича, были: князь Иван Юрьевич Патрикеев, князь Федор Давыдович Стародубский-Пестрый, князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский, князь Данила Димитриевич Холмский, Борис Матвеевич Слепец-Тютчев, Василий Федорович Образец-Симский и Петр Федорович Челяднин. Государь хотя был весел и с виду спокоен, но кто знал его хорошо, видел по дрожанию рук, что взволнован он очень сильно. Поздоровавшись с воеводами, Иван Васильевич обратился к дьяку Бородатому:

– Сказывай-ка всем, Степан Тимофеич, что ведаешь про воровство новгородское.

– Из того, государь, что яз в Новомгороде своими очами видел и своими ушами слышал, ясно: переметнуться хотят новгородцы к Литве и латынству. Сносятся Борецкие не токмо с Казимиром, а и с немцами и татарами.

– Верно, – добавил дьяк Курицын, – ведомо нам от Даниара-царевича, что Ахмат тайно ссылается и с ними и с крулем польским, круль же на нас и немцев подымать будет.

– И яз так мыслю, – продолжал Бородатый, – новгородцы же из бояр великих, как Борецкие, Лошинские, Есиповы, Ананьины и Афанасьевы, смуту сеют, наместнику государеву и дворецкому дерзко грубят, с веча прямо толпой приходят, а людей московских грабят и за приставы берут.² Имя государево не доржат честно и грозно, а лают и бесчествуют. – Помолчал старый дьяк и добавил: – Они тебя, государь, не боятся и мыслят токмо, как бы заратиться с нами. Приказы твои не чтут, и митрополита Филиппа посланья в наук им нейдут. Когда яз был еще в Новомгороде, собирали они к тебе посла своего, посадника Василья Ананьиного, якобы для ради земских дел и твоих жалоб, на деле же для ради сокрытия злоумышлений своих, дабы врасплох нас застать, к рати не готовыми.

– Когда ж Ананьин-то к нам будет? – спросил Иван Васильевич.

– Мыслю, государь, что дней через пять, а то и ранее.

– Встреть его, Степан Тимофеич, – перебил старого дьяка великий князь, – встретить почетно, якобы и впрямь боимся мы Новгорода, будто ни о чем не ведаем и не разумеем. – Государь помолчал и добавил, обращаясь к дьяку Курицыну: – А ты, Федор Василеч, снаряди посла от нас с приказом вотчине нашей Пскову, дабы готовы были рать поднять на Новгород.

² Взять за приставы – арестовать.

Пускай посол наш о пищалях им скажет, дабы при надобности нам пищали у них при полках были. На всяк случай... – Иван Васильевич оглядел всех воевод и глухо спросил: – Разумеете, воеводы?

– Разумеем, – сразу ответили все. – Вороги, как волки коня, нас со всех сторон обступают.

– Новгород, – продолжал государь, – Польша, Литва, немцы, а Казань и Тверь нож за пазухой доржат. Ахмат и прочие татары всегда зла нам хотят, опричь крымских, которые пока сами Ахмата боятся. – Иван Васильевич помолчал, раздумывая, и продолжал снова, всё повышая голос: – Поодиночке-то все они не страшны нам, а ежели вот все они соединятся воедино, не быть более Москве! Растопчут государство Московское, по частям раздерут!

Государь поднялся со скамьи так внезапно и быстро, что все вздрогнули от неожиданности и встали вслед за великим князем.

– Надобно нам вовремя пресечь злоумышленья ворогов наших, – продолжал Иван Васильевич, – токмо о сем и думайте, воеводы. Думайте, как сие сотворить. Ведайте, что надобно нам наивеликую ратную силу собрать немедленно. Полки собрать конные для похода и пешие для судовой рати, татар своих со всей конницей взять. Главное же – успеть нам приготовиться ранее ворогов, быть сильнее новгородцев, пасть на них, как снег на голову.

Смолк великий князь и, оглядев всех воевод строгим взглядом, резко спросил:

– Разумеете?

– Разумеем, государь, разумеем...

– Все мои слова, – так же повелительно продолжал Иван Васильевич, – в тайне доржать надобно и женам даже своим их не доверять. К зиме воев и коней снарядите. Соберите и заготовьте сани, телеги, насады, лады. Весной все принимать от вас буду. О походе же после того яз особо прикажу вам. Сей же часец клянитесь мне перед образами в хранении ратной тайны...

Все повернулись к образам, и каждый поодиночке поклялся громко, чувствуя на себе взгляд государя.

– Теперь идите, – властно проговорил великий князь, – яз же подумаю о всем еще с митрополитом и боярами.

Ноября второго прибыл в Москву от Новгорода посол, посадник Василий Ананьин, с несколькими боярами новгородскими, с житыми людьми и со слугами своими. Якобы по земским делам посол этот был послан и привез с собою ценные дары князю великому.

Ледостав в тот год был ранний – озера и болота везде уж замерзли, и даже многие реки стали, и посольство новгородское доехало быстро и хорошо.

Принимали послов у князя великого с почетом, в передней государя. Василий Ананьин был разодет в дорогие ипские³ сукна и бархаты и опоясан золотым поясом, осыпанным драгоценными камнями. Богаче государя московского облачен был посадник новгородский и держал себя гордо и дерзко, а когда бояре государевы спрашивали его, почему Новгород, государева вотчина, не бьет челом ему в неисправленьях своих и прощенья не просит, он отвечал даже при великом князе высокомерно:

– О том Великий Новгород со мной не приказывал.

Побледнел великий князь при этих словах от обиды и грубости надменного посла от Господа, но не показал и виду, будто ничего и не слышал. Был ласков все время, принял дары от вотчины своей новгородской: два постава сукна ипского, два зуба рыбьих,⁴ двадцать золотых корабленников⁵ да бочку вина сладкого... Был весел и гостеприимен государь за столом.

³ Ипское сукно – ипрское, от фландрского города Ипр, который в XII и XIV веках был центром производства знаменитых тогда сукон и бархата.

⁴ Зуб рыбий – моржовые клыки, ценившиеся так же дорого, как и слоновою кость.

⁵ Золотые корабленники – английские золотые монеты – «нобили» – с изображением корабля.

И только после трапезы, отпуская Василия Ананьина обратно в Новгород, поглядел суровым взглядом прямо в глаза ему – и смутился посол, а государь ему тихо, но внятно наказал:

– Повестуй вечу слова мои: «Исправьтеся, моя вотчина, сознайтесь, в землю и воды мои не вступайтесь, имя мое, великого князя, держите честно и грозно, а ко мне посылайте челом бить по докончанию, а яз вас жаловать буду и по старине доржать...»

Упрямо наведя брови, выслушал посадник новгородский слова государя, но, не смея перечить, низко поклонился и молвил:

– Волю твою исполню, доведу слова твои до веча...

Провожал посольство новгородское Степан Тимофеевич Бородатый с подьячими, писцами и со слугами своими. Как только ушел посол новгородский и разошлись бояре московские, подозвал государь дьяка Курицына и сказал:

– Надобно мне посла избрать для Пскова. Из бояр или дьяков, который наидобре мог бы на вече там баить...

– Сыщу, государь, – подумав, ответил Курицын, – из бояр, мыслю, Селивана можно, который уж ездил к псковичам, или Ивана Товаркова, а из дьяков – Якова Шибальцева...

– О сем подумаю, – перебил его Иван Васильевич, – ты же пока изготвь наставление для посла, дабы он лаской и хитростью понудил псковичей, яко посредников, ссылатся с Новымгородом. Тянуть нам время-то надобно. Обсуди сие сам, а на вече моим именем сказывать токмо так: «Моя вотчина Великий Новгород не правит, а учнет мне бити челом и исправится, жаловать буду. А не учнет мне правити, и вы бы на их были со мной заодно...»⁶

После отъезда Василия Ананьина стали замечать печаль в лице государя, хотя непременно занят он был с дьяками и боярами подготовкой к войне с Новгородом. Глаз не спускал он и с того, что делается в Казани, и в Большой Орде у Ахмата, и еще более того следил за Литвой и ляхами. Становился государь с каждым днем суровее и строже. Задумывался иной раз, забывая о тех, кто был около него.

Ноября же тринадцатого завтракал он, никого к себе на думу не зовя. Тихо отворив дверь, неожиданно вошел к нему дворецкий Данила Константинович и доложил:

– Иван Фрязин воротился из Рыма. Баит, лик грецкой царевны привез, на доске кипарисовой писанный...

Взглянул Иван Васильевич на дворецкого и молвил, вставая из-за стола:

– Время для меня настало, Данилушка, ножом себе сердце резать, душу себе из груди вынуть. Разумеешь ты сие?

Данила Константинович ничего не ответил и вдруг, забыв степень положения своего, обнял государя и поцеловал его в плечо.

– Запри дверь-то на крюк, – молвил великий князь, – сядь рядом, скажу тебе, что и как нам деять тайно.

– Государь, – тихо сказал дворецкий, – ране прикажу яз слугам никого к тебе не допускать, а Фрязину ждать.

– Верно, Данилушка, скажи Фрязину, пождет пушай в передней-то. – Иван Васильевич помолчал и добавил, сдвинув брови: – Да пусть он ништо никому не объявляет. Ждет моего приказа.

Оставшись один, задумался Иван Васильевич, зная не только о кознях Литвы и Новгорода, но и о приготовлениях к войне Ахмата и Казимира, а также предвидя возможность заговора братьев своих, которые на измену могут пойти. А тут еще и Иван Фрязин воротился, царевна потом приедет... Стиснул руки Иван Васильевич, шепчет в тоске:

– Трудно и горько мне, Дарьюшка, цвет мой благоуханный, Дарьюшка...

Вошел дворецкий и заложил дверь на крюк.

⁶ Неправит – кривит, в данном случае: «не выполняет договора с Москвой».

– Садись сюды, ко мне, Данилушка, – тихо молвил государь, – ты сам ведь знаешь – скоро война. Царевна потом приедет. Завтра Филиппово заговенье, а там пост. Хошу ныне проститься с голубкой моей.

Заволновался дворецкий и прерывисто зашептал:

– Она меня о сем же молила, дабы челом тебе бил от нее, убивается вельми. Постом ведь постригаться будет.

Иван Васильевич зажал лицо руками, сдавил на миг виски и заговорил снова:

– Все, Данилушка, мною обдумано. Монастырь-то Вознесенский избрал яз, где княжны все и княгини ангельский чин принимали. Дабы жила там, как княгиня, в почете. Яз ее за жену свою почитаю, хоша и не венчаны мы... Слышь, Данилушка?

Дворецкий молча поцеловал руку великому князю.

– Яз тебе в дар из подмосковных моих выберу сельцо, которое побогаче. Ты ж его в монастырь дай своим именем, яко вклад за Дарьюшку мою. Да из казны моей возьми десять золотых корабленников. После-то еще казной давать буду. Следи, дабы уход за ней был и в почете бы она была.

Иван Васильевич поднялся со скамьи и молча прошелся вдоль покоя своего, потом остановился возле дворецкого и молвил:

– Не наша воля, Данилушка, в сей юдоли земной, а Божья. С самой игуменьей у Вознесенья-то поговори и о вкладах скажи твердо, ибо мной решено все, как тебе сказывал.

Дворецкий поклонился до земли государю:

– Спаси тя Господь, государь, да укрепит Он душу твою...

– Иди, Данилушка, – печально сказал Иван Васильевич. – Расскажи все Дарьюшке. Нету в сем вины моей, все ж мука ее от меня идет. Скажи, ныне вечером видеть ее хочу. – Государь снова прошелся вдоль покоя и добавил: – Пойди к государыне Марье Ярославне, проси ее тайно сей же часец ко мне, а потом тайно же Ивана Фрязина к нам приведи.

Иван Васильевич в каком-то забвении ходил взад и вперед по своему покою, когда вошла к нему Марья Ярославна и окликнула его:

– Иванушка, пошто звал ты меня? Люди у меня были – Данилушка посему не хотел ничего сказывать.

Иван Васильевич молча поздоровался с матерью и, поцеловав ее руку, сказал ласково:

– Садись, моя матушка, сюды к столу. Яз тебе все поведаю. Сей часец придет сюды Иван Фрязин. Воротился он из Рыма.

Марья Ярославна сразу оживилась и заволновалась:

– Когда же, сыночек, приехал он?

– Придет – вот сам и поведает. Лик царевны грецкой привез он, на доске кипарисовой писанный. Вот мы с тобой и поглядим его. Потом ты расспроси Фрязина-то, как ты сие умеешь, обо всем, спроси посла-то нашего, а яз послушаю. Да и сам, может, о чем-либо его попытаю.

– Когда же придет-то он?! – нетерпеливо воскликнула великая княгиня.

– Сей часец, матушка, – ответил Иван Васильевич, – а ты, молю, погляди на лик-то ее и скажи все мне. Материнское-то сердце – вещун верный.

Дворецкий, постучав, приотворил слегка дверь и спросил:

– Приказываешь ли, государь, пред лицо твое стать?

– Веди сюды Фрязина, потом нас втроем оставь. Никого сюды не пушай.

Иван-денежник вошел и низко поклонился, касаясь рукой по русскому обычаю самого пола. Потом, как принявший православие, перекрестился на образ по-православному. Усмехнулся Иван Васильевич, представив себе, как его денежник молился перед папой, крестясь по-католически.

– Двuruшничал, – чуть слышно сорвалось с его губ.

– Многие лета вам, государь и государыня, жить во здравии, – почтительно молвил венецианец.

– Здравствуй и ты, – ответил государь, – сказывай.

Иван-денежник снова поклонился, достал из-под полы кожаный ящичек красивой работы, тисненый золотым узором, и, сняв с него крышку, преподнес Ивану Васильевичу. В ящичке лежала кипарисовая доска. На ней сухими красками, разведенными яичным желтком с клеем, написан был лик царевны Зои.

Государь и государыня впились глазами в изображение на доске. На них смотрела полная девушка лет двадцати трех в итальянском плаще из парчи, отороченном соболями. Из-под плаща виднелось пурпуровое платье. На голове царевны, среди густых черных волос, сверкал золотой обруч, наподобие короны, увитый нитями крупного жемчуга.

Лицо царевны, белое, с нежным румянцем на щеках, понравилось Марье Ярославне, и она сказала сыну:

– Личико-то у ней баское. Токмо вот губы-то толстоваты, да и в глазах ни ласки, ни доброты нету.

– Государыня, досволь слово молвить, – вкрадчиво попросил денежник.

– Сказывай, – сухо ответила государыня.

– Сие токмо на иконе, – быстро заговорил венецианец, пришепetyвая при трудных ему словах, – глаза у царевни хороши, ласкови, а на иконе нет. На щеках румянец.

Иван Васильевич по складу рта царевны понял, что чувственна она и властна, а глаза ее неверны. На миг мелькнули пред ним голубые глаза юной княгини и темные глаза Дарьюшки.

– Чужая царевна-то сердцу моему, – молвил он матери, – видать в ней дочь латынства римского.

– Бают, сирота она? – спросила Марья Ярославна у посла.

– Сирота она, государыня, – быстро затараторил денежник. – Старшая сестра ее, Екатерина, – вдова Стефана, короля Боснии. Братья тоже старше царевни, Андрей и Мануил, – оба у папы живут...

– Сказывай, – перебил его Иван Васильевич, – что тебе папа о женитьбе приказывал и как меня чтит и послов моих как принимал?

– Его святейшество чтит тя, государь, как господаря великого, как короля, и на брак тя с царевной благословляет. Сама царевна рада и со всей охотой согласие дает идти за тебя. Его кардинал Виссарион грек, который у невесты твоей, государь, учителем, вельми ласков к послам, а тебя наивисоко чтит. Приказал папа-то привезти тебе «опасни» грамоты для бояр твоих на два года по всем землям, а опричь того письма послал государям всех латинских земель, для ради тебя, государь, повсюду бы с честью великой принимали царевну.

– Где же сии опасные грамоты?

– Привезет их вборзе с собой посланец папский Антон, тоже, как и яз, венецианец. Будет твоим боярам слободни проезд по Рому по всем королевствам и княжествам.

– Награжу тя за верную службу щедро, – сказал Иван Васильевич, – иди. Когда надобно будет, призову для ради сих же дел.

С благодарностями и низкими поклонами вышел денежник из покоя государя московского.

Мать и сын остались одни и сидели молча за столом, разглядывая изображение греческой царевны. Первым нарушил молчание Иван Васильевич и, усмехнувшись, сказал:

– Что другое, а детей рожать горазда будет.

– Бог ее ведает, сыночек, – тихо и в раздумье произнесла Марья Ярославна, – что она в дом-то нам принесет.

– Разве сие угадаешь, матушка? – грустно ответил Иван Васильевич. – Чужая она всем нам, особенно Ванюшеньке. Вижу, чувствует он, что злой ему мачехой царевна будет. Токмо

теперь уж поздно перепряжку-то деять. Да, может, лучше-то и не найдешь... – Иван Васильевич помолчал и добавил: – Хочу тебе, матушка, как на духу покаяться. Токмо трех любил яз. Одну в ранние юные годы, всего две недельки. Любил на походе, да и не сердцем любил, а токмо телом. Вторая-то была княгинюшка моя, Марьюшка, нежная и ласковая. Сердцем всем полюбил ее, голубушку. Отцом чрез нее стал, а Господь ее от меня отнял.

Иван Васильевич замолчал, сжимая свои руки. Язык его не поворачивался сказать о Дарьюшке даже матери. Марья Ярославна положила руку на плечо сына и сказала ему, как говорила маленькому:

– А ты не бойсь, сыночек. Материнское-то сердце все у дитя своего уразумеет.

Приник Иван Васильевич лицом к руке матери и зашептал:

– Третьей-то яз и сердце и душу навек отдал, матушка. Токмо имя ее не спрашивай, а ежели сама потом догадаешься, держи сие в тайне про себя, дабы ни один человек о сем не ведал.

Он почувствовал, как другая рука его матери ласково легла ему на голову, и стал сразу он как бы малым дитем, вздохнул глубоко и прерывисто, словно наплакался вдоволь. Успокоился сразу и заговорил с тихой печалью:

– Все три мя любили, а последняя больше двух первых. Истинной женой мне была, да не может вот княгиней стать, займет ее место царевна чужой земли, и сама мне совсем чужая.

– А ты не кручинься, Иванушка, – ласково заговорила государыня. – Бог поможет, забудешь с годами люблю свою, а с царевной-то, Бог даст, стерпится – слюбится...

Иван встал из-за стола и, пройдясь вдоль покоя, молвил матери:

– От ласки твоей, матушка, легче сердцу моему, и силы душевной у меня прибыло. Поборю яз себя, может, забуду и люблю свою, токмо вот радостей сих на земле мне никогда уж больше не ведасть.

Среди ночи проснулся Иван Васильевич, чувствуя, как горячие струйки бегут по его щеке и шее. Открыл глаза и при свете лампад увидел: Дарьюшка, припав к нему, лежит неподвижно... Молча погладил он ее волосы и мокрые от слез щеки, но она не шевельнулась, словно застыла, и вдруг всей душой своей и всем телом он почувствовал разлуку навсегда. Жадно обнял ее, целует...

– Последняя ты моя радость земная, – шепчет, задыхаясь от горя, – последняя моя любовь...

А она, вся обессилев, сникла ему на грудь, словно умерла от горького счастья. Замер как-то весь и сам Иван Васильевич в безмерной горести, но слышит шепот ее тихий:

– Мне, Иванушка, радости от трех сих годочков на всю жизнь хватит, и на том свете их не забуду.

Ничего сказать ей не может Иван Васильевич и только жадно обнимает, со слезами целует ее.

– Без тебя, Иванушка, – шепчет она, – будто спокойно совсем, – нет мне более жизни в миру, нет мне более мирских радостей. В монастыре-то буду токмо Бога молить за грех наш с тобой.

И вдруг плечи ее задрожали, и зарыдала она, и снова тоска и боль охватили Ивана Васильевича. Сливаются они в прощальных объятьях и ласках, и не помнит он, как забылся в усталой дреме.

Но вот сон сразу отлетел от Ивана Васильевича. Рассветом белеют уж окна, но не может понять он, почему боль и тоска в его сердце, где он и что кругом его творится.

У постели стоит одетая совсем Дарьюшка. Бледная, будто из белого воска лицо ее – словно она мертвая из гроба встала. Замутилось все в мыслях Ивана от муки нестерпимой.

– И ты умираешь, – беззвучно шепчут его губы, – и ты...

Вскочил он с постели, пал на колени, обнял Дарьюшкины ноги, приник к ним лицом и целует платье ее.

– Прости мя, Дарьюшка, прости, свет мой, – хриплым, прерывистым голосом говорит он. – Слуга яз государству, а оно мою душу съедает! Счастье мое съедает!

С испугом и радостью Дарьюшка охватила руками его голову.

– Что ты, Иванушка, что ты, – склонившись, шепчет она, – государь ведь ты! Женке купецкой земно кланяешься! Встань, Иванушка мой! Светает уж... Вставай... Пора идтить мне...

И, услышав осторожный стук Данилушки в стену, затрепетала вся от сдержанных рыданий, глянула, будто в смертный час, с тоской в лицо ему и выбежала из опочивальни.

В Рождественский пост, ноября двадцатого, приехал из Новгорода посол от веча, Никита Саввин, с вестью о смерти владыки новгородского и псковского Ионы и об избрании на архиепископский престол священноинока Феофила.

Уже измену творя и сносясь с королем Казимиром о заключении договора на присоединение Новгорода к Литве и Польше, господа во главе с Борецкими все еще боялась Москвы. Все надежды у изменников были только на военную помощь короля и хана Ахмата, с которым в тайных переговорах был король польский. Мечтает король присоединить к своей Литве Новгород со всеми его землями обширными и богатыми. Много врагов у Москвы, и все они дружны меж собой, когда нужно Москве вредить.

Исподтишка они яму копают великому князю московскому, и ныне вот послали бывшего у них князя Василия Шуйского-Гребенку на Двину, в Заволочье, дабы готовыми быть против Москвы. В Заволочье-то у них главные вотчины и доходы великих бояр из господы. Рукоположить же новоизбранного и нареченного владыку Феофила по старине шлют в Москву, а в Литву к униатам послать его не посмели.

Весьма затруднительное положение в Москве у Никиты Саввина. Не смеет он прямо к Ивану Васильевичу обратиться. Митрополита Филиппа и княгиню Марью Ярославну он просил, дав им дары многие, дабы печаловались они пред государем: принять его, Саввина, и дать письменное разрешение на проезд в Москву Феофилу для посвящения в архиепископы.

Целую неделю не желал государь посла новгородского видеть, наконец, сменив гнев на милость, как-то за обедом молвил он с усмешкой митрополиту:

– Ведомы мне все их хитрости. Время хотят выиграть, а того не разумеют, что сие нам-то наипаче надобно. Ну, пушай ныне приходит Саввин-то после трапезы, пождет нас в передней.

Окончив обед, перешел князь великий в свою переднюю, а с ним и митрополит Филипп, княгиня великая Марья Ярославна, и призваны были некоторые бояре и дьяк Курицын.

При появлении великого князя поспешно и почтительно все встали со скамей. Посол Никита Саввин, крепкий мужик средних лет, бояре новгородские, житьи люди и купцы низко поклонились князю и княгине, касаясь пола рукой.

Выслушав обычные пожелания многолетия и здоровья, государь сухо произнес, обращаясь к послу:

– Сказывай.

Никита Саввин опять поклонился до земли и молвил:

– Молим тя, государь, отложи гнев свой, дай опасные грамоты нареченному владыке. Разреши, государь, передать тебе от веча грамоту с печатями вислыми всеми, опричь владычной, ибо владыки еще не имеем. Рукоположения токмо для него молим.

Дьяк Курицын принял по знаку государя грамоту от веча и, тщательно осмотрев, сказал:

– Все подобающе в обращении к тебе, государь, печати же вислые посадника степенного, тысяцкого и пяти кончанских старост...

– Читай, Федор Василич.

– Слушаю, государь, – продолжал дьяк Курицын и, пропустив титулы и прочее, внятно прочел:

– «В лето шесть тысяч девятьсот семьдесят восьмое,⁷ месяца ноябрю в пятый день, на память святых мученик Галактиона и Епистимия, преставися архиепископ Великого Новгорода и Пскова отец Иона. И положили тело его в его же монастыре в Отни пустыни...»

При этих словах поднялся со скамьи митрополит Филипп, и все встали следом за ним и обратились лицом к образам. Владыка перекрестился и произнес душевно и кратко:

– Господи, прими во Царствие Твое Небесное раба Твоего Иону.

Митрополит сел, и все сели по своим местам, а Курицын продолжал читать грамоту веча новгородского:

– «Того же месяца в пятнадцатый день посадники новгородские, тысяцкие и весь Великий Новгород у Святой Софии собрали вече и положили три жребия на престол в алтаре: один – Варсонофьев, духовника владычного, другой – Пименов, ключника владычного, а третий – Феофилов, протодиакона с Вежища, ризника владычного, и сказали так: «Чей жребий оставит себе на престоле Святая София, тот и всему Великому Новгороду преосвященный архиепископ». И избра Бог и Святая София жребий Феофилов. В тот же час весь Великий Новгород двинулся на Вежище к Феофилу. Привели на владычен двор, ввели в хоромы владычнины с честью и нарекли преосвященным архиепископом...»

Дьяк Курицын оборвал чтение, сказав:

– Тут далее идут, государь, подписи.

Иван Васильевич молча кивнул и, улыбнувшись, молвил:

– Верую, новгородская моя вотчина будет служить мне. Гнев же свой яз отложил и даю опасные грамоты богомольцу нашему, нареченному Феофилу, дабы мог он рукоположиться на Москве у митрополита православного, а не еретика Исидорова... – Великий князь, подумав некоторое время и оглядев потом всех новгородских бояр, житых людей и купцов, добавил: – Нету у меня и страха, что вы, люди православные, веру отцов своих предадите и заодно с погаными латынянами на Русь руку подымете.

⁷ 1470 год.

Глава 2

Поход к Новгороду

В лето тысяча четыреста семьдесят первое случилось на Руси небывалое – Новгород от православия отшатнулся, от отечества отрекся. Не поверил сему князь великий Иван Васильевич, не послал сразу полки свои на изменников, еще раз хотел государь вразумить новгородцев, удержать их от измены и послал к ним боярина Ивана Федоровича Товаркова, наказав ему:

– Моли их, дабы от православия не отступали, лихую бы мысль отложили и к латынству бы и к королю не приставали, а челом бы мне били да исправились.

Митрополит же московский, владыка Филипп, послал с дьяком Товарковым увещательную грамоту всему Новгороду, а ныне, апреля двадцать третьего, когда «пастухов наймают» на лето скотину пасти, вернулся уж Иван Федорович из Новгорода, но с вестями еще худшими. Созвал тогда великий князь братьев своих и отцов духовных, князей и бояр, воевод и дьяков думу думать о злоумышлениях новгородских.

Собрались все званые государем в передней его и ждали только приезда митрополита. Ожидание это недолгим было. Вбежали слуги княжие дозорные, восклицая:

– Государь, едет владыка!..

Иван Васильевич с братьями своими вышел на красное крыльцо, чтобы встретить на этот раз отца духовного с особым почетом. Владыка Филипп, войдя в переднюю и благословив всех после краткой молитвы, сел рядом с государем. Иван Васильевич, помолчав некоторое время, молвил со скорбью всему собранию:

– Яз и митрополит наш Филипп все содеяли, дабы вразумить новгородцев, отвратить их от зла и воровства. Они же сотворили намерзкое и наипакозное для Руси православной. – Великий князь вздохнул тяжело и добавил: – Иван Федорыч доведет нам о воровстве новгородском. Сказывай, Иван Федорыч.

– Истинно, государь, – начал Товарков, – наипакозно для Руси православной сотворили новгородцы. Пошла новгородская земля в ересь латыньску. Решила господа их окаянная послать владыку своего нареченного Феофила рукополагаться не в Москву, а в Киев, к митрополиту Григорию, иже от Рыма поставлен.

– Еретики поганые! – заговорили кругом. – В прелесть дьяволу впали! Гнева Божьего не боятся!..

Но государь сделал знак, и Товарков продолжал:

– Токмо сам Феофил того не всхотел, решил с себя избрание снять и пойти в монастырь, в келию, но его не пустили. Господа же, лукавство тая, обещала отослать его на Москву, где отец наш, владыка Филипп, его рукоположит в архиепископы Новгороду и Пскову, а токмо отпуску ему на Москву никак не дают.

– О злолукавцы и нечестивцы! – со скорбью воскликнул митрополит.

– Но, государь, – продолжал Товарков, – злолукавие их более того. Как мне сказывали в Новомгороде доброхоты наши, господа-то продалась уж королю Казимиру, дабы главой он был новгородской державе. Посылала она для сего в Краков Панфила Селифонтова и Кирилу Иванова с челобитной и с великими дарами. Всему же коноводы – Борецкие, а наиглавная из них – Марфа, вдова посадникова. С дерзостью она против тя, государь, всенародно баила: «Не господин нам князь московский! Новгород нам господин, а король польский – щит и покров нам от зла московского». Наемники же их, слуги и всякие люди запьянцовские, били в колоколы вечевые, бегали по улицам и вопияли: «Не хотим Ивана, хотим за короля Казимира задаться». Тех же, кто за Москву православную кричал, за государя нашего и за отца митрополита Филиппа, камнями били, хватали и в Волхов с моста метали, а дворы их грабили.

Ужаснулись все на думе государевой. Митрополит же Филипп встал со скамьи в гнев великом и, обратя взоры свои на кивот с образами, воскликнул:

– Виждь, Господи, срамоту сию, накажи их за грехи их и мерзости! – Перекрестился истово, обвел всех глазами и продолжал: – Ныне же новгородские люди, злые мысли тая, вредят в делах законных своего же государя! Пусть же накажет Господь Бог их за злые начинания против православной веры!

– Бить их! – возвысили все голоса свои в негодовании. – Бить, яко псов неверных!..

– Хуже татар нам сии вороги, свои бо кровные!..

Шумели и кричали все, требуя войны с изменниками отечеству и вере православной. Когда же затихать стали крики и возгласы, опять встал митрополит, помолился на образа и, обратясь к Ивану Васильевичу, молвил:

– Государь! Возьми меч в руци свои! Благословляю ты на рать против врагов Руси православной!

Великий князь молча принял благословение владыки и, не сядя на скамью, произнес громко:

– Обещаюсь Господу Богу и всея Руси православной: будет рать сия грозна и немилостива. – Успокоившись и смирив гнев свой, сказал великий князь приветливо: – Молю я, отец мой, – трапезу с нами раздели вместе с отцами духовными, и вас о сем же молю, князья и бояре, воеводы и дьяки... – Государь сел на место свое престольное и добавил: – После трапезы буду один яз с воеводами и дьяками думу думать, дабы лучше волю совета сего исполнить.

Проводив гостей после трапезы, великий князь оставил у себя в покоях только малое число воевод и дьяков, наиболее сведущих и верных, во главе с братом своим, князем Юрием.

В случаях тех, когда грозила опасность и надобна была скорость действий и быстрота мысли, Иван Васильевич становился совсем иным, не похожим на обычного сурового и медлительного государя. Его движения делались быстрыми и выразительными, глаза блестели воодушевлением, а лицо озарялось иногда светлой улыбкой...

Великий князь оживленно ходил по своему покою вокруг большого стола, за которым сидели воеводы, разложив на нем карту с начертаниями дорог, рек, сел, городов, лесов, болот и озер на всех путях от Москвы до Новгорода Великого. Наиглавных путей было два: один – через Волок Ламский, Торжок, Вышний Волочок, Коломенское озеро и Язолобицы; другой – через Волок же Ламский, но потом мимо озера Волго, откуда Волга начинается, потом на град Демань⁸ и Русу, а оттуда берегом озера Ильмень через Коростыню. Глядя на очертания дорог, Иван Васильевич весело усмехался и говорил воеводам:

– Добре сие все начертано. Яз даже будто вижу очами своими, как полки наши идут обоими путями, как с обеих сторон к Новгороду подходят! Вижу, как и псковичи к Сольцам и Мусцам по дороге вдоль Шелони идут... – Государь замолчал и задумался. – Токмо рек-то сколь в Ильмень-озеро впадает, – молвил он тихо, – и Мста, и Волхов, и Шелонь, и все с притоками, а опричь того – Полиста, Ловать, Пола! Болот же и озер, больших и малых, почитай и не сочтешь.

– Да, государь, – сказал воевода Федор Давыдович Пестрый, – не за зря же николи в летнее время никто не ходил ратию к Новгороду.

– Сие не указ нам, – ответил Иван Васильевич, – на все нам ко времени и к случаю свой разум иметь надобно.

Еще некоторое время государь разглядывал молча чертежи, потом весело заговорил: – Добре, добре все сделано. Наиперво сие для ратного дела. Спасибо вам, воеводы мои. Ныне же молю вас, все чертежи взяв, соберитесь у себя купно и точно мне исчислите: во сколько ден полки по сим путям пройти могут. И исчислите отдельно, сколь ден пройдут конные полки,

⁸ Демань или Деман – новгородская крепость (г. Демянск).

сколь ден пешие, сколь ден обозы вьючные или тележные. Исчислите, сколь харча людям надобно, сколь сена, овса или жита – коням. Татары Даниаровы с нами пойдут, у тех свой порядок, те сами себе все исчислят. Рассудите такожде, воеводы, где ночлегам быть, где людей и коней днем кормить. Обсудите меж собой, какие у вас наилучшие в полках сотники и десятники, отберите их на главные места в те полки, которые в рати первые будут. Ежели добрых сотников и десятников неостанет, наберите себе новых, да так, чтобы в запасе были. Неровен час кто убиен или ранен будет – была бы в бою замена верная... – Иван Васильевич задумался, потом продолжал: – Еще же вам приказываю, воеводы: каждый пусть из всех своих полков отберет наилучших лучников в особые полки. Помните, у новгородцев нету лучников, негодны они к дальнему бою. Мы же новгородцев издаля бить будем, особливо их конные полки. Басенок и князь Стрига добрый пример учинили, а вот как полки наряжать и где какие из них ставить, укажет вам брат мой, князь Юрий. На все сие даю вам два дня...

На третий день после думы Иван Васильевич завтракал у себя в покоях с братом Юрием. Через час должны были прийти к ним воеводы с новыми дополнительными сведениями о местностях, где войскам проходить, а также о всех местах стоянок и ночлегов.

В покоях жарко и душно, окна в княжой трапезной отворены настежь. Солнце печет, как в июне, заливая окрестности ослепительным блеском. Братья сидят в расстегнутых летниках.

– Помогает нам Бог, Иванушка, – молвил Юрий, – вестники мои, по приказу твоему, три раза в день вести привозят: бают, сушь и зной в новгородской земле вельми велики. Зимато, бают, бесснежная совсем была. Голая земля замерзла, на санях не проедешь. Всю зиму на колесах ездили. Весной же сразу знойно стало, словно в конце мая; паводков вовсе не было: вместо паводка усыхать начали реки и болота.

– А как лесные-то дороги, – спросил Иван Васильевич, – и гати на топях?

– Все сие крепко. Ведь вешних-то вод там не было. В полях земля от сухоты вся потрескалась, а дождя ни капли не капнуло. Ловать, бают, пересыхать уж стала.

– Карает Господь новгородцев за воровство и отступничество, Юрьюшка, – спокойно и уверенно произнес Иван Васильевич, – а у нас зимой-то всю землю снегом засыпало, а некои села и деревни, бают, до крыш заметывало сугробами. Паводок был – все поймы, как озера, стояли, на лодках по ним плавали.

Постучав в дверь, торопливо вошел в государев покой дворецкий Данила Константинович. Увидев, что братья одни, молвил взволнованно:

– Иванушка, Юрьюшка, кончается Илейка-то наш. Стара государыня там уж с Ванюшенькой.

Братья переглянулись молча и пошли вслед за Данилой. В подклетьях, где в малом покойчике жил Илейка, сидела на стольце, принесенном Дуняхой, Марья Ярославна. Ванюшенька стоял возле нее. Тут же был и Васюк. Илейка лежал у окна на пристенной скамье. Солнце, врываясь в окно косой широкой полосой, освещало лицо старика, утопавшее, как в мыльной пене, в густых белых кольцах всклокоченных кудрей и в седой курчавой бороде. Он был такой же, как всегда, и даже улыбался, щурясь от света. Узнав вошедших, Илейка обрадовался и, обратясь к Марье Ярославне, молвил ей слабым голосом:

– Вот и оба сыночки твои, государыня. И Данилушка тут...

Илейка помолчал и, скосив глаза на Ивана Васильевича, заговорил с ясной улыбкой:

– Иванушко, государь мой, ишь как солнышко играет радостно. И люблю уж я солнышко-то, страсть!

Старик закрыл глаза, и застывшие в улыбке губы его медленно стали белеть...

– Упокой, Господи, душу раба Твоего Ильи, – истово произнес Васюк, перекрестился широким крестом и встал на колени...

Вслед за ним и все преклонили колени пред усопшим.

Государь встретил воевод в своих покоях и тотчас же приступил к изучению новых чертежей.

– Угодили воеводы мои, – говорил он весело брату, – порадели вельми. Челом вам, воеводы, бью за труды ваши. Знатно все изделали, знатно! Токмо истинно ли все исчислено, что по сим дорогам войско со всякого рода полками будет двадцать пять верст в день идти, а по сим вот, лучшим, даже двадцать восемь верст в день?

– Истинно, государь, истинно, – зашумели кругом воеводы, – руци свои на отсечение даем! Отборные же конные полки и того более за день пройдут.

– Добре, коли так, – весело отозвался государь, – наиплавное-то – знать, куда и в какое время каждый полк прибыть может. Расчеты же так замышлять, дабы всяк раз врага упредить и врасплох его бить. Обходы разным полкам было бы можно по расчету в единое время свершать. – Иван Васильевич усмехнулся и добавил: – Третьеводни тут Федор Давыдыч баил – никто-де не ходил ратию к Новугороду в летнее время, а нам сие-то и надобно. К зиме нас будут ждать новгородцы, дабы с Казимиром и Ахматом нас со всех сторон окружить и задавить.

– Истинно, государь, – молвил Товарков, – блазнят себя сим новгородцы.

– Ежели, – продолжал великий князь, – мы морозов год ждать будем, то вороги наши в три раза сильнее нас станут. Нам же страха на нонешнее лето нет, ибо засухой Бог покарал всю новгородскую землю. Князь Юрий Василич о сем и о прочем вам подробно все обскажет. Под началом брата моего вы тут рассудите порядок полкам. Передовым отрядам не уходить от главного войска далее ста пятидесяти верст. Вестники должны день и ночь от воевод быть в ставку государя вашего. – Иван Васильевич встал со скамьи и продолжал: – Воеводы и дьяки, вы днесь у меня обедаете. К обеду ворочусь к вам.

Все встали, провожая государя, а тот, уходя, молвил дьяку Курицыну:

– Иди со мной...

В сенцах великий князь, вспомнив приказ свой о собирании всех правил судебных, спросил:

– Как и что дьяки творят под началом Володимира Елизарыча Гусева? Есть у них толк-то?

– Много уж содеяно у них, государь, – живо откликнулся Курицын. – Сказывал мне Володимир Елизарыч, что много правил нужных они уж из уставных грамот набрали и из судебных дел разных. Жук-то баит, судебник можно составить...

– Ну, ладно, добре, – молвил Иван Васильевич. – Кончив рать с Новымгородом, и о сем подумаем.

Великий князь, войдя в хоромы старой государыни, послал к ней Дуняху спросить, можно ли ему зайти к ней в покой вместе с Курицыным. Дуняха возвратилась и сказала:

– В трапезную просит государыня. Ждет она вас там.

– Яз к тебе, государыня-матушка, – входя в трапезную, ласково молвил Иван Васильевич, здороваясь с матерью, – думу малу подумать.

Марья Ярославна поцеловала сына, сказав нежно:

– Садись, сыночек, рядышком. Садись за стол и ты, Феденька. Обед-то не скоро еще. Может, взвара яблочного со мной поедите?

– Спасибо, – ответил великий князь, – сыт яз. Там у меня в покоях воеводы думают вместе с Юрьем. Обедать с ними у себя буду.

В трапезную вбежал Ванюшенька и повис на шее отца. Он был все еще взволнован, губы его дрожали. Отодвинувшись от отца и глядя в глаза ему, он с тоской спросил:

– Тату, пошто к людям смерть приходит? Илейка вот помер, и мы все померем? Пошто сие? – Слезы блеснули в глазах Ванюшеньки. – Любил яз крепко Илейку-то, – проговорил княжич.

Сердце Ивана Васильевича дрогнуло. Растрогали его не столько чувства сына, сколь мысли его.

– Так, сыночек мой, – сказал он, обнимая Ванюшеньку, – от Бога все так поставлено. Все, что рождается, все помирает. Посему краткий век свой каждый прожить должен пред Богом и людьми честно и с пользой.

Успокоенный редкой теперь лаской весьма занятого отца, Ванюшенька сел возле бабки. Марья Ярославна подала ему мисочку с мочеными яблоками и молвила:

– Ешь, голубик мой ясный, ешь на здоровье.

Иван Васильевич грустно вздохнул и, взглянув на мать, тихо произнес:

– Сколь близких нам, матунька, из жизни сей отошло, души предав Господу.

Замолчали все на миг, но Иван Васильевич заговорил снова, обратясь к дьяку Курицыну:

– Как хрестник-то мой? Полегчало ему?

– Спасибо, государь. Совсем уж с постели встал.

– У тя, Феденька, меньшей-то, Фоня, видать, здоровей? – спросила старая государыня. – Ваня-то все хворает. Ну, а как твоя Устиньюшка здравствует?

– Спасибо за ласку, государыня. Что моей Усте-то деется? Не дай бог сглазить, она всегда здорова – Афанасий-то в нее вышел.

– А сколь, Феденька, лет-то ныне сынам твоим?

– Иванушке шешнадцать, Афанасью же тринадцать, как внуку твоему, государыня.

– С похода вернись, – усмехнувшись, молвил великий князь, – и дочкам твоим старшим и сынам твоим гостинцев привезу из Новгорода. Сей же часец, Федор Василич, давай о зле новгородском думать. Наперво изготвь ты грамоты разметные, токмо без ругания. Пиши им от меня так: «Не хотением своим дерзаю на пролитие многой крови христианской, дерзаю яз об истинном Законе Божественном, о благе Руси православной». К сему добавишь из Святого Писания о мече карающем.

Быстро достав чернильницу, Курицын кратко записал сказанное государем. Иван Васильевич, помолчав, продолжал:

– Грамоты разметные готовыми держи, а когда слать их – скажу тебе особо. Ныне же избери наипочетно посольство к брату моему и великому князю Тверскому Михаил Борисычу. Прошу-де яз по dokonчанию братскому на конь воссести против Новгорода, а пошто, сам ведаешь, как писать надобно. Ныне же вечером с дьяком Шибальцевым Яковом договорись, дабы ехал он во Псков и там был бы на Вознесенье Господне, двадцать третьего мая. Пусть на вече там пред всеми псковичами от меня баит: «Вотчина моя Новгород отступает от меня за короля. Архиепископа же своего хотели ставить у митрополита униата Григория. Яз, князь великий, дополна иду на них ратию, и вы, вотчина моя, псковичи, сложили бы крестоцелование Новгороду, пошли бы с воеводой моим на него ратию», и прочее, что оба порешите. Далее у меня токмо ратные дела с воеводами. Иди, Федор Василич, а утре придешь ко мне к завтраку вместе с дьяком Шибальцевым и все свои грамоты мне покажете.

За час до обеда государь возвращался к своим воеводам. Идя по сенцам княжих хором, вспоминал он труды всех великих князей московских: Ивана Калиты, Ивана Ивановича, Дмитрия Ивановича Донского, прадеда знаменитого, деда своего Василия Дмитриевича и родителя своего Василия Васильевича.

– Все они, – молвил он вслух, – купно с нашей церковью не токмо о Москве, а о всей Руси православной радели.

Вспомнил он беседы с Курицыным о Куликовской битве, вспомнил заветы владыки Ионы, и сердце его наполнилось мужеством и верой в себя. Твердым шагом вошел он в покой, где заседали воеводы и дьяки во главе с братом его, князем Юрием Васильевичем.

– Ну, как у вас тут? – спросил он. – Сказывай мне, брат мой.

Приученные государем излагать мысли свои кратко и быстро, выступают перед ним воеводы, а в первую очередь князь Юрий. Говорят один за другим и князь Холмский, и князь Стрига-Оболенский, и князь Пестрый, и Тютчев, и прочие все.

Слушает государь воевод своих, следит по картам и словно на гору высокую восходит. Видней и видней ему становится все, и мысли идут сами, ясные и точные. Глаза его горят, и вот весь поход, со всеми главными задачами ратными, как на ладони.

– Воеводы! – воскликнул он, и голос его вдруг окреп и зазвенел, сразу взволновав всех. – Воеводы мои! Добре все вы исчислили, добре все содеяли! Потрудились для Руси православной! – Государь помолчал и продолжал: – Помните, воеводы, всюду круг нас – вороги. Первое дело наше: не дать врагам объединиться. Главная цель наша в походе сем: разбить новгородцев допущена ранее, чем король Казимир повернуться успеет. Вести у нас еще есть от Даниаровых татар, что у хана Ахмата междусобойе в Орде. Посему летний поход начать надо немедленно. Бог помогает нам – во всей новгородской земле сушь великая, голод там будет. Мы же, сговорясь с князем Тверским, ни единого воза с хлебом к Новгороду не пропустим. Будем у Торжка зимой все хлебные обозы, а летом все лодки иметь... – Иван Васильевич подошел к развернутой на столе самой большой карте, и опять его голос зазвенел твердо и уверенно: – Сими двумя путями: на Русу и на Вышний Волочок идти полкам нашим. Но мало сего. Надо войско новгородское на части разделить ныне же, дабы умалить силу их ратную, дабы не знали, куда им метнуться. Яз псковичам приказ дал идти в конце мая к Новгороду со всеми полками, с пищальями, дабы новгородцы и туда войска слали. К концу же мая готовыми быть воеводам: Борису Матвеечу Тютчеву – в Москве, Образцу же Василью Федорычу – в Устюге. Оба, как укажу им, должны идти враз, в один день в Заволочье, где у господы самые богатые земли, дабы господы вновь силу свою дробила и туда полки свои слали. Нам же тем самым тыл свой со стороны Двины заслонить надобно. Большую свою силу, тысяч десять, не менее, пошлем мы на Русу, к устью Шелони, а там – пойдет она к Новгороду крут озера Ильменя. Яз же сам с главной силой пойду на Торжок и Вышний Волочок. О прочем ждите приказов от меня через брата, князя Юрья. Разумеете?

– Разумеем, государь! – повскакав с мест, кричали воеводы. – Веру великую вложил ты в нас!

– Сами мы ратные люди и зрим как хитро ты задумываешь!

– Мы за водительство твоим яко за стеной каменной!

Иван Васильевич сделал знак, и все смолкли.

– Еще едино. Всем полкам и отрядам не отходить друг от друга далее ста верст и денно и ночью вестниками ссылаться. А наиглавно – вести бы всякий час в государев стан приходили, дабы вестники вовремя от меня приказы всем воеводам развозить могли.

– Нарядим все, государь! – с воодушевлением говорили воеводы. – Каждый приказ твой борзо и точно исполним!..

– Токмо по разуму, – перебил их великий князь. – Умейте и сами так деять на месте, где видней вам, чем государю, дабы наидобре приказ исполнить. Помните каждый: что решил – мигом исполняй, дабы враги не упредили тебя. Каждый шаг вражеских сил ведайте точно... – Государь оборвал речь свою, увидев в дверях дворцового Данилу Константиновича, и молвил весело: – Ну, да пред отпуском полков ваших буду яз еще беседу с каждым из вас иметь пространную. Сей же часец изопьем кубки за начало рати и пообедаем все за моим столом.

После отдания Пасхи, когда последний раз пасхальные песнопения поют, тридцатого мая завершил Иван Васильевич с братом Юрием составление порядка выступлений воевод своих с полками к Новгороду Великому, а тридцать первого мая, в День Еремее-распрягальника, когда крестьяне с концом ярового сева все полевые работы кончают, выступили одновременно в Заволочье боярин Тютчев с московскими полками и воевода устюжский Образец со своими

устюжанами и вятчанами. Беседуя об этом с Юрием, Иван Васильевич набожно перекрестился и молвил:

– Не оставь нас, Господи! Великая рать с Новымгородом зачалась.

Перекрестился следом за братом и князь Юрий, добавив:

– Помоги нам, Господи и святые угодники московские.

– Так вот, Юрьюшка, – продолжал великий князь, – приказывай воеводам моим именем: князю Даниле Холмскому, который вельми скорометлив в ратном деле, выступать первому седьмого июня ко граду Русе, а потом к устью Шелони, где бы соединился он с полками псковичей. – Иван Васильевич досадливо усмехнулся и заметил: – Нет у меня веры во псковичей, не соблюдут, боюсь, сроков своих, мешать будут Холмскому. Вся надежда моя токмо на князя Данилу. Десять тысяч даем ему, да пусть он точно соблюдает день в день, час в час, куда и в какое время в указанные грады ему приходить, как на его ратных чертежах мечено. Даем еще князю Даниле быстрые конные полки из татар Даниара-царевича. На походе пушай Холмский-то пустошит нещадно и грабит все грады и селы новгородские и полоны берет, дабы страхом гнать людей новгородских к Новугороду, дабы теснота, страх и голод были в сем гнезде осином... – Иван Васильевич нахмурил брови и добавил: – Помни токмо, Юрьюшка, нигде воли татарам не давать. Добычи и полона им у христиан не брать. Токмо Русь православная карать может за вероотступничество.

– Истинно так, Иванушка, – подтвердил Юрий, – а то пороги наши во зло сие обратят, скажут, добром христианским татарам платим. Вот еще что скажу тебе, Иванушка. В Русе-то могут задержать князя Данилу. Крепок град-то сей заставой своей, и пищали в нем есть. Мыслью, на всяк случай, дабы Холмскому вровень идти с полками князя Стриги-Оболенского, надо ему оставить на задержку запас времени.

– И яз так мыслю, Юрьюшка, – молвил государь, – а посему задержим Стригу-то здесь. Укажем ему выступать из Москвы на Акулину-гречишницу, через седмицу. Токмо ты ему числа и дни на прибытие в другие грады и селы исправь и о сем днесь же Холмскому доведи, а главное – укажи князю Даниле, когда князь Стрига в Вышнем Волочке будет, отколь к реке Мсте пойдет и к устью ее у Ильмень-озера. Сколь силы-то мы дали Стриге?

– Тысяч пять, государь, – ответил князь Юрий, – потому сей отряд всего в семи днях от главной нашей силы, нам ему легче помочь, чем князю Даниле.

– Добре сие придумано, – согласился Иван Васильевич. – Знать, и мне с главными силами из Москвы выступать надобно попозже – на Мефодия-перепелятника, тоже через седмицу. Следи, Юрий, дабы удельные-то наши в Волок пришли точно. Кто не придет вовремя, ждать не буду, пусть на себя пеняет после.

Долго еще беседовали братья, не отрываясь от карты с чертежами, вычисляя время всех переходов и точно намечая по дням и числам движение главных сил, дабы об этом так же точно знали и все воеводы. Было намечено, чтобы выиграть время в движении к Новугороду, производить присоединение отрядов союзников уже на походе. Так, полки великого князя Тверского должны были присоединиться к пехоте главных сил московских в Торжке. Для своих же удельных войск сборным местом назначен был Волок Ламский.

– Все сие, Иване, – радостно воскликнул Юрий, – так придумано и все исчислено, что нету у меня никакого сумления! Наирзумно ты, Иване, издал, что воеводами Образцом да Тютчевым заслонился от Заволочья. В бой еще не вступая, ты уже силу новгородскую на части разделил. Главное же, государь мой, ты на походе так силы все свои поставил, что ворогам никак нельзя нас уязвить и удары наши упредить.

– Верно, Юрьюшка, – подтвердил Иван, – поход-то Холмского с полудни, а Стриги с полунощи смутит новгородцев, а наши главные силы, идя меж двух сил передовых отрядов сзади, любому на помощь придут, ежели на какой из них главные силы новгородские ударят.

Когда совещание братьев окончилось и Юрий ушел, Данила Константинович осторожно, не входя в покои, отворил дверь и нерешительно остановился на пороге. Государь, все еще поглощенный мыслями о войне и походе, не сразу заметил приход дворецкого.

Вдруг сердце его упало, и тоска вошла в душу. Он вспомнил все. Подошел к дворецкому и, положив ему руки на плечи, спросил с тоской:

– Ну, как она там, Данилушка, в монастыре-то? Что баила?

Данила Константинович взволнованно потупился и тихо заговорил:

– Был яз, государь, у Дарьюшки. Ныне она – мать Досифея. Не приняла мя. Мать-игуменью передать молила, что-де она от мира ушла и мира боле не ведает. Токмо, мол, Богу молюсь за грехи свои и за чужие, а опричь того ничего через игуменью-то не наказывала.

Иван Васильевич ни о чем больше не спрашивал. Понял он все и молвил:

– Поборет она любовь земную ради небесной... – Помолчал и тихо добавил: – Прости мя, голубица моя кроткая... – Быстро отошел от дворецкого, задохнувшись от внутренней боли, и произнес глухо: – Мне ж, Данилушка, побороть надобно любовь и горе свое для ради Руси православной...

Глава 3

Полки идут московские

Вот уж и Федул на дворы заглянул – пора-де сиротам серпы зубрить. Настал июня восемнадцатый день. Погода ныне с самого конца мая стоит жаркая. Порой только идут кое-где полосами грозовые дожди недолгие. Солнце же печет землю так, что, не будь половодья такого весеннего, пересохла бы пашни все в пыль.

– Милостив Бог к московской земле, – говорят сироты, – кругом леса горят, а у нас урожай, хоша и малой, все ж будет.

Верит в это и великий князь и пуще торопится к Новгороду, где, как вестники доносят, ни одной еще капли за все время с неба не упало. Но чтобы еще больше поднять дух народа, совершает Иван Васильевич во храмах молебны и милостыню многую рассылает по монастырям и церквям: священникам, черноризцам и нищей братии.

В Москве же, накануне выступления войск, государь с боярами и воеводами своими, моления многие во храмах свершив, пришел в собор Успения Богоматери и, упав на колени пред иконой Ее чудотворной, громко взмолился:

– Господи! Тобѣ ведома тайна сердец человеческих. Не моим хотением, не моею волею будет пролитие многой крови христианской на нашей земле, а волею преступивших закон Твой.

Моление государево исторгло слезы у всех бывших во храме и гнев великий против изменников вере православной.

Со всех сторон понеслись возгласы молящихся:

- Помоги, Господи, государю нашему!..
- Накажи, Господи, изменников и богоотступников!
- Пошли, Боже, гибель им без милости за мерзость их латыньскую.
- Мы свой живот положим, государь, за веру православную!

Обернулся великий князь и, поклонившись в пояс, вышел со светлым лицом из храма.

Посетил великий князь Иван Васильевич и собор Михаила-архангела, где предки его от великого князя Ивана Даниловича Калиты до отца его Василия Васильевича во гробах покоятся. Поклонился государь всем усопшим князьям, моля их:

– Аще духом далече есте отсюда, но молитвою помогите мне против отступающих от православия державы вашей.

Обойдя потом все монастыри и соборные церкви, свершая везде краткие молебны и милостыни подавая, пришел он к митрополиту и, приняв от него благословение, молвил громко:

– Утре, отче и учитель мой, на Мефодия Потормского, отыду яз из Москвы к Новугороду. Утре же, после завтраку, приду к тебе, дабы благословил мя и всех воев моих против латыньства.

На другой день был государь за ранним завтраком у матери своей. Завтракали с ними Ванюшенька, брат государя Андрей меньшой и дьяк Федор Васильевич Курицын.

После трапезы Иван Васильевич встал из-за стола и молвил:

– Снова, государыня, яз по воле Божьей с мечом иду на ворогов наших. Здесь же, на Москве, оставляю вместо себя сына своего, великого князя Ивана. При нем брата моего, князя Андрея меньшого, и дьяка Курицына. Тобѣ же, государыня-матушка, челом бью, как отцу-митрополиту бил: не оставьте их советом своим. Оставляю вам заставу крепкую и царевича Муртозу, сына Мустафы, с князьями его и казаками – может, пригодится царевич на какое-либо дело. Дьяка же Степана Бородатого опять беру, с твоего разрешения, дабы в неправдах и воровстве новгородцев корить. – Великий князь улыбнулся и добавил: – Бра-

тя же мои, государыня, все добре деют. Князи Юрий, Андрей большой и Борис и князь Михайла Андреич верейский с сыном Васильем в Волок Ламский прямо из вотчин придут, каждый со всей силой своей. Царевич же Даниар ночесь еще в Москву пригнал. Об остальном буду вести слать с каждой стоянки.

Постучали в дверь, и вошел дворецкий. Иван Васильевич, оглянувшись на него, спросил:

– Что, Данилушка?

– Государь, конь походный тебе подан, – кланяясь, ответил дворецкий, – стража ждет у красного крыльца. Час, бают, пришел, какой ты сам им назначил.

– Иду, – сказал Иван Васильевич и, встав со скамьи, опустился на колени перед Марьей Ярославной. – Благослови мя, матунька, на сей трудный поход.

Старая государыня благословила его и, обняв, троекратно поцеловала.

Государь благословил и облобызал сына и брата, протянул руку дьякону и дворецкому для поцелуя. Затем молча посидели все на скамьях. Потом, встав и перекрестясь на иконы, пошли провожать государя.

Выходя в сенцы, государь заметил у дверей престарелого дядьку своего Васюка. Протянув ему руку, он ласково сказал:

– Прощай, старина, отвоевал ты свое, отдыхай ныне на покое.

Васюк со слезами облобызал руку государеву и вымолвил горько:

– Покой сей, государь, горше мне наитяжких трудов ратных.

В передней Ивана Васильевича ожидал стремянный его Саввушка с двумя воинами, дабы облачить князя в боевые доспехи для торжественного молебна пред войсками на площади у собора Михаила-архангела.

На кремлевской площади стройными рядами уже стояли пешие и конные полки московского великого князя, поблескивая доспехами и оружием на утреннем, еще низком солнце, которое пока не жгло и не пекло, как печет с полудня во все дни эти июньские.

Тишина на площади, только застучат кони копытами, захрапит жеребец или тонко заржет кобыла, и снова все стихнет.

Но вот от государевых хором послышался четкий и ровный топот коней. Громче и громче звонкое цоканье копыт, и вдруг сразу гулкий звон колоколов заглушил все звуки. Все же сквозь густое и ровное гудение ближе и ближе, как взрывы, прорываются крики:

– Будь здрав, государь!

– Ур-ра! Ур-р-ра-а...

Вот уж крики воинов и звоны колокольные гремят и гудят со всех концов площади. Государь в золоченых доспехах, окруженный стражей, медленно едет к соборной паперти, а там уж ждет его в полном облачении митрополит с епископами, попами и всем клиром церковным.

Великий князь снимает шлем свой и набожно крестится. Смолкают сразу крики воинов, затихает постепенно и гул колокольный, и торжественный молебен начинается. Явственно слышны на всей площади слова молитвенные и священные песнопения.

Сняв кто шишак, кто шлем, а кто простой колпак, все истово крестятся и кланяются, взметывая длинные волосы и оправляя их рукой после поклонов.

Незаметно окончился молебен, но тишина все еще стоит на площади, и князь великий не надевает шлема своего.

Вот обеими руками высоко вознес владыка Филипп золотой крест и, помедлив малое время, широко перекрестил им все войско, произнося ясно и звонко:

– Благословляю вас, воины православные, святым сим крестом Христовым. Идите сокрушите врагов истинной веры нашей и Руси всей православной! Живота за сие не щадите. Мы же, отцы ваши духовные, молитвенники за вас усердные пред Господом Богом. Да хранит Бог в рати сей государя нашего и все его воинство! Да укрепит Господь меч его карающий!

Запели хоры церковные многолетия государю и всем воинам, в князь великий, не надевая шлема, повернул коня с площади к Никольским воротам, и за ним извивающейся по улицам змеей потянулись, один за другим, полки его конные и пешие, проходя в благоговейном молчании мимо владыки Филиппа, осенявшего их крестом.

За кремлевскими же стенами присоединились к главному государеву войску татары служилые во главе с царевичем Даниаром, как иноверцы, на молебне не бывшие.

На Рождество Предтечево, июня двадцать четвертого, главное государево войско под звон колоколов вступало уж в походном порядке в Волок Ламский. Полки же братьев государя стояли уже все под Волоком. Построясь по обе стороны пути Ивана Васильевича, криками радостными встречали они государя своего, и каждый брат выезжал навстречу ему с воеводами своими. Братья при кликах войск обнимались и лобызались с государем и ехали далее вместе впереди главного войска.

Церковный клир из Волока встретил государя еще в поле и здесь вместе с полковыми попами запел молебен с водосвятием, встав на небольшом холме, на виду всего войска.

Тишина наступила в поле, когда все полки и обозы остановились. Время было к полудню, и по приказу государеву, пока пели молебен, во всех полковых обозах обед для воинов готовили, но без шума и криков, держась в отдалении.

Государь, князья и воеводы, спешившись, сошлись у самого холма. День стоял жаркий. Звякали кольцами кадила, поблескивая на солнце и дымясь синеватым дымом ладана. Сверкали кресты, шитые золотом ризы и хоругви. Плыл над полями гул отдаленного звона колокольного, не заглушая молитвенных песнопений.

Иван Васильевич был доволен своими братьями, выполнившими его приказание точно и пришедшими в Волок даже ранее его самого. После молебна приказал он поставить большой шатер свой и пригласил к обеду братьев с воеводами и клир церковный из Волока.

Обед был походный и весьма умеренный. Выпиты были лишь заздравные кубки за государя, князей, воевод и за все воинство православное. По окончании трапезы тотчас же был собран совет по ратным делам, а войскам дан приказ государев: коней накормив, воинам отдыхать после обеда до пяти часов вечера. Потом, как жар свалит, выступать всем полкам, куда каждому указано будет.

Иван Васильевич только выслушал все вести от передовых отрядов, сведенные князем Юрием воедино, и молвил с ясной улыбкой:

– Ну, братья мои и воеводы, все так идет, как нами удумано. Новгородцы-то, сами видите, никуда, oprичь Заволочья, своих сил не слали, да и для самого Новгорода еще себе не собрали всех воев. Впадем в земли их, когда не готовы они. Страх у них и безрядицу сеяти надобно. Пустошите нещадно грады и селы, людей бейте и полоны берите, остальных же страхом гоните к Новугороду, дабы граду в тесноте дышать было нечем, а с пустошенных земель взять бы было нечего. Обозы же свои с харчем для воев и с кормом для коней храните про запас. Ешьте и пейте, что в градах и селах вами граблено будет. – Великий князь встал из-за стола и, перекрестясь на иконы, добавил: – Сей часец пойду отдохнуть, а брат, князь Юрий, сверит с вами все места по чертежам ратным, куда и как кому идти и в какие дни где быть. Днесь же и сам пойду с главной силой своей к Торжку, где буду, как вам уж ведомо, на Петров день: туда мне и вестников шлите.

Точно июня двадцать девятого, как и намечено было, прибыл великий князь в Торжок с войском своим. Город этот обнесен крепкой каменной стеной, а посад при нем земляным валом и рвом. За двойным укреплением этот город хоронится.

Стоит Торжок, он же Новый Торг, что в матушку Волгу впадает, верст на восемьдесят выше стольного града Твери. Торговля в нем идет бойко, тяготеет он к Новгороду, но барыши и у него перехватывает.

– Не бывать Торжку выше Новгорода, – говорят новгородские купцы.

Но все же богат и Торжок: управляется вечем своим собственным и даже монету свою и серебряную и медную чеканит.

Только всегда меж двух огней этот город вольный. Тверь ли, Москва ли воевать с Новгородом будет, «новоторам» нужно ужом извиваться, чтобы та или другая сторона не затоптала их. Хитры новоторы, и нашим и вашим угодить стараются, а кто победит, с теми и друзья. Не любит никто их за измены постоянные, и кличка у них, хоть и обидная, но верная: «Новоторы – воры».

Не раз по злобе вороги разоряли Торжок и жгли дотла, но совсем погубить не могли: очень уж на бойком месте стоит он. Почти весь хлеб и скот из Москвы и Твери через него идет к Вышнему Волочку для Новгорода. Только селенье Осташково, что на озере Селигер, отрывает барыши у новоторов; огромными гуртами гонят зимой из Москвы через Осташково крупный и мелкий рогатый скот к Новгороду. Оттого и вражда у них с новоторами постоянная.

– Новоторы – воры, – говорят одни.

– И осташи хороши, – отвечают другие.

Знал все это великий князь московский и, хотя новоторы были гостеприимны и ласковы, все же станом стал он за стенами городскими, возле древнего Борисоглебского монастыря, что старше самой Москвы на сто тридцать два года.

Встретили отцы духовные, как и положено, государя московского звоном колокольным и молебном, пригласили потом к себе на трапезу, но великий князь не пошел. Сам пригласил в шатер свой игумена со всем священством к обеду. Время уж было для отдыха, а тверичи, к досаде государя, запаздывали.

– Тверские-то полки сие тебе не московские, – усмехнувшись, сказал он самодовольно царевичу Даниару, – и не могут точно время блюсти. Надо князю Юрию сказать, чтобы он в рукавицы ежовые их взял. Он сие борзо сумеет.

Перед самой трапезой доложили Ивану Васильевичу, что дозорные приметили на реке судовую тверскую рать, а вдоль берега – конную.

– Простите, отцы духовные, подождем малость с трапезой, – молвил Государь и, обратясь к вестнику, спросил: – Когда они тут будут?

– Не позже, государь, как через час. Узнав от своих дозорных, что мы уж тут с утра до обеда их ждем, вельми спешить зачали.

– Иди, – молвил государь вестнику и, обратясь к своим воеводам, опять с усмешкой добавил: – Ровности нет в ходе войск их...

* * *

Когда тверские полки подходить стали к Борисоглебской обители, великий князь приказал звонить в колокола и, сев на коня, выехал в поле с воеводами и стражей своей навстречу тверичам.

Завидев великого князя московского, воеводы тверские – князь Юрий Андреевич Дорогобужский и боярин Иван Никитович Жито – погнали к нему. Иван же Васильевич на виду у всех московских и тверских войск приветствовал воевод, милостиво протянув им руку, к которой они почтительно прикоснулись губами. Затем воеводы по знаку Ивана Васильевича вскочили на своих коней и, сопровождая государя московского, медленно подъехали к своим полкам. Все стихло крутом. Иван Васильевич, встав на стременах, громко воскликнул:

– Здравствуйте, вои православные!..

– Будь здрав, государь! – покатались дружные крики по рядам полков.

Когда все смолкло и войска тверские ближе подошли к московским, великий князь сделал знак к молчанию и среди тишины возгласил:

– Отец мой, Василий Васильевич, великий князь московский, и тесть мой, Борис Лександрыч, великий князь Тверской, были заедин против врагов своих, так и яз с братом своим, Михайлой Борисычем, великим князем Тверским, заедин против ворогов наших! Да будет здрав брат мой!

– Да здравствует! Да здравствует! – опять загудело по рядам воинов.

Иван Васильевич сделал знак к молчанию и, сняв шлем, перекрестился, а клир церковный начал молебствие.

Нешадно палит солнце, и среди наступившей тишины льются над иссохшими полями печально и глухо церковные песнопения, и воины набожно крестятся, чуя душою всю горесть мужицкую от страшной засухи.

По окончании молебна передан был войскам приказ Ивана Васильевича: «Кормить коней, обедать и спать, на вечерней заре выступать, а куда, про то воеводам ведомо».

В этот же день прибыли в Торжок к великому князю и послы из Пскова; посадники Василий и Богдан, а с ними вернулся назад и посол великого князя московского Яков Шибальцев. Случилось это вскоре после трапезы, когда государь, уединясь в шатре своем, почивал перед походом, как и все войска его.

Стремянный Саввушка тотчас же разбудил государя. Так ему приказано было, если пригонят вестники или послы какие прибудут.

– Саввушка, – молвил Иван Васильевич, не подымаясь с постели, – отведи послов в шатер к дьякам. Пусть примет и угощает их сам дьяк Бородатый, Степан Тимофеич. Шибальцев же, вкусив от трапезы вместе с ними, пусть тайно ко мне придет сюды. Послам сказать: «Почивает-де государь». Яз еще подремлю, а ты мя побуди, как Шибальцев дойдет.

Через полчаса, с некоторой робостью, вошел дьяк Шибальцев в шатер великого князя. Не все так исполнил он во Пскове, как государь ему приказывал. Хитры псковичи и осторожны, лукавят все.

– Будь здрав, государь! – сказал он неуверенно, но государь, улыбнувшись, спросил его:

– Добре ли дошел? Сказывай, садись тут вот...

Шибальцев ободрился от ласки государевой и ответил веселее:

– Спаси тя Бог, государь, дошел добре, токмо вести мои не совсем добры. Псков-то свое нравит все, как невесты их псковские перед сватами: «Хочу – вскоцу, не хочу – не вскоцу».⁹ Время тянет Псков-то – и на Москву глядит, и на Новгород оглядывается.

– Яз другого от них и не ждал, – сурово молвил Иван Васильевич, – ну, да «вскоцут», когда полки наши ближе к ним будут.

– Ныне, государь, – усмехнувшись, продолжал дьяк Шибальцев, – вскочили уж! Крестное целование свое Новугороду сложили и разметные грамоты с подвойским¹⁰ своим Савкою в Новгород отослали, а когда отъезжал яз с послами, то на вече своем раскладку псковичи на десять тысяч рубленого¹¹ войска изделали. Оба посадника полки сии поведут к Новугороду.

– Добре, – медленно произнес Иван Васильевич и, кликнув Саввушку, продолжал: – Ну, а о новгородцах что там слыхать?

Вошел Саввушка, откинув полу шатра:

– Туточки я, государь.

– Зови ко мне дьяка Бородатого вместе с послами псковскими.

– Сказывать дале-то, – спросил Шибальцев, – пока послы-то не дошли?

– Сказывай.

⁹ В старину невеста, соглашаясь идти замуж, говорила сватам: «Хочу – вскочу» – и впрыгивала в середину пояса, положенного на полу в виде круга.

¹⁰ Подвойский – судебный пристав, а также исполнитель приговоров веча.

¹¹ Рубленые ратные люди – ополчение, созданное по разверстке среди населения волостей и пригородов.

– Есть у меня через доброхотов наших вести из Новгорода о докончании новгородцев с королем Казимиром. Бают, у них на списках докончания показано, какие твои города и волости, и земли и воды, и все твои пошлыны в новгородских владениях отписали они королю, яко князю литовскому.

– А можно ли списки сии тайно добыть нам? Ведь по докончанию сему все воровство новгородское открывается. Старину ведь, коя двести лет была, они рушат!

– Истинно, государь! – воскликнул Шибальцев. – Бают, Борецкие-то и прочие уже посольство к Казимиру собрали с Панфилем Селифантовым да Кириллом Ивановым, дабы челом бить королю со многими дарами, пишучи и зовучи его «Честной король и господин наш»...

При этих словах откинулась пола у шатра и вошли к государю псковские послы Василий и Богдан, низко кланяясь Ивану Васильевичу. Сопровождали их дьяк Степан Тимофеевич Бородатый и начальник княжой стражи с двумя воинами.

Помолившись, послы низко поклонились государю и поздоровались с ним. Иван Васильевич, кивнув им, спросил, добро ли они дошли. Послы, отвечая на вопросы великого князя, говорили:

– От веча к тебе, государь, мы посланы донести: «Положили мы в Великом Новомгороде разметные грамоты. Понабрали тысяч десять воев рубленых, да еще тысячи две охочих людей пойдет пустошить порубежье новгородско...»

– Кто воеводы-то? – спросил Иван Васильевич.

– Двух посадников вече в воеводы поставило: княжеского сына Василья Федорыча да другого посадника Тимофея Василича. Для боя же дальнего изделали, как ты наказывал: полк особый из лучников собрали и войску все пищади отдали.

Ждут послы еще вопросов государевых, а тот молчит, только глядит на них неподвижным взглядом, будто сквозь них куда-то смотрит. Смутились послы, в лице переменились.

Встал вдруг со скамьи государь и резко сказал:

– Добре все сие. Токмо яз отпускаю во Псков одного Богдана, а с ним боярина своего Кузьму Коробына с приказом, дабы войска ваши немедля к Новгороду шли. Ты ж, Василий, при дворе моем тут останешься. Идите. Бородатый и Шибальцев после о воле моей пространней вам поведают.

В ночь на июня тридцатое тронулись из Торжка главные силы московские к Новгороду со всеми полками союзными. Впереди же их, далеко уже по обоим обходным путям, идут передовые отряды: князя Холмского – к устью Шелони на соединение с псковичами, а отряды князя Стриги-Оболенского вдоль Мсты-реки.

По бокам же государева войска полки братьев его идут разными дорогами, но вровень с главным войском. Версты их разделяют, а идут, будто плечо к плечу, – время своих передвижений соблюдают. Валом нещадным сила московская на всю землю новгородскую навалилась и катится, все сокрушая, через города и села, деревни. Как след движения грозного, полыхают по ночам в небе со всех сторон зарева пожаров страшных. Сушь – и от горящих сел и деревень леса горят кругом. Дым все застилает, жара, духота, и звери всякие, людей не боясь, по всем тропам и дорогам бегут от огня куда глаза глядят.

Впереди же войск московских, как и звери, страхом гонимые, бегут и беженцы новгородские, и вопли несутся повсюду:

– Идут полки московские!

– Москва тронулась, злей Орды пустошит!

– Сожигает, убивает, полонит!

Смятение и ужас по всей земле, бегут все к Новгороду и с юга, и с востока, и с запада.

Знает обо всем этом Иван Васильевич от вестников, да и сам многое видит. Тяжко ему, и еще больше гневом распаляется он против Новгорода.

– Не моя вина, Господи! – шепчет он, крестясь. – В зле сам и крови яз не повинен...

Такой же стезей, кровавой и огненной, беря полон, сея горе и ужас, стремительно продвигается вперед отряд князя Холмского.

Точно, без промедлений, идет воевода в указанном ему направлении. Пятьсот верст прошли воины московские за восемнадцать дней и июня двадцать четвертого пали неожиданно на град Русу, захватили и сожгли этот богатый пригород новгородский. Много тут было бито-граблено и в полон взято. Оба князя – воеводы Холмский и Пестрый – мирно делили военную добычу и воинам давали всякого добра вдосталь...

Обремененные полоном и подводами с награбленным, гоня с собой захваченный скот, двинулись воеводы к устью Шелони, где надеялись соединиться с псковичами и отдохнуть.

– Заслужили отдых-то, – смеясь, говорил князь Пестрый, – ведь по двадцать восемь верст в день-то махали. Токмо сей же день государю надобно вестника слать, Данила Митрич. Ведаешь нрав-то его.

– Ведаю, Федор Давыдыч, – весело ответил князь Холмский, – ибо уж часа два как ото-слал яз вестника-то. Страх токмо у меня за псковичей. Их тут мы прождем, а новгородцы в обход могут пойти.

– Все ж, Данила Митрич, – заметил князь Пестрый, – надо, как государем Белено, к устью Шелони идти. Токмо где ж тамотко нам станом стать?

– Селенье там есть, Коростыня, в нем и станем. Край самого берега Ильменя селенье-то. Всякую лодку оттуда на озере легко узришь.

Медленно передвигаясь из-за полона и обозов с захваченным добром, князь Холмский повел войско свое к Коростыне, которая всего только в тридцати верстах от Русы, и ночью на двадцать пятое июня без боя захватил деревушку.

Усталые полки, расставив на ночь, где нужно, сторожевую охрану, выставив дозоры вдоль берега озера, заснули, как убитые...

Между тем воеводы новгородские, хотя и много пререкались меж собой и с господой, успели все же собрать два больших войска. Одно поспешно послано было с лучшим воеводой князем Василием Шуйским-Гребенкой в Заволочье против московских воевод Образца и Тютчева. Это сильно ослабляло воевод новгородских, но нельзя было им поступить иначе: самые доходные земли господы в Заволочье. Верно рассчитал удар великий князь московский, послав туда полки свои.

Но делать было нечего, и воеводы новгородские, спешно укрепив стольный град свой, собрали другое войско силой до сорока тысяч воинов, хорошо снарядив их вооружением и доспехами немецкими.

Все же господы была в тревоге великой. Псковичи, сложив крестное целование, пустошат земли новгородские, взяли Вышгород, который в тридцати верстах от града Порхова, что на реке Шелони, и дальше идут к Новгороду. Грозно надвигаются псковские полки, и бегут от них к Новгороду со всех сторон беженцы – с юга, с востока и запада, путая все дела ратные, мешая движению обозов с продовольствием для войска, внося всюду страх и робость, требуя пищи и переполняя города и села.

Казимир же, король польский и великий князь литовский, помощи никакой не шлет, забыл о договоре своем с Великим Новгородом. Сам он увяз в войне с чехами и венграми – хочет сыновей своих королями на престол посадить и в Чехии и в Венгрии. Нет вестей и от хана Ахмата – видно, ждет, когда король польский против Москвы на коня воссядет.

Воеводы новгородские мечутся, как волки на поле, окруженные со всех сторон и борзыми и гончими. Все же, когда получили вести, что передовой отряд князя Холмского далеко ушел от главных сил, решили окружить и разбить его немедленно.

Главные воеводы их – Димитрий Борецкий, сын Марфы, и Василий Казимир, зная, что князь Холмский идет к Русе, не медля ни часу, послали туда сразу три отряда: к Коро-

стыне, до которой от Новгорода и по воде и по суше верст сорок пять, и к Русе, куда водой плыть верст шестьдесят с лишком. Пешую рать отправили на лодках вдоль западного берега Ильмень-озера к устью Шелони, чтобы оттуда также идти спешно к Русе. Если же новгородцы уж там разбиты и отступают, подкрепить их против силы московской. По суше послали они лучших конников – полк владыки новгородского; третий же отряд поплыл в лодках впереиз Ильмень-озера прямо к устью реки Полисти. Этот пеший отряд, поднявшись вверх по реке, должен был высадиться возле Русы и ударить в тыл отряду князя Холмского.

Провожая войска свои, воеводы новгородские с похвальбой говорили:

– Вы настоль сильней москвичей, что половину их посечете на месте, половину живьем перевяжете и в полон уведете! Не раз так бывало у нас и с Москвой и с иными.

Под парусами, помогая веслами, плыли по озеру судовые рати новгородские, а конники полным ходом гнали берегом озера, и двадцать шестого июня первый судовый отряд новгородский уже высадился недалеко от Коростыни. Увидев стан князя Холмского, новгородцы стали красться к нему, но заметили их дозоры московские, упредив вовремя об этом воевод. Князь же Холмский, будучи очень находчив, сам напал на них с великою яростью, не давая новгородцам опаматоваться от неожиданного удара. Видя малочисленность отряда московского, оправившись вскоре новгородцы и навалились всей силой. Но войска московские были теперь не те: стоят полки рядами железными, не дрогнув ни разу, и, словно траву, косят новгородскую рать. Часы идет бой, сильней и сильней теснят москвичи со всех сторон новгородцев, то там, то здесь ломая их строй.

Сотни четыре уж полегло новгородцев убитыми и ранеными, и страх уж берет их, помощи просят воеводы у конного владычного полка, но воевода его поскакал с конниками обратно к Новгороду, крикнув:

– Не велел нам владыка подымать руки на великого князя, посылал он нас токмо на псковичей!

Побежали тогда за ними и пешие воины, стремясь к лодкам своим. Погнались москвичи за новгородцами – и в погоне той еще многих убили и многих в полон взяли. Разоружали московские воины новгородцев и, бросая щиты и немецкие доспехи в воду, говорили:

– Сие нам не надобно, в войске московском все сие лучше!

Из пленных же взяли несколько человек и, велев им друг другу уши, носы и губы отрезать, приказали плыть к Новгороду.

– Покажите, поганые, у себя в Новомгороде, – кричали вслед им воины московские, – как Господь Бог карает вас за воровство и латыньство!

– Так будет со всеми, кто от Руси православной отступится...

Разгромив новгородцев у Коростыни, князь Холмский отослал во Псков боярина Василия Зиновьева с сотней конников известить о прибытии московской рати, как со псковичами уговорено было.

– Скажи им, Василь Петрович, – наказывал князь Данила Дмитриевич, – как Русу повоевали и сожгли, сколь полону и живота всякого взяли.

– Сам знаешь, – вмешался другой воевода, князь Федор Давыдович, – телег не хватило все увезти, на коней выючили.

– Добре, добре, – похвалил Холмский товарища, – токмо все сие ты, Василь Петрович, от себя обскажи, зависть у них разожги. От меня же сказывай токмо о ратных делах: от Русы-де мы к Шелони пошли, псковской рати навстречу, как государем нашим указано. Тут напала на нас судовая рать новгородская, вдвое, почитай, нас больше. С ними же и конный владычный полк. Мы частью побии новгородцев, часть в полон взяли. Многих же, носы и уши им урезав, к Новгороду отослали. Пусть же псковичи идут борзо, помня о гневе государевом. Государь же сам на Петров день в Торжке будет.

Только что отбыл боярин Зиновьев во Псков, как от Руси прискакали конники дозорные, которых послал туда князь Данила Дмитриевич, опасаясь, что новгородцы могут обойти его с тыла.

– Ну, рассказывайте, – нетерпеливо крикнул им князь Холмский, – как возле Руси-то?

– Худо, княже, – молвил начальник дозора, – новгородцы-то Русу опять заняли. Сколько их, сказать невозможно, а видать, сила великая. Поболе их, как тут было. Токмо конников нет, все пешие.

– Поболе, баишь, силы-то у них ныне, – смеясь, громко молвил князь Холмский, чтобы все его слышали. – Ну, так мы их и поболе побьем. А дозоры-то высылают?

– Окрест не высылают. У них токмо круг стана.

Князь Данила Дмитриевич оглянулся на воевод и воинов своих, стоявших позади него, и возгласил звонко и весело:

– Повались спать ныне, народ православный, поране. Утре со светом выйдем, а в обед будем бить поганых за латынство их и воровство!

Двадцать восьмого июня конные полки Холмского и Пестрого внезапно прискакали к Русе и прямо с похода ударили на новгородцев.

Все же новгородцы успели оправиться и стали обороняться, прикрывая себе отступление к лодкам своим на реке Полисти, но москвичи прорубались к ним яростно.

Язвимые стрелами и копьями конников московских, нападавших со всех сторон, новгородцы, прорвав многолюдством своим тонкую цепь конницы, побежали, часть их прорвалась к лодкам, остальные старались спастись на суше. За ними погнались охочие конники Холмского, кололи, секли и в полон брали бегущих. Новгородцы, впадая в бешенство, останавливались вдруг, бились жестоко и снова бежали. Гнали их москвичи верст десять до пересохшей речки, именем Редья, а отсюда, оставив дозоры, в Русу вернулись. Новгородцы же побежали далее, ко граду Демани, надеясь укрыться за стенами его.

В Русе же в это время, разобрав все, что было оставлено врагом, воеводы с отрядом своим праздновали по обычаю «победу на костях».

На другой день рано утром вызвал к себе князь Данила Дмитриевич боярского сына Тимофея Замыцкого, весьма крепкого парня, дабы вестником послать к государю Ивану Васильевичу, который, по расчету московскому, на Петров день должен прибыть в Торжок с главной силой своей.

– Ну, Тимофеюшка, – сказал князь Данила Дмитриевич Замыцкому, – выручай. Гони денно и ночью с вестями к великому князю. Коней с собой возьми запасных.

– Когда выезжать-то, княже, и куда?

– Сей же часец, Тимофеюшка, в Торжок гнать надобно. Днесь туда государь прибывает. Да возьми с собой воев подручных.

– Мне, княже, токмо двух, боле не надобно. Петю Косого да Гришу Силантьева...

– Оба пьяницы, – нахмутив брови, молвил князь Холмский.

– Какие пьяницы, – возразил Замыцкий, – всегда оба в шапках, а тот, княже, не пьян, коли шапка на нем.

Усмехнулся воевода.

– И сам-то не пьешь ты, токмо за ухо льешь, – сказал он с укоризной.

– Что же, княже, все мы Богу и государю виновати. Токмо, кто пьян да умен – два угодыя в нем.

Холмский махнул рукой, промолвив:

– Бери, кого хочешь, только все в точности изделай. Запомни и повестуй от меня государю: «Будь здрав, государь, на многие лета. Все у нас с князем Пестрым идет к добру. Русу сожгли, заставу пленили, захватили много всякого добра и полону много нахватили. Возле Коростыни, близ устья Шелони, новгородскую пешую рать, которая числом много боле нас

была, совсем побили. Почти пятьсот воев убитых и раненых они на поле оставили. Потом послал яз во Псков боярина Василия Зиновьева, дабы шли псковичи борзо к Коростыне. Сведая же, что в Русу снова пришли новгородцы и привезли на лодках еще больше пеших полков, мы к Русе с полками своими погнали и там, как и в коростыньском бою, за латыньство их побили...»

Воевода передохнул малое время, собираясь с мыслями, и продолжал:

– «Ныне же порешили мы с князь Пестрым согласно, надо нам утре к Демани спешить и град сей разорить, дабы за спиной у нас угрозы вражьей не было, Пока же псковичи не пришли, мыслю, до них Демань взять мы успеем. Оба целуем руку твою, государь, будь здрав на многие лета...»

В тот же день, на заре вечерней, поскакал Тимофеюшка с товарищами своими – Петей Косым да Гришей Силантьевым к селу Осташково.

На четвертый день были они в Осташкове, на седьмой – в Торжке, но государя уже там не застали: выступил он со всей силой своей к Вышнему Волочку. Поскакал Замыцкий следом к Волоку, но и там государя уже не было. Догнал же он войско великого князя только возле озера Коломно, за Вышним Волочком.

На самом рассвете прискакали сюда вестники князя Холмского.

По приказу самого государя к нему в шатер привели Тимофея Замыцкого. Государь лежал на постели. Пока Тимофей молился и кланялся, Иван Васильевич, внимательно разглядывая вестника, смутил его. Заметив это, государь спросил Замыцкого:

– От князя Холмского? Как звать-то тебя?

– Тимофей Замыцкий, из детей боярских.

– Ну, рассказывай.

Тимофей в точности, ни в чем не запинаясь, передал донесение князя Данилы Дмитриевича о сожжении Русы и о двух победах над новгородскими ратями, о решении воевод взять Демань, новгородскую крепость, чтобы из-за спины враг не мог больше грозить.

Молча все выслушал государь и, сурово нахмутив брови, стал спрашивать подробней, как напали новгородцы на московскую рать у Коростыни. Узнав, что воеводы его на берегу Ильменя разведки не делали ни в день прибытия, ни после, Иван Васильевич сказал сурово:

– Кажись, Тимофей, ты памятлив. Так запомни и точно передай воеводам слова мои: «Не валитесь спать, яко бараны. Ране все окрест разведайте и крепко подумайте, где сколь и какие дозоры поставить». – Помолчав, великий князь насмешливо добавил: – На сей раз Божьей волей и смелостью их и воев наших все хорошо сошло, а в другой раз может и худо быть. Пусть помнят, что вороги-то не глупей их в ратном деле!.. – Опять помолчал государь и продолжал: – Повестуй воеводам: «Хвалю яз воевод моих и воев всех за смелость и скорометливость, а князю Холмскому и князю Пестрому приказываю от Демани, ни часу не медля, обратно идти к устью Шелони, дабы вборзе соединиться со псковичами. Без полков наших новгородцы побьют псковскую рать. Мыслю и надеюсь, что уразумеют воеводы, пошто сие надобно. Пусть Холмский-то не забывает, что многие из-за деревьев леса не видят. Ну, да спаси Бог вас...»

Иван Васильевич закрыл глаза. Замыцкий поклонился, думая, что ему пора уйти и не мешать государю. Иван Васильевич остановил его и затем добавил язвительно:

– Постой малость. Скажи воеводам-то, дабы о спине своей не опасались. Днесь же шлю князя верейского Михайлу Андреича с сыном его Васильем и со всей силой их к Демани, град сей в осаде держать и взять его. Теперь иди. Напоят тя и накормят вместе с товарищами. Вы же после трапезы сей же часец гоните обратно к Демани. Отсель до нее всего сто двадцать верст, к вечеру в стан свой поспеете.

В тот же день, поздно вечером, выслушав от Тимофея, вернувшегося обратно от озера Коломно, приказ великого князя и передав всем воеводам и воинам благодарность государя, Холмский и Пестрый повелели полкам выступить с ночи июля десятого пред самым рассветом.

Когда оба воеводы остались в шатре совсем одни, князь Пестрый сказал с огорчением:

– Зло уязвил нас государь дозорами, с баранами сравнял.

– Сами виноваты мы, – ответил князь Холмский. – Мне-то еще злей сказал: из-за деревьев, мол, лесу яз не вижу, сиречь, забыл яз, как в Москве все было решено.

– Во всем мы на глазах государевых, – заметил князь Пестрый.

– Как и все воеводы, – добавил Холмский, – в воле и в руках его.

Князь Пестрый задумчиво покрутил бороду и, вздохнув сказал:

– А жаль мне, Данила Митрич, Демань-то. Не мы, а князь верейский оциплет градец сей. Баят, побогаче он Русы-то.

Глава 4

Шелонская битва

На рассвете июля одиннадцатого, когда выступали полки князя Холмского, сняв осаду с Демани, прибыли вестники от князя верейского, Михайлы Андреевича, и повествовали, что силы их ныне у Демани будут.

– Ишь как поспевает, – сказал Данила Дмитриевич князю Пестрому, – знать, без обозов гонит. Как же мы, Федор Давыдыч, к Шелони поспеем с обозами-то?

– Нет, Данила Митрич, – согласился Федор Давыдович, – ведь до Шелони-то отсель более ста верст. Ежели вот днем и ночью идти.

– Да, – перебил его князь Холмский, – нам так спешить нельзя. Может, нам возле Русы-то с походу прямо в бой идти. Надо по ночам войску спать и отдыхать, дабы не обессилели кони и люди.

Порешив так, три дня шли воеводы, но все же не всем войском вместе. Впереди всех шел, вслед за дозорами и разведчиками, сам Холмский с отборными конными полками и татарами, которых он всегда при себе держал, не позволяя им грабить православных и в полон их брать. Несмотря на это, уважали и любили его татары за справедливость; обид он им не чинил, а все, что войско захватывало у побежденных, делил честно.

Татарам давал столько же, как и православным, а взамен полона на всякую добычу хорошую надбавку им делал.

Впереди Холмского и по сторонам постоянно ехали конники дозорные, делавшие и глубокую разведку. Сзади же шли обозы и пешие воины судовой рати под прикрытием конных полков во главе с воеводой Пестрым.

К вечеру июля тринадцатого, пройдя еще утром через опустошенную и сожженную Русу, князь Холмский двинулся прямо к реке Шелони в направлении к селу Мшаге, что на левом берегу. К устью же Шелони, дабы не утомлять войско лишними переходами, послал в разведку небольшой дозор с Тимофеем Замыцким.

– Тимофеюшка, – напутствовал он Замыцкого, – все там выгляди. Яз мыслю, что псковичей там ни слуху ни духу! Исхитряются вороги. Не ведают еще, кому руку лизать придется. Главное же – проведай, есть ли там новгородцы: в засаде ли, идут ли? Ежели идут, выследи их и, обогнав, меня упреди вовремя. Разумеешь? Игра-то ведь идет головами людскими.

– Да что ж, Данила Митрич! – воскликнул с обидой Замыцкий. – Богу, чай, слуга и государю!

– К тому баю, – молвил князь Холмский, – хмелем зашибать любишь.

– Да лопни глаза: ни-ни! Вот те крест, княже!

– Государь-то, – мягче добавил воевода, – разгневался вельми за оплошку нашу с дозорами в тот раз у Коростыни. Ну, добрый путь, гони туды сей же часец. С Богом...

Июля четырнадцатого, на раннем рассвете, когда заря чуть алеть начинала, примчался обратно в стан Тимофей со своими дозорами от устья Шелони, с берегов Ильмень-озера. Воеводы, как и все воины, кроме стражи и дозорных, крепко еще спали.

Недалеко от шатра воевод, где широкий ручей в Шелонь бежит, приметил Замыцкий лодку пустую – у коряги привязана.

– Петька, Гришка, – крикнул он своим сподвижникам, Косому и Силантьеву, – айда в лодку сию спать! Вести у нас добрые, спеху-то нет.

Петька и Гришка враз пали на дно лодки и захрапели, а Замыцкий, томимый жаждой, перегнулся через корму и, черпая воду пригоршнями, стал пить.

В это время пола у шатра дрогнула – вышел князь Холмский и, увидев Замыцкого, молвил, смеясь:

– Ты все пьешь, Тимофей, коли не водку, то воду! Криком своим пробудил мя...
Замыцкий быстро вскочил и, отирая бороду, выпрыгнул из лодки на берег.

– Истинно, княже, – усмехаясь, ответил он Холмскому, – мы народ не жадный, но всем довольный: не винца, так пивца, не пивца, так кваску, а не кваску, так и водки из-под легкия лодки.

Невольно взглянув на лодку, князь Холмский вдруг вспомнил себя мальчонкой на такой же вот коряге, с которой ершей, бывало, ловил он на удочку. А кругом тишина, такая же вот предрассветная, как и ныне, стоит. Светает быстро. Вот уж синие, красные и желтые коромыслы, большие и малые, кружат над водой и за каждый куст цепляются...

Усмехнулся воевода и спросил:

– А ты, Тимофеюшка, рыбу-то лавливал? Хоша бы ершей.

Бородатая рожа Замыцкого расплылась в широкую улыбку:

– Лавливал, княже, в Каменке, речонка така у нас в деревне есть.

Оба замолчали, глядя вдаль куда-то по речонке, и каждому свое прошлое мерещится.

– Вести, видать, у тя добрые, – отгоняя свои думы, молвил Данила Димитриевич, – вишь, вся рожа плывет. Ну, рассказывай.

– Лучше, княже, и не надо, – ответил Тимофей, – псковичи не приходили еще, а новгородцы-то пришли с большой силой. Кругом, где шли, все притоптано: и трава, и кусты даже. Конные и пешие полки прошли вверх по Шелони. Ныне выше Мишаги идут. Хорошо, княже, что войску нашему ты в лесу хорониться велел и костров не жечь.

– Ночью прошли-то?

– Ночью, княже. Идут они безо всякого страха. О нас ништо же не ведают. Не токмо дозоров, а и стражи никакой у них нет.

– И где же они теперь?

– Видать, недалече. За рекой-то, по левому берегу, пески все. Грузно идти-то не токмо пешему, но и конному.

– А много их?

– Сколь – не ведаю, а по следам их – вельми намного боле нас.

– Пушай их и людей и коней томят своих, – улыбаясь и позевывая, молвил Данила Димитриевич, – а мы поспим еще до восхода солнца, и ты спи. Дозорные-то, когда надобно, разбудят, как им приказано. Потом новгородцев нагоним, берег-то наш твердый, без болот, идти нам легко будет.

Яркое летнее солнышко быстро подымалось, сверкая в ясном безоблачном небе. Засуха все еще стояла, и не было никакой утренней свежести, даже на лесных травах, которые все время в тени растут, ни одной росинки не блестело.

Когда воины сидели за ранним завтраком, лучи солнца, пробиваясь сквозь полусохшую листву берез, осин и ольхи, пекли уже спину, как в полдень.

– Сухмень-то, сухмень какая, – крестясь, говорил старый конник. – Как мы коней-то прокормим, коли вот овса не хватит.

– Государь еще пришлет! – уверенно заметил молодой парень. – Ныне пока есть, а не хватит – наши воеводы у новгородцев возьмут на первую-то пору.

– Эй, ребята, эй! – кричали уж кругом десятники и сотники. – Торопись, язык-то не выпускай, ешь проворней!

– Борзо коней пои!

– Не проклажайся!

– Сей часец труба заиграет!

Не прошло и получаса, как полки уж были готовы и строились к походу. Все шатры, котлы, ведра, всякие припасы и прочее были уложены на подводы, а что в переметные сумки ушло, то на коней выючено.

Вот уж и воеводы сели на коней, и князь Холмский руку поднял, дабы знак подать к походу, как подскакал к нему небольшой дозор, держа на поводу коня с незнакомым всадником.

– Вот, княже, пымали, – громко и сердито докладывал старший дозорный. – В лодке к нам переплыл, а мы его и схватили.

– Оружье-то у него было? – спросил воевода князь Холмский, оглядывая темнобородого сурового мужика лет сорока с лишком. – И где вы его пымали?

– Нетути у него оружия. Схватили же тутотка, как на берег вышел.

Мужик усмехнулся и, обращаясь к Холмскому, молвил спокойно:

– К тебе, княже, прибежал нечаянно. От войска новгородского в Москву хотел.

Князь Пестрый, глядевший все время на пленника, прервал его:

– Не Афанасий ли?

– Я самый и есть, – ответил тот, – Афанасий, сын Братилов, торговец.

– Златокузня у ты в Новомгороде?

– Истинно. Дьяк Бородатый меня знает, и у государя я на Москве бывал.

– Ведаю, ведаю! – обрадовался князь Пестрый. – Видал ты у государя-то.

– Ну, сказывай, Афанасий, – резко вмешался князь Холмский, – пошто до нас дошел?

Афанасий Братилов рассказал, что взят был насильно после того, как лавку его разграбили, семья его у родни схоронилась, а его самого захватили.

– Ну, да о сем, воеводы, – продолжал он, – я на досуге расскажу. Сей же час наиглавно иное дело. Как прибежали вои наши без носов и ушей от Коростыни, такой страх пошел в народе-то, а господа с Борецкими в такую ярость пришли, что немедля вестника послали к королю Казимиру, моля борзо на конь воссесть против государя нашего. К государю же Луку Клементьева послали о мире челом бить, дабы время иметь для-ради воровства своего. У самих же докончание с королем уж подписано.

– А ратные дела как у господы? – спросил князь Холмский.

– Набрали Борецкие и присные их, набрали волей и неволей, более силой и страхом, много людей. Тысяч, почитай, сорок. Токмо народ сей – худые вои. Из них, которые на конь посажены, до сего никогда и в седле-то не были. Которые в доспехах, с мечами и копьями, до сего знали токмо иглу, молот, шило да дратву и прочее.

Воеводы Пестрый и Холмский переглянулись с усмешками:

– Куда же рать их идет и пошто? Дале-то что мыслят деяти?

– На вече посадники Митрий Борецкий и Василий Казимир сказывали: князь-де Холмский с князем Пестрым Русой займутся, а за сим к Демани уйдут. Мы же, пока князи сии там прохлажаться будут, псковичей половину посечем, половину живьем возьмем...

– Как же, Федор Давыдыч, прозорлив государь наш! – воскликнул Холмский, перебивая Афанасия. – Прав он был. Истинно, что из-за деревьев мы лесу не видели. Новгородцы же все уразумели, западню нам припасли! – Холмский замолчал и поглаживал в раздумье бороду. – Великий и многохитрый воевода наш государь, – заговорил он снова, – малые дети мы все пред ним. Господа же хочет умней его быти. Ведь, мыслю, господа-то хочет, избив псковичей, вслед затем и нас побить.

– Истинно, княже, – подхватил Афанасий Братилов. – Мыслят они, пока государь-то дойдет сюды, король Казимир им войско свое пришлет, а там, может, и татары подымутся.

Переглянулись опять воеводы, а Пестрый заметил:

– И сие нам государь указывал...

– Не будем о сем баить, – прервал его Холмский и, обратясь к Афанасию, спросил: – А ведают воеводы новгородские про нас?

– Ничто о сем им не ведомо.

Холмский поглядел на Братилова и молвил:

– Прости, Афанасий, а ты при мне пока останешься. По ратному обычаю никуда тебя пока отпустить не могу до приказа государева.

Ближе к полудню рать московская, подымаясь вверх вдоль Шелони, была уже против сельца Велебицы, что на левом берегу стоит.

Сюда князю Холмскому дозоры его привезли весть, что новгородцы всю ночь шли, теперь стан свой разбили меж селцом и рекой, поближе к берегу – из-за водополя. А пообедав, отдыхать полегли.

Князь Данила Дмитриевич созвал немедля воевод своих, русских и татарских, и, наперед согласившись с Федором Давыдовичем, объявил так:

– Да поможет Господь нам, ибо время пришло. Надо нам силу сию новгородскую разбить и пленить днесь же. Другому случаю не бывать лучше. Не чают они нападения нашего. Сонны, истомлены, к бою не готовы.

– Так ударим изгоном на них! – воскликнули некоторые из воевод.

– Не ждать, пока пробудятся! – подхватили другие, но Холмский остановил их.

– Государевы заветы блюсти надобно, – строго сказал он. – Государь взыщет все огрешки наши. Глаз его вострый, а ратная хитрость так велика, что от него не схоронишься.

Князь Данила помолчал, подумал еще и приказал:

– Все на главу свою беру пред государем, а посему велю вам: те полки, которые укажу яз, со мной впереди пойдут, а предо мной – лучники. Лучникам же наиглавно по коням бить дабы кони ряды путали, воев с седел своих сбрасывали, пеших топтали. Как у новгородцев-то смута пойдет, мы в середину, в самое сердце их, со всей силой ударим, а там – что Бог даст! Токмо живота не жалеть за веру и государя! Три раза били мы их, разобьем и ныне.

Данила Дмитриевич, еще более возвысив голос, заговорил снова:

– Помните, государь-то следом идет! Главное – все деять, как сказываю, без огрешек и страху! Князь Федор Давыдыч будет в тылу нас оберегать да обозы и полон сторожить, для сего ему немало воев нужно. Лазутчиков и дозоры, как мы всегда сие творим, в разные концы разослать надобно. Сколь всего-то оторвать от главной рати?

– Воев-то? – молвил князь Пестрый. – Мыслю, тысячи две оторвем.

– Истинно, – согласился Холмский, – да тысячи две своих татарских конников в обход пошлем, в засаду, дабы в самый разгар боя у нас свежие силы были. – Обратясь к татарам, он добавил: – Вам же, воеводы, сей же часец приказываю идти версты две или более вверх по Шелони. Там, место найдя удобное, перейти реку бродом либо вплавь. Потом перейдите ручей Дрянъ и таитесь за рекой, дабы в нужное время оттуда изгоном пасть на новгородцев с тылу...

На сем дума и кончилась. Холмский встал со скамьи и, перекрестясь, сказал:

– Да будет с нами Господь Бог и вся Его крестная сила!

Первыми отъехали тайно с полками своими татары, которым надобно было и Шелонь и Дрянъ заранее перейти и в засаду сесть.

Потом занял указанные места князь Федор Давыдович со своими полками. Он, не медля, расставил дозоры вокруг обозов и в тылу Холмского, чтобы обходов быть не могло. Вот остался князь Холмский один с главной силой своей – всего-навсего у него тысячи четыре воинов. Дав все указания воеводам своим о переправе и как строиться к бою, Данила Дмитриевич приказал:

– Идти без труб и набатов. Тайно выйти к переправе и враз бесшумно плыть на левый берег. Там же, прячась внизу склона у самого берега, скрытно полки к бою построить. Ждите там новых приказов моих.

Снял он шлем, перекрестился, и все воеводы за ним сделали то же самое, потом Холмский громко воскликнул:

– Помогите нам, Господи, против врагов земли православной!

Зной стоит уже полдневный, солнце палит и слепит глаза своим блеском. Томит и терзает землю новгородскую великая засуха.

Спешившись и держа коней на поводу, конные полки князя Холмского один за другим, будто влага губкой, вбирались рощами и перелесками. В полной тишине воины с конями скользили между стволов деревьев, среди светлых и почти черных пятен, пестривших лес от чередований света и теней.

Так проходили они по крутому лесистому берегу, который потом отлого спускается к воде. Здесь, как ручейки, потекли из лесных чащ конники, садились верхом, ехали вброд, плыли, где было глубже, и выплывали бесшумно у левого берега, еще более пологого, чем правый.

Тут была площадка, которую скрывал выпятившийся горбом берег, шириной с версту и версты две длиной.

Как только все полки собрались на этой площадке, князь Холмский тотчас же выстроил их в боевом порядке – длинным и глубоким строем. Таким строем и повел их князь Данила на голую возвышенность, поднимавшуюся полого от береговой площадки.

В это время прибыл гонец от полка царевича Даниара и оповестил, кланяясь до земли:

– Стоим, княже, за спиной новгородцев. Что далее прикажешь?

– Токмо в трубы мы затрубим и в набаты забьем – всей силой гоните на врагов, бейте их в спину!

Татарин, радостно закивав, мгновенно повернул коня и скрылся в лесных зарослях.

Когда полки князя Холмского поднялись на самый верх левобережной возвышенности, пред ними, как на ладони, открылся весь огромный стан новгородский. Там, видимо, уже знали о прибытии московских полков, и все всполошились, метались и суетились в растерянности.

Все же несколько полков уже стояло в боевой линии, а позади них еще суетилось множество воинов, вооружаясь и садясь на коней.

Исполчившись же и в ряды боевым порядком построясь, страшной силой предстали они пред малой ратью московской. Не менее как тысяч сорок набралось, ибо, сколько глазом охватить можно, все новгородскими воинами занято было. Воеводы же их, пред полками своими разъезжая, силой своей похвалялись и кричали громко воеводам великого князя хулу всякую и брань.

Испугало бы сие даже и Холмского, если бы опытным глазом не углядел он настроения воинов новгородских. Смело крикнул князь своим воеводам, стоявшим пред полками:

– С Богом, вперед! На врагов, как приказано!

И приказ его из уст в уста пошел по полкам, сотням и десяткам, и вскоре остановившееся было войско московское медленно, но неуклонно пошло на великую силу новгородскую.

– Лучников вперед! – передал второй приказ воеводам князь Данила Димитриевич.

К этому времени совсем уж построились новгородцы, занимая во много раз более места, чем московские полки.

– Истинно, тысяч сорок, – пробормотал князь Холмский, глядя на врага, и громко крикнул: – Ну, Бог не выдаст, свинья не съест!

Он внимательно оглядел ряды своих воинов, наблюдая, как лучники занимают наиболее выгодные места. Потом, окинув взглядом поле и все множество новгородской рати, сказал ближайшему своему воеводе, начальнику лучшего своего полка:

– Помни, Микита Гаврилыч, нельзя на себя допускать такое множество: они, как стадо, токмо ногами одними нас всех затоптать могут.

– Истинно, княже, – ответил воевода, – надо, ежели бить их почнем, место им открытое оставить, куды бы им бежать мимо нас.

В этот миг вдруг зашевелились полки новгородские и двинулись на москвичей. Побледнел князь Холмский и поскакал к лучникам вдоль рядов своего войска.

– Коней бейте! – кричал он воинам. – Наиглавное – коней! От коней у них смятение почнется!

Ближе и ближе новгородцы, копья уж наперевес держат. Вот они ближе, чем на полет стрелы, вот сейчас всей силой своей кинутся.

Враз запели со всех сторон стрелы московские. Завизжали дико, заржали кони, бесясь, запрокидываясь на спину, сбивая всадников и топча их ногами. Гуще и гуще летят стрелы, и вот уж смешались ряды новгородских конников, передние напирают на задних, прорывают свои ряды, а не вражеские. Больше и больше растет беспорядок и смятение, и вдруг целый полк новгородский повернул назад, пробивается сквозь ряды своих же, топчет упавших на землю. Крики, вопли людей, дикое ржанье взбесившихся от боли коней.

Князь Данила сделал знак, и полки его помчались на противника, крича неистово:

– Москва! Москва!

Сомкнутым строем ударили они в середину новгородского войска, в сердце его, ловко и беспощадно действуя тонкими острыми копьями и тяжелыми сулицами.¹²

Только лучший полк под начальством Никиты Гавриловича остался один около князя Холмского. Князь, не отрывая глаз, следит за боем. Вот дрогнули новгородцы, отступить начали, а некоторые из полков их помчались прямо в поле.

– Пора и нам, Микита Гаврилыч! – крикнул князь Холмский. – Трубы и набаты!

Под неистовый рев труб и барабанный грохот набатов князь поскакал во главе с лучшим полком своим к вражьему войску с левой руки, завязав рукопашную схватку. Еще более заметались в смятении новгородцы, а сзади нежданно с бешеным визгом и дикими воплями, ряд за рядом, помчалась на них татарская конница, словно из-под земли выскочив и сверкая обнаженными саблями.

Слепой страх обуял новгородцев, и, ничего не видя, ничего не понимая, помчались они в поле, бросая щиты и копья, стаскивая с себя на скаку доспехи, дабы облегчить коней и ускорить их бег.

Москвичи же и татары неотступно гнались за ними, кололи насмерть копьями и сулицами, рубили саблями, догоняли людей и коней стрелами. Еще более, чем в бою, погибло новгородцев при бегстве. Целых двенадцать верст с боем гнали их московские полки, нещадно избивая и беря полон. Бегущие, потеряв голову и только стараясь спастись, тонули, переплывая Шелонь, увязали и гибли в лесных болотах. Многие же в страхе и безумии скакали до самого Новгорода – вернее, кони сами принесли туда седоков.

Разгром был полный. Убитыми, утонувшими, ранеными было тысяч десять, а в полон взято живыми почти две тысячи. Захвачен был стан новгородский со всеми обозами.

В плен Холмскому попали и самые знатные посадники новгородские, и великие бояре из господы: Василий Казимир, воевода Димитрий Борецкий, Козьма Григорьев, Матвей Селезнев, Василий Селезнев, Павел Телятьев, Козьма Грузов и другие, а также множество из житых.

Меж всякого добра, что в обозах было захвачено, нашли и договорную грамоту новгородцев с королем польским. В полон же был захвачен и тот, кто сию грамоту писал.

Кончив преследование врага и поручив кому надобно добычу и полон стеречь, князь-воеводы собрали все полки московские к знаменам и перекличку всем воинам сделали. Из переклички сей ведомо стало: только три десятка воинов в строю недоставало, многие же хотя и ранены были, но живы и на конях своих сидят.

– Вои православные, – сказал князь Холмский перед полками зычным голосом, – вот какова корысть от храбрости! Помните кто не ждет, а первый бьет, тот жив будет. – Князь снял шлем свой и, не сходя с коня, приказал: – Сей же часец у образов под знаменами попы споют нам молебную. Отблагодарим Господа за победу и о государевом здравии помолимся...

¹² Сулица – рогатина, род тяжелого копья с большим двусторонним ножом или широким кинжалом на конце древка.

Глава 5

Гнев и милость государевы

Июля семнадцатого, когда пташки в лесах и полях притихают, вступил государь Иван Васильевич со всей силой своей в ям Яжолбицкий.

На другой же день, июля восемнадцатого, после раннего завтрака созвал он в шатер к себе думу думать братьев своих – Юрия, Андрея большого и Бориса, да царевича Даниара, да дьяка Степана Тимофеевича Бородатого.

– Ну-ка, Юрьюшка, – начал государь, – поведай нам обо всем, что тебе самому до сего дня ведомо.

– На сей день, государь, – ответил князь Юрий Васильевич, развертывая малый чертёжик, – вести наидобрые со всех сторон.

Он подвинулся на скамье ближе к великому князю, положил пред ним этот чертёж и, указуя перстом, продолжал:

– Сюды вот, государь, к яму Бронницкому, рати свои, конную и судовую, привел уж князь Стрига-Оболенский. В сорока верстах стоит от Новгорода. Приказу твоего ждет. Вестник его ночесь пригнал. Баит Стрига-то, что до сего дня нигде ему рати новгородской ни разу не встречалось. Жжет он все на пути, пустошит, полон берет, а все рати и население впереди него бегут к Новгороду.

– Передай через вестника, – молвил великий князь – дабы начеку был. Главное же – следил бы Стрига-то, пошто и куда мы идем, и из сего свои дела разумел. Вестников-то пусть чаще шлет. Укажи ему путь наш к Новгороду по дням и часам. Далее-то что?

– От князя Холмского весть о псковичах. Далеко еще они, около Вышгорода, полонят и все пустошат в землях новгородских, а сам-то князь Данила у Шелони уж.

– О Холмском гребты у меня нет. Токмо новгородцы не упредили бы его, напав на псковичей. – Сказал это Иван Васильевич, а сам весело усмехнулся и продолжал: – Не можно сему быть: Холмский сего не прозевает. Зорек и скорометлив он. Какое же войско у новгородцев? Из кого набрано, воеводы кто?

– О сем, государь, Степану Тимофеичу более ведомо, – ответил князь Юрий. – Яз от него многие вести беру.

– Сказывай, Степан Тимофеич, – обратился Иван Васильевич к дьяку Бородатому. Тот встал и поклонился.

– От доброхотов наших, государь, ведаю, – начал он степенно. – Господа новгородская после урону небывалого от князя Холмского у Коростыни и дважды у Русы в смятение пришла великое. Докончание бояре-то их с королем подписали, посла отослали к нему челом бить, дабы, исполчившись на Москву, немедля на коня воссел. Сами же тысяч сорок воев собрали. Отпустили их на псковичей с главными своими воеводами: Васильем Казимиром да Митрием, сыном Марфы Борецкой. Доброхоты наши бают, на вече воеводы сии похвалялись, что псковичей живьем в полон возьмут. Потом-де окружают и побьют Холмского, а потом-де вместе с королем Казимиром побьют и главные силы московские...

Зло усмехнувшись, государь перебил дьяка хриплым голосом:

– Нашему б теляти да волка поимати!

Все засмеялись, но государь, бросая гневные взгляды, продолжал:

– Поглядим, каково они к осени-то петь будут. Не зря все нами решено, а коли слепы они, токмо для них хуже!

Откинув полу шатра, быстро вошел стремянный Саввушка.

Государь, повернув к нему голову, с чуть заметной тревогой спросил:

– Что?

– Вестник, государь, от князь Холмского, боярский сын Замятня.

Все улыбнулись невольно, услышав забавное прозвище, а государь молвил, усмехнувшись:

– Коль сия Замятня¹³ от князя Холмского, то не у нас она, а у новгородцев.

Все засмеялись громко, а Иван Васильевич сказал Саввушке:

– Веди сюды вестника.

Вошел молодой широкоплечий мужик с черной бородой, истово перекрестился на образ, что висел возле походного знамени в красном углу шатра, поклонился государю и прочим, сказал густым, спокойным голосом:

– Будь здрав, государь, на многие лета и вы, князи и воеводы.

Поклонясь опять, встал прямо, ожидая вопросов государя.

– Добре дошел? – спросил великий князь.

– Добре, государь, спаси тя Господь.

– Ну, повестуй!

Замятня поклонился и, собравшись с мыслями, начал спокойно и ровно:

– Князь Данила Митрич Холмский повестует: «Будь здрав, государь, на многие лета.

По приказу твоему пригнали мы к Шелони. Там же наехали на рать новгородскую, тысяч сорок их. Весь Велик Новгород со знаменитыми воеводами своими: Васильем Казимиром и Митрием Борецким...»

– Марфин сын? – спросил кто-то из воевод.

– Истинно, Марфы сын, – ответил Замятня и продолжал: – «И многие другие посадники и лучшие люди. О всем же походе рати новгородской мы ведали, им же ничто о нас ведомо не было. В обед, на Акилу-апостола, реку перейдя, нечаянно для ворогов стали мы перед самым станом новгородским. Татары же утресь еще в обход были посланы и за спиной новгородцев в засаду сели. Все ж новгородцы-то вборзе исполнились и стали пред нами силой несметной. Яз же, видя их настроение, на воев своих полагаясь и на засаду татарскую упование имея, не устрасился. Воеводы же их, видя, что мало нас, похвалялись и на нас хулу, яко псы, лаяли. По завету твоему, государь, не ждя их, сам яз ударил по ним, лучникам стрелы в коней пущать повелев. Великое смятенье пошло у них, кони понесли, все полки их перепутались. Ударил тогда яз на них с сулицами и с копьями. Они сперва крепко бились, мы же, коням их не давая на место стать, стрелами и сулицами избивая, теснили со всех сторон. Видя, что подаются они, крикнул яз в трубы трубить, в набаты бить – знак сие татарам. Ударил яз сей же часец с лучшим полком своим новгородцев с левой руки. Мало щит подержавши, дрогнули они, а в сие время изгоном с великим криком наша татарская конница сзади врезалась в ряды их...»

Замятня остановился в волнении, чувствуя, как в государевом шатре все замерли, с лица сменились и громко дышат, будто духа им не хватает. Передохнул и Замятня и заговорил дрожащим голосом:

– «Помог нам Господь! Один за другим полки их спины к нам оборачивать стали. Мы же, с татарами соединясь, гнали их верст двенадцать. Сулиц наших боясь и сабель татарских, бросали доспехи свои новгородцы и, яко пьяни, либо безумни, гнали по воле коней своих. Много избито было, конями потоптано, в Шелони потоплено. Мыслю, боле десяти тысяч изгибло. Многих же лучших людей, а простых того боле, полонили – коло двух тысяч всех-то, что живых руками поимали...»

Загудели в шатре все радостным гулом, закрестились, восклицая:

– Помог Господь!

– Слава Богу и святым угодникам нашим...

¹³ Замятня – замешательство, суматоха.

Государь сделал знак, и все смолкли. Он встал со скамьи, и, крестясь на образ у походного знамени, взволнованно произнес:

– Благодарю тя, Господи, за милость Твою! Церковь святого апостола Акилы обещаюсь на Москве поставить. Дай же, Господи, здоровья и сил рабам Твоим Даниле и Федору, воеводам храбрым, и всем воям их преславным. – Успокоившись, но брови нахмутив, спросил он вестника: – Кто же из лучших поиманы?

– Из главных воевод, государь, поиманы Василий Казимир, Митрий Борецкий.

– Покарал Господь злодеев! – крикнул князь Юрий Васильевич, и со всех сторон послышалось:

– Поделом вора и мука будет!

– Наиглавные из господы злодеи.

– Судить их без милости...

Иван Васильевич досадливо тряхнул головой, все замолчали, а Замятня продолжал:

– Поиманы еще Козьма Григорьев, Яков Федоров, братья Матвей Селезнев и Василий Селезнев-Губа, племянники Василья Казимира – Павел Телятьев и Козьма Грузов, Киприян Арзубьев, Еремей Сухощек, все золотые пояса из господы. Много еще житых людей, купцов, а наиболее из меньших поимано.

– Где ж главные-то злодеи? – спросил великий князь.

– В Русе, за приставы, в железы окованы.

Замятня достал из-за пазухи сверток, в тряпицу обернутый. Вынув из нее грамоту, он подал ее великому князю:

– Сие есть новгородская докончальная грамота с королем Казимиром.

– Дай, – поспешно прервал вестника Иван Васильевич.

Дрожащими руками схватив бумагу и бросив острый взгляд дьяку Бородатому, он молвил:

– Разумеешь?

– Разумею, государь. Сие...

Но государь не дал ему кончить и воскликнул:

– Грамота – наиглавная наша победа! Где ее взяли?

– В кошевом व्यюке нашли, а князь Данила Митрич враз уразумел. Сие велел тебе, государь, предоставить, а прочие грамоты и списки у себя хранит для дьяков твоих.

– Добре, разумно все изделано, – похвалил Иван Васильевич, – и ты, как звать тебя?

– Иван, Васильев сын...

– Ну, спасибо и тебе, тезка мой. Добре все исполнил.

Государь протянул милостиво руку Замятне, а тот почтительно поцеловал ее.

– Саввушка, – продолжал государь, – отведи Ивана Васильевича к страже моей в шатер. Пусть примут, яко гостя, накормят, напоят и отдохнуть уложат. Ты же, Иван Васильич, утре с нами пировать будешь, а каково князю Даниле повеление будет – князь Юрий Васильич тебе скажет.

В ответ Замятня низко поклонился и молвил:

– Тут еще, государь, привезен нами из господы один. Он грамоту писал.

– Сей же часец его привести сюды! – сказал государь, обращаясь к своей страже.

Герасим Саввич Козьмин, старый посадник лет пятидесяти, звеня железами на ногах, окруженный княжой стражей, гордо и дерзко вошел в шатер государя.

Крестясь на икону, он громко произнес:

– Господи, помоги ми среди ворогов наших.

Никому не поклонившись, встал он молча и смело, взглянул на государя, но, встретив грозный взгляд его, смутился и побледнел.

– Не тебя страшусь, – молвил он, снова взглянув на великого князя, – а гибель Господина Новагорода в глазах твоих вижу.

Государь молчал, лицо его было неподвижно, словно окаменело, и в шатре замерли все от непонятного страха и вдруг вздрогнули от спокойного, чуть хриплого голоса:

– Ты докончание писал для Казимира польского? Своей ли волей господином его молил вместо меня? Ересь Исидорову прияти обещал через митрополита Григория, дабы папу римского главой почитать?

Снова тишина настала. Заволновался Герасим Саввич, губы у него задрожали, но, овладев собой, молвил он злобно:

– Все яз своей волей содеял, радея Господину Новугороду Великому. Мыслил яз за един со всем Новымгородом. – Не выдержал вдруг посадник и закричал в ярости: – Лучше смерть пошли мне, Господи Боже, нежели зрети град великий в оковах московских!

Тихо опять стало в шатре государевом, и сам государь тих и спокоен был. Посмотрел он снова страшным взглядом своим на посадника и медленно молвил:

– Не умрешь ты, а сии оковы на Новомгороде узришь, и сам в оковах до конца живота за воровство свое будешь.

Оставшись один с дьяком Бородатым, Иван Васильевич радостно воскликнул:

– Чего хотел, то Бог и дал! Сами новгородцы сей грамотой воровство свое изобличают перед всей Русью православной и перед церковью нашей, вложившей мне в руци меч карающий! Сами себе веревку на шею надели!

– Истинно, государь, – горячо произнес Бородатый, – но не токмо веревку, а и срам и проклятие до скончания века!

В глубоком волнении прошел Иван Васильевич из угла в угол шатра своего и, остановившись перед дьяком, сказал глухо:

– Ну, читай, как сии иуды Русь святую продают! Чем купцы новгородские торгуют?

– Наперво дозволю поведать тебе, государь, – начал дьяк Бородатый, – по грамотам и спискам, которые при договоре сем есть, узнал яз о посольстве новгородском к королю Казимиру. Посольство сие было из посадников старых Афанасья Афанасьева и Димитрия Борецкого, одного посадничьего сына и пяти человек житых людей.

– А ты, Степан Тимофеич, – прервал его государь, – читай мне, что они королю-то дали?

– Сие вот, государь, пишут они: «Держать королю Казимиру в Новомгороде на Городище своего наместника из православных, а наместнику без посадника новгородского суда не судить. Дворецкому же твоему жить на Городище на дворе, а пошлины продавать с посадником новгородским по старине с Петрова дни. А тиуну судить с новгородскими приставы...» Дале тут, государь, все точно, как с твоим наместником, дворецким и тиуном. С королем таков же обычай, как и с тобой, токмо добавлено: «А пойдет великий князь московский на Новгород, ино королю Казимиру всесть на коня и оборонять Новгород...»

– Нонече не оборонит уж! – в гневе воскликнул Иван Васильевич, и руки его задрожали. – Не оборонит! Не посмеет! Ведомо нам было, что с Унгарией и Чехией он заратился для ради сынов своих. Ведомо нам и то, что московские дары более по душе хану Ахмату, чем Казимировы.

Великий князь замолчал, взволнованно шагая около стола в шатре своем. Спустя же малое время сел на скамью и молвил совсем спокойно:

– Того не ведают ни господа новгородская, ни круль Казимир, что Москва-то, как бабка моя баила, семь раз отмерит, потом враз отрежет.

– Истинно, государь, – с волнением произнес дьяк Бородатый, – при тебе Москва точно мерит все, без огрешек...

– Читай далее, Степан Тимофеич, – прервал его государь. – Как и чем за сие Казимиру платить новгородцы-то смыслили?

– В их грамоте, государь, писано, – продолжал дьяк. – «Умиришь, господине честной король, Великий Новгород с великим князем, ино тебе взять дани по новгородским волостям по старине».

– По мясу живому режут Русь-то! – вскакивая и сверкая глазами, воскликнул великий князь. – Можно ли сие терпеть русскому государю православному? Ведь сии разбойники токмо для ради прибытка своего, яко безумцы, и людей православных и земли свои латынству продают!

– Истинно, государь наш, мыслишь! – горячо отозвался Степан Тимофеевич. – Косит Литва издавна очи на вотчину твою. Еще прадед твой, Витовт, великий князь литовский, блазнился Новымгородом.

– Не бывать сему, – грозно, но уже спокойно и твердо произнес Иван Васильевич. – Прозевал сие Казимир-то, а госпуду сотру яз с лица земли...

* * *

Отпраздновав победу шелонскую и отпировав со всеми князьями, боярами и полками их, великий князь июля двадцать первого двинулся со всей силой своей в Русу.

В пути уж получил он вести от князя Михаила Андреевича Верейского и сына его князя Василия, что воеводы новгородские, которые в Демани сидели, сдались им, выкуп дав всем своим именем.

– Моля токмо пощады для живота себе, – закончил вестник князей верейских, – гражане же деманьские даша со града окупу сто рублей новгородских.

– Сие есть шелонская победа! – заметил с усмешкой великий князь.

В ту же пору доложил государю вошедший стремянный Саввушка о посольстве из Новгорода.

– Посадник Лука Клементьев, – сказал он, – челом тебе бьет, государь, от владыки Феофила и всего Новагорода.

Иван Васильевич нахмурил брови и, помолчав, молвил дьяку:

– И сие, Степан Тимофеич, шелонская победа. Прими посольство у себя в шатре, угости и все, что надобно, разведай. Даю на сие время, пока войско обедает. А как труба заиграет к походу, окружи послов крепкой стражей. Пусть с нами идут. Стоянка у нас в Селищах, там коней кормить будем. Там мне обо всем скажешь. Иди к ним, да с глаз не спущай. Ратное время-то.

Войска великого князя шли медленно, чтобы ни коней, ни людей зря зноем не томить. Солнце жгло руки и лица и сквозь одежду пропекало все тело. Травы и листья были ржаво-коричневые, совсем пересохли, ломались и рассыпались в руках. Местами озерца и болотца пересохли до дна, и даже самое дно от жары потрескалось.

Духота стоит нестерпимая. Кони идут уныло, вяло шагают люди. Не слышно ни песни, ни смеха. Разговоры тянутся скучные.

– Сухмень, сухмень-то, – бормочут многие, – наказал Господь...

Тяжко всем смотреть на бедствие такое великое.

– Гнев Божий, – горестно молвил старый полковой священник и, тяжело вздохнув, перекрестился.

– Гнев-то, батя, – досадливо откликнулся здоровенный чернобородый лучник, – не супротив нас! Не мы Бога-то прогневали...

– Потому на Москве-то у нас, – добавил седобородый конник, – слава Те, Господи, бают урожай все ж будет.

– Токмо лето и у нас сухо ноне, – вмешался обозный кологрив, шагая возле воза с овсом для коней.

– Ноне жнитво поране у наших сирот зачнется.

Затрубили трубы станом ставить – до Селищ дошли. Отсель, как гонцы от передовых поведали, можно прямо идти через весь Невий мох, до самой реки Полы. В нынешнюю засуху здесь все пересохло, а идти всего верст тридцать до села тамошнего Игнатици, где на ночлег весьма удобно расположиться.

В Селищах часа полтора на кормежку надобно, но дни еще стоят долгие, особливо тут, в новгородской земле, а в Москве Илья-пророк уж два часа уволок. В Игнатици во всяком случае поспеют полки государевы засветло. Пока коней кормили в Селищах, великий князь сидел в шатре один на один с братом Юрием Васильевичем, задумчивый и грустный. Пришла весть из Москвы, что и второй дядька их, Васюк, скончался. Эта смерть особенно взволновала князя Юрия, и государь, взглянув на любимого брата, только теперь заметил в нем большую перемену. Будучи очень похож на покойного отца, сходствовал он сейчас даже и выражением лица с лицом Василия Васильевича пред кончиной его. Румянец чересчур яркий на щеках, худоба. Все черты лица заострились, а в глазах сухой блеск. Заметил Иван Васильевич, на что ранее внимания не обращал: брат глухо покашливает.

Встревоженный, он невольно схватил Юрия за руку – она оказалась очень горячей.

– Здоров ли ты, Юрьюшка? – тихо спросил он.

– Здоров, Иване, – усмехаясь, но так же тихо ответил Юрий Васильевич, – токмо знобит мя, будто снег за спиной. Ну, да испью вот на ночь стопку крепкого меду с чаркой водки, тулупом укроюсь, и все к утру как рукой сымет.

В шатер вошел стремянный Саввушка и сообщил:

– Дьяк Бородатый дошел к тебе, государь.

– Коли один, – зови, – оживившись, молвил великий князь. – Узнаем, Юрьюшка, сей часец, пошто к нам новгородцы-то послов заслали, опять изолгать хотят.

Государь прервал свою речь и, увидев Бородатого, спросил с усмешкой:

– Ну, сказывай, Степан Тимофеич, какого зла нам от господы ждуть? Садись-ка на скамью-то поближе.

– Послы от владыки Феофила и от всего Новгорода челом бьют, дабы ты опасные грамоты дал владыке и посаднику, и боярам великим от господы. Они же, пред тобою представ, мира молить хотят.

Государь, перебивая дьяка, громко рассмеялся и воскликнул:

– А яз сей бы часец поход остановил и, не идя к Новгороду, тут бы посольство их ждал?!

Дьяк Бородатый тоже засмеялся и добавил:

– Истинно, истинно так, государь! Прямо сего не бают, но разуместь о сем дают!..

– А как ты, Юрьюшка, десница моя ратная, мыслишь?

– Крюки сии и хитрости, – усмехаясь, весело ответил Юрий Васильевич, – годны после толиких побед наших токмо для потехи скоморохам...

– Так и яз мыслю, Степан Тимофеич, – обратился к дьяку государь, – а посему напиши им, какие нужно, опасные грамоты от моего имени. Пусть едут ко мне туды, где яз буду. Может, и в самом Новомгороде. Днесь же яз принимать их не хочу.

В село Игнатици, что возле самого берега Полы, государево войско прибыло на ранней вечерней заре, когда солнце еще не успело закатиться. Тотчас же вокруг села, то там, то тут, появились шатры воевод, сотников, десятников и, как островерхие грибки, затемнили повсюду шалашики воинов, а ближе к обозам сразу зажглись и задымили костры. Это уже варят к ужину пшеничную кашу, а кое-где даже баранину и говядину.

Государь Иван Васильевич, въехав на взвоз большой поповской избы и прикрыв ладонью глаза от заходящего солнца, окинул внимательным взглядом весь огромный стан своих войск. Спешившись и отдав коня Саввушке, государь вошел в покои, где ему приготовлен был ужин

и ждал брат Юрий. Поповское же семейство, оставшееся одно в селе, давно перебралось в подклеты и там таилось.

Когда государь кончал вечернюю трапезу, стали подъезжать к нему братья и другие подручные князя, бояре, воеводы и дьяки.

Взглянув на князя Юрия, Иван Васильевич опять заметил, что тот бледным стал к вечеру и щеки у него ввалились, а глаза глубоко запали. Снова тревога охватила его, как недавно в Селищах.

– Яз мыслю, – сказал он, обращаясь ко всем присутствующим, – притомились все мы. Лучше утре, до завтраку, будем мы думать на свежие головы. Сей же часец идите все опочивать. Хочу один побыть.

Когда разъехались все, Иван Васильевич долго сидел неподвижно один за столом и глядел в открытое оконце на огненно-желтую полосу зари. Его расстроило нездоровье Юрия, и мысли пошли сами собой по грустным стезям. Вспомнились бабка, митрополит Иона, смерть отца, Марьюшки и Касима-царевича. Острой стрелой вонзилась ему в грудь все еще не стихшая тоска о Дарьюшке...

– Люба моя, жива ты, – горестно молвил он вполголоса, – а все едино, что в гробу навек...

Судорожно, до боли сцепив пальцы, он тихо простонал и замер. Встал потом с трудом и насильно стал думать о детстве, о Васюке, об Илейке, о Данилке, но и в те давние годы неотступно виделось ему детское личико Дарьюшки.

Вышел он на взвоз, где от веяния ветерка предзакатного свежей было, и увидел вдруг на холме маленькую деревянную церковку, которая по новгородскому обычаю была построена с тесовой крышей на четыре ската, с одной, похожей на шлем, низкой главой. Глава и железный восьмиконечный крест резко чернели на золотом, будто расплавленном небе.

В этот миг поразила его странная тишина на селе, где на десятке дворов с бревенчатыми, крытыми соломой избами было безмолвно, как среди могил на кладбище.

– Может, по лесам разбежались, – невольно прошептал Иван Васильевич, – может, в полон всех угнали.

Дрогнув всем телом от неожиданно громкого галочьего крика и писка, он стал смотреть на купол маленькой церковки. Стайка черных птиц закружилась около креста, стараясь усесться на нем, но всем не хватало места. Трепеща крыльями, вновь подлетавшие птицы тщетно пытались как-нибудь прицепиться, но срывались, сталкивали других и вдруг всей стаей с резкими криками и гомоном опять взлетали вверх и долго кружились над куполом.

Что-то знакомое, но еще непонятное мерещилось Ивану Васильевичу, и вот – словно кто пропел ему в уши тихо, но ясно и четко:

«Хоть с погоста прилети да черной галочкой...»

Сжалось вдруг от тоски и боли его сердце. Увидев чуть заметный огонек в слюдяном окошечке церкви, то ли от лампы, то ли от свечи, перекрестился он и громко прошептал:

– Упокой, Господи, душу рабы Твоея Марии...

Утром, как только проснулся великий князь, стремянный Саввушка, подавая ему умыться, доложил:

– Ночесь, государь, боярин Коробьин, а с ним посадник псковский Никита Ларионыч...

– Где они?

– У Степан Тимофеича. Приказал он, государь, как пробудишься, тебе сказать...

– Сей часец собери здесь мне трапезу да пошли из сторожи, кто посмышленей, к дьяку Бородатому. Государь, мол, велит после раннего завтраку быть у него с послами. Коробьин же пусть немедля придет.

Кузьма Коробьин пришел почти к самому началу завтрака. Иван Васильевич принял своего боярина приветливо, предложил хлеба-соли, а когда тот отказался, говоря, что уже позавтракал, все же усадил за стол и угостил медом.

– За здоровье твое, государь, – воскликнул Коробьин, – да продлит Господь твои годы на благо Руси православной!..

Великий князь, чокнувшись с боярином, молвил:

– Спасибо, Кузьма Петрович, сказывай, как псковичи хвостом вертели и чем ты их подвигнул?

– Подвигнул яз их страхом твоего борзого похода. Как токмо узнали, что ты уже близко, а Холмский у самого Ильмень-озера, у Коростыни новгородскую рать побил, так и засновали во все стороны, яко муравьи круг кучи своей растоптанной.

Иван Васильевич засмеялся.

– А после Шелони-то и послов враз отослали ко мне, – проговорил он. – Еще при Шибальцеве они собираться начали.

– Истинно, государь, – продолжал Коробьин, – десятого еще июля, на Финогена, в поход пошли. Воеводой же ими поставлен князь Шуйский, сын наместника, князя Василия Федорыча. С ним же четырнадцать посадников старых.

– И куды пошли?

– Пошли, государь, и не к Усть-Шелони, – усмехаясь, ответил Кузьма Петрович, – а к Вышгороду. Через два дни вступили они в землю новгородскую. Грабили, полонили на пути, а на Акилу, четырнадцатого, осадили Вышгород. На другой день, мыслю, сведав о подвиге ратном Холмского, вышгородцы предались псковичам и окуп дали. Те же осаду сняли и пошли вниз по Шелони, не спеша, грабежей и полона ради.

В шатер в сопровождении начальника стражи и воинов вошел псковский посадник Никита Илларионович, а с ним трое от бояр псковских, посадник Василий, что был в Торжке оставлен государем при себе, и дьяк Степан Тимофеевич Бородатый.

Когда положенные приветствия кончились, Иван Васильевич сказал:

– К столу, Никита Ларионыч, добро пожаловать! Завтракали, баишь? Ну, садись с боярами своими медку попить, и ты с нами, Степан Тимофеич.

За столом Никита Илларионович рассказал Ивану Васильевичу о том, о чем уж рассказал ему вкратце боярин Коробьин, и добавил:

– Ныне мы соединились с князем Холмским. Князь же Холмский разорил все земли новгородские до самых немецких земель, до реки Наровы доходил. Мы, твоя вотчина, ныне всей землей своей вышли на службу тебе, государь, а идя, стали тоже все новгородские места грабить, людей же резать али в хоромы запирать и сожигать.

Посадник Никита Илларионович замолчал, заметив насмешливый взгляд великого князя.

– Ведомо все мне, Никита Ларионыч, – молвил Иван Васильевич шутливо. – До шелонского-то боя вы с моими послами, как невесты, баили: «Хочу – вскочу, не хочу – не вскочу»...

Никита Илларионович, чтобы скрыть свое смущение, слегка рассмеялся и молвил:

– Ведаешь добре ты, государь, и обычаи наши свадебные.

– Как же мне да своя вотчины не ведать? – весело воскликнул Иван Васильевич. – Днесь все вы обедать сюды приходите. Дьяк-то Бородатый даст от меня писанные наказы тебе к моей псковской вотчине. Яз отпущу с тобой, Никита Ларионыч, посадника вашего Василья, а от меня поедет с тобой Севастьян Кулешов. Он и воеводе вашему привезет указания, куда, как и когда идти. После обеда, отдохнув малое время, днесь же поедете все отсель, от Полыреки, к полкам своим. Ныне, в ратное время, все творить надобно борзо, дабы везде во всем воровов своих упреждать.

Июля двадцать четвертого великий князь московский прибыл со всей силой своей ко граду Русе. Пригород этот новгородский был уже дважды сожжен и пограблен, а горожане его, оставшиеся в живых, если в полон не попали, ныне в самых трущобах лесных кро-

ются. Кругом же все развалины, и средь бревен обгорелых и углей только кое-где печи торчат, от огня уцелевшие.

Оглядев это пожарище, великий князь повелел войску своему стать станом ниже Руси с полверсты, на левом берегу Полисти.

Там же государь Иван Васильевич делал смотр главному отряду Холмского и Пестрого. Воеводы же, полки свои построив в ратном порядке, ждали уже государя.

Иван Васильевич, в сопровождении братьев своих, подручных князей, Даниара-царевича, воевод и бояр – московских, тверских и татарских, одетый в золоченые доспехи, медленно приближался к знаменитым отныне полкам. Он был взволнован и радостен. Острый глаз его все видел и замечал.

Вот князь Холмский сделал знак, и по всему его отряду затрубили трубы и забили набаты встречу государю.

Воины замерли и смотрели на Ивана Васильевича, к которому поскакали их воеводы. Встретив воевод, государь облобызал их под радостные крики, раздававшиеся по всем отрядам шелонских полков. Подъехав к середине отряда, Иван Васильевич приподнялся на стременах и сделал знак к молчанию. Сразу стало так тихо, будто в пустыне безлюдной.

– Voi православные, – произнес громко государь, – Бога яз благодарю за доблесть вашу. Грудью своей защитили вы Русь и веру православную от поганства латыньского! Бог наградит вас в жизни вечной, а яз, как на Москву воротимся, воздам всем вам по заслугам вашим! Будьте здравы...

– Да здравствует государь на многие лета!.. – покатилося, как гром, по полкам.

* * *

После смотра полков созвал воевод Иван Васильевич в шатре своем думу думать о полоне, взятом князем Данилой Холмским при шелонской битве, ибо пленниками были главные бояре новгородские или верные слуги Господы.

Думу думал Иван Васильевич со всеми теми, кто сопровождал его на ратном смотре отряда Холмского, а более всего с дьяком своим Степаном Тимофеевичем, который выведал все о господе и смутах новгородских от задержанного князем Холмским Афанасия Братилова, новгородца.

Государь воспалился гневом великим, узнав, что новгородцы только с обманом подослали к нему Луку Клементьева, яко бы мир предлагая, а сами же в это время гонцов к королю Казимиру послали, моля его на коня воссесть против великого князя московского.

– Как же вы о сих кознях новгородских и о воровстве таком мыслите? – спросил Иван Васильевич, обращаясь ко всем присутствующим.

– Казнить всех главных ворогов наших, которые в полон попали, – быстро ответил князь Юрий Васильевич.

– Всех казнить! – раздались голоса с разных сторон. – Всем им главы отсечь за отступление их к латынству.

– Всех, государь, казни немилостиво! – вскричал князь Холмский. – Всех воевод, бояр и житых казни отсечением главы!

Долго еще шумели кругом князя, воеводы и бояре, требуя жестоких наказаний, но Иван Васильевич только слушал и молчал. Когда же все высказались, он заговорил:

– Яз разумею гнев ваш, – начал он, – и яз сам еще более вас гневен на лукавство и козни новгородские, на зло и воровство их. Но ворогов, яз мыслю, не токмо мечом смирать надобно, а и в цепях держать незримых, которые крепче оков железных...

Государь помолчал, оглядывая всех внимательно, и продолжал:

– Яз мыслю, токмо тем четверым главы отсечь, которые в Новомгороде ненавистны мелким людям более других. Вы же судите, кто сии из полона нашего.

– Митрий Борецкий! – закричали со всех сторон.

– Еще кто?

– Герасим Козьмин.

– Докончание писал он Казимиру!..

– Дерзок вельми...

– Зло на Москву мыслит!..

– Нет, – громко произнес Иван Васильевич, – Козьмин пусть до конца живота в железа окован будет, в тесном заключении умрет...

– Казнить с Борецким Василья Селезнева-Губу, – сказал князь Пестрый.

– А от житых людей, – добавил дьяк Бородатый, – наизлые для нас Киприян Арзубьев да Еремей Сухощек. Сии наиверные псы господы.

Долго еще судили у государя, кого и как казнить из бывших посадников и тысяцких, из бояр и житых людей.

К тому времени, как дума была закончена, собрались снова близ шатра великого князя, по приказам воевод, и полки государевы, и татарские, и тверские, и полки подручных князей.

Государь на коне, окруженный всей думой своей и стражей, въехал в середину войск, где стояли уж закованные в цепи все знатные пленники.

Иван Васильевич остановил коня своего в некотором отдалении и дал знак читать приговор.

Дьяк Бородатый передал приговор подьячему весьма громогласному, дабы тот прочел его пред войсками.

– «Благодарный и благочестивый великий князь Иван Василич вся Русь, – начал зычным голосом подьячий, – думу подумав с братьями, царевичем Даниаром, подручными князьями, боярами, воеводами московскими, тверскими и татарскими, решил: казнить отсечением главы немедленно посадника старого Митрия Борецкого и с ним Василья Селезнева-Губу, а от житых – Киприяна Арзубьева да Еремея Сухощека».

Приговоренные побледнели и горящими глазами посмотрели на государя. Тот сидел на коне неподвижно с окаменевшим лицом, только руки его вздрагивали, сжимая поводья. Осужденные перекрестились, а Борецкий, взглянув на стоявшего тут же посадника Василия Казимира, злобно молвил:

– Изолгал ты меня, токмо не спасет тя твоё воровство.

Спешившись, татарские конники быстро окружили пленников, и, сверкнув саблями, вмиг обезглавили их.

– Иные же, – зычно продолжал читать подьячий, – из посадников, тысяцких, бояр и житых людей, всего числом пятьдесят, как то: Василий Казимир, да Кузьма Григорьев, да Яков Федоров, да Герасим Козьмин, да Матвей Селезнев, да Кузьма Грузов, да Федот Базин и прочие, повелел в оковах в Москву и Коломну везти и в темницы метать. Мелких же людей повелел государь отпускать из полона свободно к Новугороду.

В шатер свой возвратился Иван Васильевич бледный и усталый, позвав с собой только брата Юрия Васильевича.

Они молча пили крепкий мед. Нехорошо было у обоих на душе, и оба они знали об этом.

– Да, – молвил наконец Иван Васильевич, – ведай, Юрьюшка, не токмо на ратном поле смерть и победы. В государствовании-то все то же, токмо трудней, Юрьюшка.

– А что, Иване, ты кручинишься? – удивился Юрий Васильевич. – У нас такие победы, каких свет не видывал.

– Сими победами, хошь их вдвое более будь еще, не сломить Новагорода. Надо, Юрьюшка, его так расшатать, чтобы и рати-то более не надобны были.

– А пошто, Иване, ты весь полон у воевод и воев отнял?

Иван Васильевич усмехнулся.

– А видал ты, Юрьюшка, – спросил он, – видал ты в лесу пни да колоды старые, трухлявые, такие, которые уж червями да жуками насквозь проточены? Стань на них – и провалишься! Так вот черви-то да жуки – насколько ведь они мельче пней да колод, а в труху их точат. Так и мелкие люди Великий Новгород в труху источат...

Глава 6

Коростыньское стояние

Оставив Русу, государь Иван Васильевич со всей силой своей двинулся к Усть-Шелони, прибыв туда двадцать седьмого июля, расположился станом великим между Ильмень-озером и Коростынью.

Берег здесь крутой и каменистый обрывом стоит над водой, а вдоль него, лаская глаз желтыми и белыми стволами, в одиночку и небольшими островками высятся могучие березы и сосны. Сквозь причудливый узор их ветвей и стволов видна огромная водная гладь озера, будто подымающаяся вдали кверху и сливающаяся с голубым знойным небом. Здесь, на холме невысоком, повелел Иван Васильевич поставить шатер свой.

Три дня и три ночи отдыхает войско великого князя у берегов озера, а сам государь перед завтраком и перед ужином, когда солнце не так палит, выезжает со стремянным Саввушкой и малой конной стражей, как бывало в юности своей, и мчится рысью, любясь окрестностями.

Июля тридцать первого, тут, на прогулке своей, принял государь и гонца от псковичей. Псковский воевода извещал, что, идя вдоль берега Ильмень-озера, стал он станом в двадцати верстах от Новгорода, а новгородских ратей нигде на пути не встречал. Сообщал еще, что передовые отряды у истоков Волхова повстречались с разведчиками князя Стриги-Оболенского, из его судовой рати, которые, на лодках плавая, тоже новгородских воинов нигде не видели.

Великий князь был доволен этими вестями, ибо ему было ведомо, что князь Стрига-Оболенский от Бронницы пододвинулся ближе к Новгороду.

Отпустив вестника, Иван Васильевич сказал брату Юрию, подъехавшему к нему вместе со стражей своей:

– Ну, Юрьюшка, все, слава Богу, к добру идет. Только псковичи все с опозданием деют. Вот уж день святой Улиты, а они, яко улита садовая, ползут, когда-то у Новгорода будут.

– Зато князь Стрига-то, – весело улыбнувшись, молвил Юрий Васильевич, – как ястреб, над Новымгородом висит!

– Истинно! В любой часец, – добавил Иван Васильевич, – мы новгородцев-то в тесную осаду взять можем.

Великий князь спешил и, обратясь к брату, сказал:

– Пойдем ко мне в шатер, Юрьюшка, выпьем по чарочке да курником закусим. Помнишь, как матушка курник нам в колымагу с Ульянушкой присылала?

– Эх, Иване, – грустно сказал Юрий, слезая с коня, – рано мы с тобой гребту да горе опознали.

В шатре братья вспомнили свое детство, дружно прожитое вместе, вспомнили мамку Ульянушку говорливую, дядек своих Илейку и Васюка, и даже столетнего старца Агапия вспомнили, который им в Ростове Великом о скотьем боге Велесе сказывал, как тот во граде Ростовском много хором, изб и хлевов огнем пожег, а жрецу своему Радуге волосы все опалил, и глава у Радуги внезапно песьей стала.

– А мудрей всех был все же Илейка, – произнес грустно и раздумчиво Иван Васильевич. – Вспомнил яз слова его: «Дружно – не грузно, а один-то и у каши загинет». Все вот мы ныне заедин: и родные братья мои, и подручные князья, и даже Псков и Тверь! Как же тут Новгороду против нас устоять? Так и с татарами будет, когда вся Русь православная единой станет.

Иван Васильевич задумался, а князь Юрий, усмехнувшись, сказал, наполняя свою чарку:

– Забыл тебе поведать, Андрей наш, меньшой, и тот пожаловал. Ночесь гонец с Москвы повестил: посылал Андрей-то с вологодской вотчины своей воеводу Сабура, Семен Федорыча, на Кокшенгу-реку, Повоевал там Сабур многие погосты и села. Привел в Вологду большой полон... – Юрий Васильевич засмеялся и добавил: – Видать, зависть замучила!

Государь же нахмурился и сказал резко:

– У всех зависть на чужое добро. Не токмо у татар и иных ворогов отымать будут, а и брат у брата. Более того, из корысти своей и о Руси православной забудут, как новгородская господа.

Смолк вдруг Иван Васильевич, свой поход на Кокшенгу-реку вспомнил, когда сам села и погосты разорял, православных своих в полон брал на горе и муку. Хотел сказать Юрию о клятве своей уделы все под Москву взять, но неведомо откуда выплыла в памяти, как живая, Агафьюшка, и сладко и тоскливо стало в душе его.

– Ушло сие навек, – беззвучно шевельнул он губами.

Неожиданно вошел стремянный Саввушка.

– Вестники, государь, – сказал он, кланаясь, – от князя Стриги-Оболенского.

Когда вступил в шатер вестник князя Стриги, государь, узнав старого знакомого, весело сказал:

– А сие ты, Трофим, по отцу Гаврилыч, по прозвищу Леваш-Некрасов...

– Будь здрав, государь, на многие лета! – радостно воскликнул Леваш. – Я самый и есть, вестник от князя Ивана Васильевича Стриги-Оболенского.

– Ну, повестуй.

– Повестует князь тебе: «Живи много лет, государь! Полки свои яз от яма Бронницкого на полдень к Спасу Нередицы и к Городищу подвинул, а на полночь к Кириллову монастырю. И все, в Новомграде творимое, мне через доброхотов наших наидобре ведомо. Много же и своими очами вижу. Смута идет в Новомгороде против господы, и все более, государь, народу стает за тя против короля Казимира. Токмо господа-то страхом еще держит всех. Посады все около града пожжены воеводами их, сожжены и монастыри: Антоньев, Юрьев и Рождественский. И Городище, к которому подошли мы, также все сожжено. По башням, у врат всех и на стенах градских день и ночь у них караулы. Сказывают доброхоты наши – ждет все господа-то полков Казимировых...»

Далее Леваш рассказал государю, что к Новгороду столько набежало народу, что ржаной хлеб уж весь съели, а на торгу продают лишь пшеничный и по такой цене, какую и не всякий богатый дать может.

Братья переглянулись, а Юрий молвил с усмешкой:

– Наши заставы у Осташкова и Торжка, видать, добре глядят!

Леваш же, добавив еще о нехватке многих иных припасов, о тесноте градской, закончил донесение воеводы такими словами:

– «Во гладе томятся уж все меньшие люди новгородские и против господы кричат: «Вы-де великого князя прогневили, все беды от вас». Пушечник там, некий Упадыш, повешен. Радея тебе, государь, пищали он на градских стенах железом забил, дабы палить из них невозможно было. Посол же их к Казимиру воротился ни с чем – не пустили его ливонцы через земли свои. Слухи еще есть, быют наши новгородцев на Двине. Мыслью токмо, о сем тебе, государь, более моего ведомо».

На рассвете, как только первые утренние петухи пропели, примчались вестники от воевод Бориса Матвеевича Тютчева и Василия Федоровича Образца с Заволочья. Встревожился весь стан великого князя, как улей пчелиный. Князь же Юрий Васильевич не велел будить государя, но приказал Саввушке сказать великому князю, когда он проснется, что после первого завтрака он придет к нему с боярами, воеводами и дьяками, дабы вестников слушать.

– Скажи государю, – добавил он, – вести ныне вельми радостные.

Но государь сам рано проснулся от говора, хотя и тихого, но необычного в эти ранние часы.

Быстро одевшись, потребовал он ранний завтрак и, сидя за столом, ждал, когда Юрий придет.

Вскоре у шатра его зашумели и затопали конные и пешие и вбежали к нему братья, бояре и воеводы с князем Юрием впереди:

– Будь здоров, государь! – кричали они радостно. – Помог Господь нам! Биты новгородцы в Заволочье.

– Двинская земля вся наша, – добавляли другие.

– Грады там все повоеваны и пожжены! – кричали третьи.

Иван Васильевич тоже радостно улыбался, но стоял молча.

И оттого, что он стоял и молчал, все в шатре стихать стало. Когда же все смолкли, государь сел и, слегка нахмутив брови, тихо спросил:

– И де же вестники?

– Будь здоров, государь, на многие лета. Здесь мы: я – сотник Максим, Ермолаев сын, и подручные мои, два десятника – Кузьмич да Ерофеич.

Вестники, еще молодые, но бородастые, поклонились до земли. Государю понравилась их северная суровость и ратная выправка.

– Будьте здоровы и вы, – молвил он. – Ну, рассказывай, Максим Ермолаич.

Суровые лица воинов посветлели, а сотник стал рассказывать неторопливым северным говором:

– Бояре-то, воеводы наши, Борис Матвеич и Василь Федорыч, повестуют тебе: «Будь здоров на многие лета. Божьей волей и милостью побили мы новгородскую рать князя Шуйского-Гребенки. Их воев было около двенадцати тысяч, у нас же всего четыре тысячи устюжан и вятчан да малое число московских воев, что с Тютчевым пришли. На реке Сихвине мы на новгородцев наехали. Рукопашным боем великим бились и на судах, а после и пешие на суше. От трех часов пополудни до захождения солнечного бились. Тут мы знамя у знаменщика их выбили, а его другой подхватил: другого наши тоже убили, а знамя третий поимал, и его убили мы и знамя их взяли. Заметались тут полки новгородские, но щит все же по самый вечер доржали. Вборзе же сам воевода их Гребенка стрелой тяжело уязвлен был, и подались новгородцы. Мы же побили насмерть многих, а иных живых поимали руками. Потом же градки их в Заволочье поимали и привели земли их крестоцелованием за тебя, великого князя. Убито же у нас пятьдесят вятчан, да устюжан один, да слуга воеводы Бориса Матвеича, именем Мигун, а прочих всех Бог сохранил. Ныне ждем приказа твоего».

– А зло ли бились новгородцы? – спросил Иван Васильевич.

– Вельми зло, государь, – ответил Максим Ермолаевич, – особенно заволочане, которых избili мы великое множество. Бились, за руки друг друга хватая, и так на ножи резались.

– Ну, спасибо вам, вои, – молвил государь, – постояли вы и воеводы наши грудью за Русь православную. Воям же, которые за правду живот положили, слава и память вечная!

Государь встал, и все в шатре тоже встали. Обернувшись к образу у знамени, Иван Васильевич перекрестился и сказал громко:

– Даруй им, Господи, за подвиг их мученический Царство Небесное!

Все закрестились кругом, повторяя моление великого князя.

Государь же после молитвы, обратясь ко всем, молвил:

– Сия битва в Заволочье есть другая Шелонь. Мыслью, господа вборзе будет нам челом бить о милости.

На другой день, за час до обеда, доложили великому князю, что плывут в ладьях по Ильмень-озеру многие послы новгородские во главе с владыкой Феофилом, нареченным архиепископом. Вести эти пришли от судовых, конных и пеших дозоров, и вскоре, по приказу воевод московских, посольские ладьи окружены были судовой стражей великого князя.

Иван Васильевич вышел из шатра и, заслонив рукой глаза от солнца, с усмешкой смотрел, как, мерно всплескивая веслами и сверкая брызгами, десять лодок гуськом, пара за парой, быстро гнали к коростыньскому берегу.

На одной из лодок первой пары стоял владыка Феофил с церковным клиром в парчовых ризах, а на другой – пять старых посадников и пять житых людей, по одному от каждого из пяти концов Новгорода. Все они были богато одеты, а на посадниках сверкали золотые пояса – знак принадлежности их к господе новгородской. На других ладьях ехали многие из лучших людей, слуги и охрана посольства везли с собой ценные дары государю московскому.

За посольскими лодками, охватив их сзади полукругом, плыла стража из судовой рати великого князя.

Оборотясь к дьяку Бородатому и князю Юрию, стоявшим рядом с ним, Иван Васильевич сурово молвил:

– Не помогли новгородцам в воровстве их ни круль латыньский, ни хан басурманский. Бог-то за правое дело нам, а не им пособил...

– Бог-то справедлив и милостив, – крестясь, ответил дьяк Степан Тимофеевич, – наказал их. Как же ты, государь, прикажешь с посольством их быть?

Иван Васильевич сверкнул глазами и хрипло воскликнул:

– Пусть за зло свое испьют до дна чашу желчи горькой! Не хочу их зреть и слышать. Ты, Юрий, и ты, Степан Тимофеич, принимайте их с боярами нашими, токмо ни в какие переговоры с ними до приказа моего не вступайте.

Резко повернувшись, государь вошел в шатер свой и приказал собирать стол для обеда.

Долго посольство новгородское не получало дозволения стать пред очи государевы. Много раз послы били челом боярам великого князя и дары им давали, а потом вместе с ними братьев государевых молили упросить старшего брата помиловать Новгород и снова дары приносили.

– Жестока рать сия, – говорили они со слезами, – такого разорения, огня и меча, такого великого полона до сей поры земля наша не ведала. Никогда Господь Бог не карал так народ новгородский.

Наконец после многих поклонов и подарков посольство допущено было в шатер государев.

Посланники новгородские, измученные волнениями и позором, разорением земли своей, будто слабые и немощные, вступили в шатер великого князя, неприступного и грозного.

Владыка Феофил, а за ним и все прочие пали на землю и, ниц распростершись, лили слезы, содрогаясь от безмолвных рыданий, ожидая от великого князя дозволения говорить.

Глядя на этих смиренных в боли и унижении, вспомнил государь о мелких и меньших людях и, смягчившись в душе своей, молвил:

– Сказывай, отче.

Не вставая с колен, нареченный владыка Феофил молил о пощаде...

– Господа ради, – начал он дрожащим от слез голосом, – помилуй виновных пред тобою людей Новагорода Великого, твоей вотчины. Уложи гнев свой, уйми меч, угаси огонь, утиши грозу, не изрушь доброй старины, дай видеть свет! Безответных людей пожалуй, смилуйся, как Бог тебе на сердце положит.

Тишина настала в шатре великого князя, когда кончил архиепископ Феофил мольбу свою, и только подавленные рыдания слышались среди людей новгородских.

Великий князь молчал, и руки его слегка дрожали от волнения. Жалость охватила его к безответным мелким и черным людям, к сиротам и прочим, которые ныне в эти ратные дни по лесам и дебрям скитаются, от смерти и полона спасаясь. И, гнев свой сменив на милость, сказал:

– Горе горшее людям безвинным, меньшим и мелким. Кто же виновен в горе сем? Винны за сие набольшие люди новгородские: князи, бояре великие от господы. Сии вороги наши и Новагорода, ибо заедин они с ворогами Руси православной: с Ордой, с немцами, с панами литовскими, с крулем польским. Яз же един против всех быю за правое дело, яко на суде

Божием.¹⁴ – Иван Васильевич замолчал и заговорил мягче: – Кто же в борьбе сей оплечье мое, на которое мог бы яз опереться? Опора мя – Церковь наша православная да вои мои из меньших людей. Ради них гнев свой с сердца слагаю, позволяю послам новгородским в переговоры вступить с боярами моими и дьяками.

Тут выступил вперед дьяк Бородатый, которого для совета взял с собой из Москвы великий князь. Держа в руках копии с грамот и с летописей, стал он исчислять все зло измен новгородских и вред их для всей Руси.

Но владыка Феофил и все, кто с ним пришел, не вставая с колен, прервали речь дьяка Бородатого, горестно взывая к государю:

– Каемся во всех винах наших, ведаем все прегрешения наши и токмо молим тя, господине наш, княже великий: смилуйся, как тебе Бог положит на сердце!

При этих словах и братья Ивана Васильевича, князь Юрий, Андрей большой и Борис, челом били и печаловаться начали о Новгороде.

Великий же князь, доселе грозный и суровый, видя такую покорность, вдруг стал ласков и приветлив.

– Встаньте, – сказал он. – Милую вас, вотчину свою, и жалую. Воровство же ваше пред Русью православной и воровское dokonчание с крулем польским прощаю и предаю забвению. Сказывайте.

Новгородцы все просияли лицом и, встав с колен, закрестились на икону, что в углу шатра, возле знамени была. Потом посадники обернулись к отцу Феофилу и молвили:

– Сказывай, владыко, все князю великому, как господой было решено, как на вече утверждено.

– Господине наш, княже великий, – заговорил Феофил. – За вину свою мы платим тебе, великому князю, убытки и протори пятнадцать тысяч рублей деньгами серебром¹⁵ в отвес в четыре срока. Две тысячи рублей новгородских серебряных – сентября восьмого, на Рождество Пресвятой Богородицы; шестого января на Крещение Господне – три тысячи рублей; на Великий день – пять тысяч рублей и августе, на Успенье Пресвятой Богородицы, – пять тысяч рублей. Затем обещаем тебе, господине, воротить Вологодской твоей вотчине земли по берегам рек: Пинеги, Мезени, Выи, Поганой Суры и Пилы горы, которыми отец твой владел. Клятву даем платить тебе черную дань, а митрополиту – судную пошлину.

Далее Феофил обещал от госпды и всего Новгорода: рукополагаться нареченным архиепископам новгородским только в Москве, у гроба Петра митрополита; не сноситься с королем польским и Литвой; не принимать к себе князя Ивана Можайского и сына Шемяки; отменить вечевые грамоты; верховную судебную власть оставить за великим князем московским и не составлять судных грамот без утверждения их великим князем...

После речи сей Иван Васильевич стал еще приветливей.

– Яз хочу токмо добра Новугороду, вотчине моей, – сказал он. – Вы же сами во всем виновати, вы подняли меч свой на меня. Ныне же жалую вас за покаяние ваше. Согласен принять все, что даете мне, и сам ворочаю вам Демань и Торжок, освобожу от присяги деманцев и новоторов; не возьму серебра и хлеба, которые следуют мне от Торжка и волостей его. Старины же вашей яз и пальцем не трону. Идите сей же часец в шатер к дьякам и думайте там до обеда с боярами и дьяками моими о грамоте dokonчальной. Молю тя, отче, и всех вас, посольников новгородских, к собе на обеденную трапезу.

Отпуская посольство новгородское с боярами и дьяками и всех прочих, Иван Васильевич задержал при себе на малое время дьяка Бородатого.

¹⁴ Суд Божий – поединок с оружием в руках на суде при свидетелях. Правым считался победитель.

¹⁵ 15 000 новгородских серебряных рублей весили около 1300 килограммов.

– Ты, Степан Тимофеич, – сказал он ему, – наидобре из всех нас ведаешь новгородские дела, особливо суды их, и судные грамоты, и как сильны бояре старым обычаем, наводки на суды деют.¹⁶ Ты же такую старину их всякую поддержи, дабы росла меж новгородцами смута. Пусть и вече их по старине будет, где сильные слабых и бедных убийством и буйством давят, рабов себе деют, дабы бедные люди новгородские у Москвы защиты искали.

– Добре, государь, – воскликнул дьяк Бородатый, – по всей старине-то мир сей Коростыньский подпишем!

– Хотят сами того, – усмехаясь, перебил дьяка государь. – Старину новгородскую будем мы стариной же бить, пока под руку Москвы Новогород не приведем.

Государь замолчал, а дьяк Бородатый растерялся, оторопел слегка, но, оправившись, воскликнул изумленно:

– До седых волос яз дожил, государь, а такого разумения хитрого не зрил никогда. Мыслю яз, что коростыньское dokonчание горше им будет Шелони и Заволочья!

К обеду все грамоты по Коростыньскому миру были посольниками новгородскими и дьяками и боярами московскими составлены без торгов и споров, легко и быстро к взаимному удовольствию.

Государь вместе с братьями своими почетно встретил гостей, будто и войны никакой не было. Новгородцы были радостны и поднесли государю дары богатые: сукна и бархаты ипские, вина фряжские, пиво немецкое, сосуды золотые и серебряные и много каменьев самоцветных в перстнях, в обручах женских и серьгах.

Потом пир пошел, богатый напитками и яствами, но не долгий, ибо спешили посольники засветло отъехать к себе в Новгород Великий.

Встав из-за стола, нареченный владыка Феофил прочитал молитву и поблагодарил великого князя от имени всего посольства за гостеприимство и ласку.

Подозвав потом к себе от клира своего священника, отца Ипата, взял у него две книги, написанные на пергаменте, подал их великому князю и молвил почтительно:

– Ведаю, господине, усердие твое ко всему книжному, приношу тебе в дар из ризницы Святой Софии сии списки:

«Мерило праведное», которое многому учит в государствовании, мудрым поучениям учит святых отцов и древних еллинских мудрецов, а такожде и «Шестоднев», переведенный с грецкой книги «Эксамерон», писанной в Цареграде Георгием Писидой. Перевел же ее дьяк митрополита московского, святителя Киприана, Димитрий Зограф в лето шесть тысяч восьмисот девяносто третье.¹⁷ Сей дьяк Зограф именует «Шестоднев» еще так: «Премудрого Георгия похвала к Богу о сотворении всяя твари...»

Иван Васильевич тронут был подарком и, поблагодарив владыку, сказал:

– Дар твой вельми люб мне, и вложу яз его в книгохранилище свое московское; Степан Тимофеич, прими драгоценные книги сии. Теперь же приступим к чтению dokonчальных наших грамот.

Часа два длилось чтение грамот. Государь не раз одни слова отвергал и заменял другими, уяснял обещания свои и новгородские, дабы инакомыслия быть не могло ни у той, ни у другой стороны. Некоторые из бояр московских и дьяки московские, кроме Бородатого, дивились великой милости государя к новгородцам, ибо мир Коростыньский, за малым исключением, повторял договор с новгородцами покойного великого князя Василия Васильевича в Яжолбицах. Сам же государь был весел, и новгородцы радовались его милостям, так как старинные обычаи их Москва почти не трогала.

¹⁶ Наводки на суды – нападения на суд с целью отбить подсудимых и сорвать судебный процесс.

¹⁷ 1385 год.

Когда чтение было кончено и всякие исправления прекратились, Иван Васильевич сказал:

– Сотворили мир мы добрый и для Москвы и для Новгорода. Поблагодарим, отче, Господа Бога за милость Его кратким молебном, а после того отъезжайте с Богом восвояси. Посылаю с вами боярина своего Федора Давыдыча Хромого-Пестрого. При нем пусть вече крестоцелование даст по обычаю и печати к грамотам привесит. Ворочайтесь же борзо, дабы и яз тут по грамотам сим крестоцелование дал Новугороду. – Затем, обратясь к воеводам своим, произнес: – Вам же, воеводам моим и дьякам, повелеваю приказать всем полкам и отрядам, перестали бы пустошить и полонить земли новгородские, а взятый полон отпустить без окупа.

После краткого молебна новгородское посольство отъехало на ладьях в Новгород по Ильмень-озеру. Государь Иван Васильевич проводил их только до выхода из шатра. Братья же великого князя – Андрей большой и Борис – с боярами вместе пошли провожать их до берега.

Оставшись с братом с глазу на глаз, князь Юрий Васильевич сказал с досадой:

– Зазря ты, Иване, после побед столь великих так милостив к Новугороду. Можно было не токмо в десять крат более взять с них, а и совсем задавить господу-то и вече их. Пусть бы токмо наши наместники да воеводы ими правили, яко в Коломне правят.

Государь усмехнулся.

– Отныне господа новгородская и вече, – молвил он, сжав кулак, – вот у меня где! На всей милости моей. Меч мой занесен не токмо над ними, а и над Ганзой немецкой. От немцев зла к нам идет не меньше, чем от Литвы и Орды.

Иван Васильевич прошелся несколько раз молча по своему шатру и, остановясь перед братом, продолжал:

– Ты ведай то, Юрьюшка, что победы ратные одни по себе не живут. Победа-то потому бывает, что в государствовании и земских делах оплечье имеет. Такое надобно нам оплечье иметь и в народе новгородском. Посему яз не хочу заноситься, а от доброго и верного не ищу лучшего, может, да неверного.

Откинулась завеса у двери шатровой, и вошел к государю дьяк Бородатый.

– Проводил яз посольников-то, – молвил он, – и видел, не разумеют они, какая гроза на них идет. Токмо стариной своей, яко дети несмышленные, тешатся.

– Помогает Господь Руси православной, – перекрестясь, молвил Иван Васильевич и перевел речь на книги. – А ты ведаешь ли сие «Мерило праведное»?

– В книге сей всего не читал, а что же писано в ней, со слов других ведаю. Коли повелишь, поглядим ее сей же часец. «Шестоднев» же мне и тебе ведом.

– Прочти мне нечто от «Мерила праведного». И ты, Юрий, ежели хочешь, слушай.

– Прости меня, государь, – ответил Юрий Васильевич, – много всего еще нарядить мне надобно в стане нашем и вестников принимать и отсылать. Тобе ж яз не пособник в книжных делах. Не начитан яз книгами. – Юрий Васильевич поднялся со скамьи и пошел было из шатра государева, но вдруг остановился и с живостью воскликнул: – Забыл тебе поведать! Посольники-то новгородские мне баили, николи-де такой беды с новгородской землей не было, как ныне! Никогда их никто так не пустошил и не полонил, как мы. Навек-де память о сем им будет.

– Сие ныне, – смеясь, молвил Иван Васильевич, – наиглавное для нас. Долго теперь против нас меча не подымут, да и круль Казимир крепость руки нашей почуял.

– Верно, государь, – проговорил Юрий Васильевич и, простясь, вышел из шатра.

– Да и удельные-то все, – вполголоса добавил дьяк Бородатый, оглядываясь на дверь, – Москву более чтить будут, а великого князя еще более бояться.

Иван Васильевич раскрыл перед собой книгу и вслух стал читать ее полное заглавие: – «Сия книга Мерило праведное, извес истинный, свет уму, око слову, зеркало совести, тьме светило, слепоте вож, припутен ум, сокровен разум...» И еще много тут сказано. Едино-то

наименование ее, почитай, целая книга. Ты, Степан Тимофеич, сам разбери тут и почитай, что о государствовании найдешь.

– Помню яз, государь, – ответил дьяк, – есть в «Мериле» от «Пчелы», от «Книг Еноха праведного»...

Дьяк Бородатый перелистывал книгу и продолжал:

– Вот о княжении от «Пчелы»: «Князю помнить надобно – первое, что он над людьми владеет; второе, что закон поручон ему; третье, что власть временная истлевает...» Там же о власти: «Бесчиние знаменует самовластие, а чин являет владеющих...» Вот же от святого Евгария: «Поставлен ты царем – будь внутри себя царь самому себе, ибо царь-то не тот, кого зовут так, а кто таков умом правым...»

– Сие истинно, – одобрил Иван Васильевич, – но чую яз, что в книге сей токмо мудрствования, а нам надобны деяния мудрые, а не одни слова. Уставные да судные грамоты для государствования нашего – наиглавное.

– Право разумеешь, государь, – подтвердил Бородатый, – яз мыслю, «Уставная Двинская грамота» и разные судные и уставные грамоты новгородские, псковские и московские, которые у Володимира Елизарыча есть.

– Нам со времен Ярославских и сыновей его все судебные уставы брать надобно, – молвил Иван Васильевич, – до самых законов Мономаховых.

– Списки сих древних установлений, государь, Гусевым собраны...

– Ну и добре, – сказал государь, – возьми книги сии для мово книгохранилища. Иди отдохни после обеда посольского. Воротимся, Бог даст, целы и здоровы на Москву, сам яз тогда подумаю с Гусевым и его дьяками о делах государствования.

Прошло немного времени с отъезда посольства, и августа двенадцатого дня воротился из Новгорода боярин Федор Давыдович, приняв присягу новгородцев по Коростыньскому договору. С ним на этот раз прибыли вместе с владыкой Феофилом и старыми посадниками и степенный посадник, и степенный тысяцкий – все правление госпды новгородской.

Принимал их Иван Васильевич в шатре своем торжественно, сидя в красном углу под знаменем, окруженный князьями, боярами, воеводами и дьяками.

Выслушав приветствия от посольства и спросив, «добре ли они дошли», государь подошел к владыке Феофилу принять благословение. Засим он снова сел на место свое и, обратясь к послам, молвил милостиво:

– Сказывайте.

Степенный посадник Василий Ананьин, поклонившись в пояс, передал великому князю договорную грамоту со всеми печатями, которые привесли к ней после утверждения на вече новгородском. Дьяк Бородатый принял ее и осмотрел. Тут же выступил вперед владыка Феофил и, осенив себя крестным знаменем, сказал:

– Именем Божиим свидетельствую, принята грамота сия на вече по всей воле твоей, государь, принята при всех пяти стягах кончанских.

Иван Васильевич чуть усмехнулся и молвил:

– Благодарю Господа Бога, что мир сотворил Он среди нас. – Обратясь к дьяку, он спросил: – Как с грамотой? Все ли в ней по обычаю?

– Грамота сия, государь, та, которую писали мы, – ответил Бородатый, – а под ней вечевой есть приговор и привешены все восемь печатей вислых: пять кончанских, одна архиепископа, одна посадника и одна тысяцкого. Все, как надобно, наряжено, по правилу.

Иван Васильевич сделал знак, и полковой его священник, уже в облачении, выдвинул аналой с крестом пред государем.

Иван Васильевич встал, и все встали вслед за ним.

– Сей часец и яз по всей старине крест целовать буду Новугороду Великому на сем докончании.

Мрачные до сего и неуверенные послы новгородские после крестоцелования с веселием и смелостью приблизились к государю и стали дарить ему дары многие и ценные.

Великий князь благодарил их и беседовал с ними ласково, как с гостями своими. Внесены были столы в государев шатер для почетного пира посольству, а для всех сопровождавших послов пиршество было наряжено в другом шатре, у дьяков.

За столом послы пили здравицы за великого князя московского, государь же выпил кубок за Новгород Великий и за весь народ новгородский. Пир шел до самого ужина, а на другой день с рассветом войско великого князя снялось со стана и повернуло коней на восток, к пре-славному граду Москве.

Послы же новгородские, сидя на ладьях своих и сняв шапки, истово крестились вслед за владыкой Феофилом и радовались концу грозной рати, невиданной и неслыханной в земле Новгородской...

Глава 7

Во граде стольном Москве

Вот и конец августа – Иван Предтеча гонит за море птицу далече, и журавли снова курлыкают в небе. Лето с русской землей прощается. Солнце же хотя и похолодало, а сияет ярко и в полдень ласково греет плечи и спину. Дни – словно медовые, тишина крутом такая особая. Никаких пташек не слышно, только где-то стрекочет сорока.

Леса будто задумались: ни веткой, ни былинкой не дрогнут. Изредка лишь сорвется где-нибудь сам собой желтый березовый лист и, падая, затрепещет в неподвижном воздухе. В синеве же небесной, высоко над опустевшими полями, высматривая добычу, подолгу кружат ястребы и коршуны.

Восемнадцатый день идут полки государевы и ныне вот к Москве уж подходят. Видят воины места родные, с детства знакомые, и радостно им среди тишины этой мирной и ласковой.

Иван Васильевич едет верхом поодаль, в сопровождении только Саввушки, молчаливый и задумчивый. Чует, будто сам растворился он в тишине этой осенней. Слышен шаг коней и людей, слышен малейший скрип тележный, и хотя порой звонко раздается человеческий выкрик или залихватое ржанье коня, все едино – тишина остается кругом нерушимой...

Думает государь о победе своей, столь великой, об успехе своем после мук и трудов тяжких на пользу отечеству; знает он, что и вся Русь, весь народ православный этому порадуются. Смотрит он на воинов своих, и видится ясно ему, как встречать их радостно будут отцы, матери, жены и дети.

– Токмо мне полно не радоваться, – беззвучно прошептал он одними губами.

Вспомнилась ему светлая радость Марьюшки, княгинюшки юной, когда они вместе с отцом вернулись на рассвете из Коломны, разбудили всех, напугали, а после-то сколько счастья было.

– Царство тебе Небесное, – опять с горечью прошептал он и судорожно вздохнул: – А другая-то живой в могилу сокрылась...

Застыла душа Ивана Васильевича, и мысли все и чувства его замерли.

Свечерело совсем, и заря уже погасла, когда войска великого князя подошли к селу Мячкову, что в двадцати верстах от Москвы. Здесь ночевать полкам было назначено, дабы завтра, сентября первого, вступить торжественно в стольный град Москву.

Но и в сумерках Иван Васильевич сразу узнал село Мячково, которое по наследству во владении ныне Федора Ивановича Мячкова, казначея и конюшенного княгини Марьи Ярославны. Вспомнилось Ивану Васильевичу, как сюда приезжали они с Юрием подростками зайцев травить с охотой хозяина. Послышался вдруг конский топот, и воспоминания рассеялись. Четверо всадников вскачь гонят навстречу государю, и видит Иван Васильевич: сын его, великий князь Иван Иванович, и брат Андрей Васильевич меньшой в сопровождении дядка Курицына и конюшенного Мячкова подъезжают к нему, спешились вот, бегут. Соскочил с коня и сам государь, обнимает, целует Ванюшеньку своего, целует и брата Андрея. Спешились тут следовавшие за государем и Андрей большой и Борис и приветствуют брата и племянника.

Из села же гонят на конях встречать государя: князи его подручные и среди них царевич Муртоза, сын Мустафы, бояре, дети боярские, купцы и прочие люди московские...

– Многие лета государю! – гремит крутом.

Государь, сын его и братья снова садятся на коней и, окруженные встречающими, среди радостного шума и криков медленно подвигаются по длинной улице села к хоромам боярина Мячкова, где государю лучший покой приготовлен.

Здесь, пока Иван Васильевич и братья его умывались с дороги, Андрей меньшой рассказывал великому князю новости московские.

– Третьеводни, – говорил он, – на Ивана Предтечу, гром был страшен и поразил церкву каменную Рожества Пресвятой Богородицы.

– Много ли рушено и сожжено? – спросил государь, утираясь полотенцем.

– Ништо не рушено, один крест, яко воск, растаял, а огонь небесный по стене в землю сошел.

А дьяк Курицын рассмеялся и продолжал шутливо:

– Еще объявилась на Москве, государь, женка вельми плодovitая – мужу враз четверню принесла...

– Чья женка-то? – отдавая утиральник Саввушке, молвил с усмешкой Иван Васильевич.

– Гоголина Юрья, боярского сына...

Вошел боярин Мячков, Федор Иванович, и, поклонясь в пояс, пригласил:

– Пожалуй, государь, в трапезную. Там давно ужин уж собран. Изопьем кубки за тебя и победы твои.

– С великой охотой, – весело ответил Иван Васильевич, – очень с дороги-то есть хочу.

Когда шли по сенцам, дьяк Курицын обратился к великому князю:

– Разреши, государь, довести тебе о вятчанах, которые в Большую Орду походом ходили.

– Сказывай, Федор Василич, – с живостью отозвался государь, – когда и как сие было?

– Вести о том пришли вборзе, как ты от Новагорода на Москву отъехал. Баили люди, что вятчане Волгой на судах вниз пошли, а придя, напали на Сарай нечаянно. Сам же Ахмат в то время со всеми татарами кочевал в степи на один день пути от столицы своей. Много, бают, вятчане-то товару всякого взяли и полон большой поимали. Татары же ордынские, услышав о сем, погнались отовсюду к Волге-реке и, поймавши ладьи и насады, заступили судами своими путь по воде, токмо вятчане пробились сквозь ордынцев и со всей добычей ушли. Казанские татары также хотели перенять вятчан под Казанью, а те, исхитрясь, ночью прошли со всем добром в землю свою.

Эта весть поразила Ивана Васильевича и, обратясь к брату Юрию, он молвил:

– Запомни поход сей, Юрий. Сие и нам пригодится на случай. Ежели на Русь Орда придет, то и мы также принудить их сможем назад оглянуться. Подумай о сем как воевода, а ты, Федор Василич, как дьяк.

Сегодня с раннего утра сияет солнышко и так же тепло, как и вчера. Со стану в Мячкове полки московские снялись еще на самом рассвете: не терпелось им, хотелось скорей Москву повидать; воины, бояре, воеводы, князья да и сам государь, почитай, вовсе не спали. Сразу зашумел весь стан, лишь солнце из-за края земли огнем и золотом брызнуло. Разом потянулось все войско государево к стольному городу. Только тишины вечерней уже не было – от сплошного человеческого крика и говора все гудело кругом непрерывно, как на огромном пчельнике. Иногда сквозь гул и говор прорывались радостные крики и возгласы в честь государя – это встречные конные и пешие приветствовали великого князя. Так повторялось на каждой версте, и встречные тут же поворачивали обратно, радостно окружая войско и сопровождая его к Москве.

Иван Васильевич ехал впереди своего полка рядом с сыном и братьями, с ним же ехали воеводы его знаменитые: брат князь Юрий Васильевич, Михаил Андреевич, князь верейский с сыном Василием, молодой Патрикеев, князь Стрига-Оболенский, Холмский, Пестрый, царевич Даниар и прочие. Государь радостно оглядывался по сторонам, но из-за шума и гула говорил мало.

Но вот на пятой версте от Москвы все кругом как-то изменилось. Волнение охватило Ивана Васильевича и все войско его.

Увидели все, как темной сплошной тучей движется от самой столицы огромная толпа людей московских и посадских, а также сирот из подмосковных деревень с женами и даже детьми.

– Вся Москва двинулась, весь народ правос... – воскликнул было Иван Васильевич, но голос его сорвался от волнения.

И говор и крики кругом тоже смолкать начали: воины простые почуяли близких, дорогих своих в этой туче народной, на них напозавшей, а в тишине осенней чуть слышно плывет уж из Москвы гул колокольный.

Не отрываясь, глядит Иван Васильевич на приближающиеся толпы народные, и вспоминается ему встреча с Ермилкой-кузнецом, когда еще княжичем он в первый поход шел к Владимиру. И снова в ушах его гудит густой могучий голос кузнеца:

– Мир-то силен, ты токмо развороши его. Мир по слюнке плюнет – море будет...

В это время, обрывая мысли Ивана Васильевича, покатилося среди полей, как гром:

– Будь здрав, государь!

Переполнилось сердце Ивана Васильевича, и слезы застили его взор, а уста, вздрагивая, громко шепчут:

– Вот он, мир-то, он весь тут...

Вот и Москву хорошо стало видно, и гул церковного звона слышней, и гуще перекачивается он над полями, как волны, то затихая, то снова усиливаясь. Четко белеют стены, а на синеве небесной выступают верхушки стенных башен-стрельниц, золотятся в лучах солнца маковки и кресты церквей.

Пешие и конные воины снимают шапку и крестятся.

– Ну, вот и Москва-матушка, – говорят друг другу, – привел Господь...

Но возгласы эти теряются, сливаясь с тысячами подобных восклицаний и немолчным радостным говором. Как могучие реки, вливаются уже полки и народные толпы в посады и пригороды, текут по их улицам, а на гульбищах всех хором, на колокольнях и на крышах всех изб теснится множество народу. Люди глядят оттуда на проходящие войска, что-то кричат и машут шапками.

Стены кремлевские тоже усыпаны народом, отовсюду гремят радостные крики и приветствия.

Вот уже въезжает государь по Великой улице посада на Торговую площадь¹⁸ и, останавливаясь перед Спасскими воротами, снимает шлем и истово крестится на икону. При громких, радостных криках народа он спешивается, а вслед за ним все его окольные и ближние.

По бревенчатой мостовой идет государь к собору Михаила-архангела. Здесь, на кремлевской площади, у колодка возле церкви встречает государя сам митрополит с крестами, иконами и хоругвями от всех церквей, во главе всего духовенства московского в сияющих парчовых ризах.

После краткого молебна, благословив Ивана Васильевича, взошел владыка Филипп на паперть соборного храма и оттуда благословил крестом все войско и весь народ. Засим владыка простер руки, призывая к молчанию. Когда же колокольный звон прекратился, произнес он краткую речь в похвалу государю.

– Не бывало еще на Руси торжества такого и побед таких великих. Дни сии радостные, яко Христово воскресение светлое, – говорил митрополит. – Помог Господь деснице твоей, благоверный и благочестивый государь наш!.. Отвел ты от сердца Руси православной меч латынства поганого, не допустил поругания церкви святой. Войском твоим, государь, вся новгородская земля выбита, выжжена, вытравлена, опустошена, чего не бывало от века над ними. Но все зло сие от них же самих. Сами повинны правители их за земску беду и за кровь людей, и все было взыскано с них от Бога по написанному: «Господи, зачинающих рать погуби». Тобе же, государь, да воздаст Господь наш Иисус Христос за ратный подвиг сей, ниспошлет Он тебе славу и честь и ныне, и присно, и во веки веков.

¹⁸ Торговая площадь – Красная площадь.

– Аминь! – дружно грянул весь народ на площади, и снова загудели все колокола, провожая гулом своим великого князя, двинувшегося в торжественном шествии к хоромам своим.

Старая государыня Марья Ярославна встретила великого князя и братьев его на красном крыльце. Поплакала от радости, обнимая и целуя старшего сына. Вторым обняла она Андрея Васильевича большого, и заметил Иван Васильевич, привечала она его сердечней и ласковей: был углицкий князь любимым сыном ее. Еще холодней отнеслась она к Юрию и Борису.

Пригласила Марья Ярославна всех сыновей к себе на обеденную трапезу идти, но государь с дороги захотел умыться и переодеться, потому просил подождать его.

– Иди, иди, сыночек, – ласково молвила она, – яз пришлю за тобой Данилушку.

Иван Васильевич прошел к себе вместе с Саввушкой. Снимая походные воинские одежды, приказал он своему стремянному:

– Приготовь мне оболочиться. Кафтан дай ипского сукна, который потоне и полегче. День-то ныне теплый. Все же побогаче кафтан избери для ради почтения старой государыни.

Как только Иван Васильевич, умывшись, одеваться стал, вошел дворецкий Данила Константинович.

– Ну, Саввушка, – сказал великий князь, – принеси мне кафтан да иди в семью свою – чаю, у тебя мать-то ждет не дождется.

– Я, государь... – начал было Саввушка, но государь перебил его:

– Иди, иди, Данила Костянтиныч поможет мне.

Как только дверь затворилась за стремянным, государь, обняв и поцеловав Данилу Константиновича, спросил:

– Какие о ней вести?

– Те же все, Иванушка. Затворилась она от мира совсем и меня не принимает, токмо от игуменьи все ведаю.

– Здрава ли?

– Как мне игуменья-то баила, постница великая она, томит себя нещадно покаяньем и молитвой.

Иван Васильевич горько усмехнулся и тяжело опустил на скамью. Несколько мгновений сидел он неподвижно, потом, взглянув на дворецкого, сказал вполголоса с тихой скорбью:

– Неисправимо сие, Данилушка, неисправимо. Помоги ей, Господи... – Он быстро встал, обернулся к образам и с болью душевной воскликнул: – Помоги ей и мне, Господи!

Смолк сразу, будто забыл обо всем окружающем.

Вошел Саввушка с двумя кафтанами и положил их на лавку, но по знаку дворецкого вышел из покоя государева.

Данила Константинович, вспомнив о княгине Марье Ярославне, кашлянул, дабы обратить на себя внимание.

Великий князь оглянулся на него.

– Государь, – молвил дворецкий, – старая государыня ждет тебя к обеду. Дай яз тебе помогу кафтан-то надеть. Сей вот аль другой прикажешь? Два принес Саввушка.

– Сей вот, ипского сукна, – глухо ответил Иван Васильевич и, одеваясь, спросил: – Чаю, братья-то оболгали уж мя пред матерью?

– Недовольны тобой. Мало-де тобой им дадено. Бают: «Иван все-де себе взял, а нам крохи малые. Полон отпустить велел без окупа. Москва-то, – бают, – почитай сто пудов серебра да золота себе берет, а нам токмо то, что сами взяли».

– Мало взяли-то? – сверкнув глазами, воскликнул великий князь. – Все, что в пасть полезло, все, яко щуки, заглотули. Не хуже татар новгородскую землю грабили... – Иван Васильевич смолк, надевая кафтан и застегиваясь, но вдруг опять весь вспыхнул. – Да не себе яз все беру! На государство все идет, на войско и прочее! – крикнул он. – Государство-то

едино для всей Руси, и государь-то един, а они все государями хотят быть, в Шемяки норовят. Сами же, опричь своей собины¹⁹ ведать ни о чем не ведают.

Иван Васильевич совсем разволновался, но, выпив прямо из жбана несколько глотков крепкого хмельного меда, успокоился. Оправив волосы, он обернулся к своему другу и молвил негромко:

– Ну, идем, Данилушка. Матунька, поди, заждалась, обидится.

В покои старой государыни Иван Васильевич вошел с обычным выражением лица, на котором нельзя было угадать ни чувств, ни мыслей его.

Перекрестясь на иконы и сядясь потом за стол, он молвил:

– Прости матушка, задержал яз трапезу-то.

– Ништо, сынок, ништо, – ласково ответила Марья Ярославна, – мы тут о походе твоём баили.

Взгляд Ивана Васильевича на один только миг скользнул по лицам братьев, заметив в них натянутость и замешательство. Государь усмехнулся и сказал матери:

– Рать сия для Новагорода небывалая, да и победы-то наши – дай бог всякому. Вборзе пир хочу нарядить в столовой избе для братьев моих, царевича Даниара, князей подручных, бояр, воевод и дьяков своих. И по всем полкам повелю водок и медов разных раздать, дабы и вои все победу праздновали.

– Тобе-то легко вино полкам рассылать, – начал со скрытым раздражением князь Андрей большой, но великий князь громко рассмеялся.

– Не бойсь, Андрей, – сказал он весело, – в Москве хватит и на полки братьев моих.

Иван Васильевич заметил, что Андрей большой смутился, а другие братья были довольны, матушка же ласково улыбалась.

– Яз, – продолжал великий князь, – и черным людям московским и посадским велю бочки браги и пива на площади выкатить.

– Добре, добре, сыночек, – весело сказала Марья Ярославна, – днесь ты отца своего мне напомнил. Любил он, Царство ему Небесное, народ-то потешить.

Начался обед, и беседа стала по-родственному мирной, но к концу трапезы старая государыня исподволь и осторожно начала печаловаться перед Иваном Васильевичем о братьях его младших, дабы им уделил он что-либо из добычи своей.

Мрачным огнем загорелись глаза великого князя.

– Нет у меня добычи, – сурово молвил он, – то все дары не мне, сыну твоему, а государю московскому. У них же и даров довольно, а добычи и своей девать некуда.

– Полон-то ты вот у них отнял... – начала было Марья Ярославна.

– Яз и у себя его отнял! – хрипло крикнул Иван Васильевич. – Разуметь надобно, что господа новгородская не смирилась совсем, а токмо зло затаила. Кругом же нас вороги все. Надо иной раз и нам корысть свою смирять для ради Руси православной.

Наступило тяжелое молчание, злое молчание. Марья Ярославна побледнела. Иван Васильевич тяжело дышал, а глаза его грозно глядели на братьев. Пересилив себя, он сказал матери почтительно:

– Матушка, ведаешь ты, что не хочу яз зла братьям моим. Ведаешь, что отцу, когда мне на смертном одре был он, клятву яз дал любить, не обижать своей братии, но токмо не во вред государству. Блюда сие, матушка, и буду блюсти. Вы же, братья мои, разумеите, что единение нам надобно, что много еще ворогов у Руси православной. Латыняне все с ляхами и немцами, а с ними и вороги наши исконные – татары поганые. Вот и сей часец мне о них думать надобно. Пока служилые татары здесь, мне с Даниаром-царевичем тоже думать надобно.

Иван встал из-за стола и, помолившись, снова обратился к матери:

¹⁹ Собственность, личная выгода.

– Ведай, матушка, слово твое всегда доходчиво до сердца моего.

Марья Ярославна успокоилась, обняла сына и молвила:

– После, Иванушка, яз побаю с тобой о семейном-то нашем. Днесь тебе по приезде дел-то и других много.

Затворившись в покое своем сам-четверт с дьяками Федором Васильевичем Курицыным, да со Степаном Тимофеевичем Бородатым, и казначеем своим Димитрием Владимировичем Ховриным, государь думал о ближних делах, которые надобно вскоре все начать.

– Перво-наперво, – сказал он, – надобно отпраздновать нам победы свои.

– Истинно, – согласились казначей и оба дьяка, а Бородатый добавил, что начать надо завтра благодарственными молебнами во всех церквах, а государю со всем семейством и братьями молебен у митрополита слушать в соборе Михаила-архангела...

– После, яз мыслю, – сказал Иван Васильевич, – бочки с брагой и медом на площади выкатить. По полкам же раздать водку и мед. О сем ты, Митрий Володимырьч, с дворецким моим обмысли и все приготовьте. Засим в столовой избе на всех нас, на всех князей служилых, бояр, воевод и дьяков трапезу изготвь.

– Все будет исполнено, государь, – сказал, вставая и кланаясь, Ховрин, – разреши мне токмо сей часец идти к дворецкому, дабы борзо нарядить все.

Когда ушел казначей, великий князь сурово молвил:

– Не миновать нам рати с Литвой и Польшей да и с немцами. Они все против нас заедино. Не миновать нам рати и с Ордой. – Государь помолчал и добавил: – Ныне же яз видел, яко братья мои на Шемякин путь вступить хотят по жадности и по зависти. Они токмо о себе мыслят, а до Руси им дела нет...

– Господа же новгородская, – сказал Бородатый, – пока затаилась, а нож за спиной доржать будет.

– Истинно, Степан Тимофеич, – согласился Иван Васильевич, – а мы еще всех сил своих не собрали. А ты, Федор Василич, как о сем мыслишь?

– Заткнуть пасть, государь, удельным-то, – ответил Курицын, – дабы не лаяли и не огрызались.

– И яз так мыслю, – зло усмехнувшись, молвил великий князь. – Наперво надобно, чтоб смут удельных у нас больше не заводилось на радость врагам. Подумайте-ка оба, чем братьям-то рот заткнуть, что им дать. Давать же надобно умно и строго, дабы очень-то у них глаза не разгорались. Руки ведь у них вельми загребушие. После молебной пред обедом мне скажите, а яз с матерью еще о сем побаю. Так же ныне с Даниаром-царевичем подумайте: надобно нам Менглы-Гирееву дружбу добыть, а через него и с турками поладить, дабы султан за спиной Ахмата был, а Менглы-Гирей – за спиной Казимира. С Даниаром-то после сам побаю и приласкаю царевича. Ведь из его татар более пятидесяти у Новагорода погибло. – Иван Васильевич потянулся и добавил: – Ну, идите с Богом, а яз отдохну малость после обеда. Вон Саввушка и постелю мне постелил. Утре жду вас.

Всенародное празднество на Москве было устроено на Анфима, сентября третьего, когда девкам невеститься пора приходит.

С утра празднично в этот день в городе стольном. Торговцев в ларьках и с лотками вразнос тьма-тьмушая появилась везде на площадях и на улицах. Гомон и шум, словно торг начался великий во всех углах и закоулках, но все еще чинно и пристойно кругом, ибо службы еще идут по всех церквах и колокола еще звенят по чину священному там, где надобно. Девки же все в праздничных венцах и в лентах перемигиваются с парнями, разряженными в вышитые рубахи, однорядки и кафтаны. Старики, старухи и женки около ларьков ходят: одни сбитень пьют горячий, другие пряники покупают.

– Будь здрав, государь! – загремело кругом.

Только дошел государь до столовой избы, как народ повалил со всех сторон на площадь, где уж с телег княжих бочки с медом, брагой и пивом скатывали. Хороводы кругом завертелись, песни со всех сторон звенят, а торговцы и торговки с лотками снуют меж людей, кричат на все голоса:

- Сбитень, сбитень горячий!..
- Колобков, колобков!..
- Кулага есть сладкая, кулага с калиной!..

В посадах же, кроме княжих бочек с медом, брагой и пивом, осаждают народ и кабаки государевы с зеленым вином, с водкой, что с ног валит и молодого и старого.

Подымаясь по красному крыльцу в горницы столовой избы, Иван Васильевич оглянулся на веселившийся народ и крикнул громко братьям своим:

– Сколь же веселья-то будет, когда мы все за един татар побьем! Станет Русь вольной, Бог даст, сгинет Орда!..

- Да здравствует вольный государь на Руси святой! – звонко крикнул дьяк Курицын.

Государь со всеми гостями своими уже садился за стол, и митрополит уж читал молитву перед трапезой, а могучие клики народа в честь государя все еще гремели по всем площадям и улицам московским.

Глава 8

Дела свои и чужеземные

Уйдя на время из столовой избы, где уж который вот день шел пир, Иван Васильевич заперся у себя в опочивальне с казначеем своим Ховриным.

На пиру во главе всех были братья оставлены, а распоряжения их выполнял верный дворецкий великого князя Данила Константинович.

– За что иное, а за пир яз спокоен, – с насмешливой улыбкой молвил великий князь, – а ты расскажи, как с казной моей, какие дела правишь?

– Ныне, государь, все подарки новгородские по спискам принял яз. Велики они! Почитай, пятая часть всей казны твоей будет, а с добычей-то и вполовину станет.

– Ну, сие все прибыли не моей, а государевой казны, – сказал с довольством Иван Васильевич. – Токмо у меня не одни прибыли, а есть и дачи великие.

– Истинно, государь, – живо отозвался казначей, – один князь Юрий Василич задолжал тебе столь, что ему в пору за долг свой отдать половину удела.²⁰ Роста же не платит и ништо не выплачивает...

Великий князь горько усмехнулся и прервал Ховрина:

– Не бойсь. Брат-то мой Юрий – воевода знаменитый. Его ратные дела много более дают того, что яз ему даю. Опричь того, ни жены у него, ни детей нет. Все едино удел его за Москву пойдет. Недуг у него тяжкий.

Иван Васильевич глубоко вздохнул и замолчал в печальном раздумье.

– А Андрей-то меньшой... – осторожно начал Ховрин, – ведь еще более от казны твоей брал...

– И о сем ведаю, – перебил его снова Иван Васильевич. – Ты обмысли вот, какие дары лучше будут Даниару-царевичу. Избери ему седло с убором из золота и серебра с самоцветами да шубу – всего на полсотни рублей московских, да в отвес ему серебром полсотни рублей.

– А не жирно ему, басурману?

– В обрез, как надобно, – засмеялся Иван Васильевич, – нужен он нам, дабы тайно с Менглы-Гиреем крымским и султаном турским сноситься. Опричь того, царевич пятьдесят татар своих погубил в походе сем.

– А мало ли в походе сем награбили они?

Великий князь отмахнулся с досадой:

– Баю тебе, весьма надобен мне Даниар. Угоди ему подарком. Днесь приготовь все.

Постучав, вошел дьяк Курицын и, поклонясь, молвил:

– Будь здрав, государь, дошел по приказу твоему.

– И ты будь здрав, садись, Федор Василич. Сей часец указал яз Митрию Володимирычу, какие дары готовить Даниару: на полсотню московских рублей седло с убором, да шубу, да полсотню рублей серебром в отвес.

– В самый раз, государь, – заметил Курицын, – в самый раз.

Государь усмехнулся и спросил:

– А Бородатого звал?

– Вборзе придет он.

В дверь постучал кто-то.

– Степан Тимофеич! – молвил Курицын и, поспешно отворив дверь, впустил дьяка Бородатого.

²⁰ Задолженность князя Юрия Васильевича брату Ивану достигала, по сведениям С. В. Бахрушина, 717 тогдашних московских рублей – примерно 71 700 золотых рублей XIX века.

Тот поздоровался с великим князем и прочими, а Ховрин, поклонившись Ивану Васильевичу, спросил:

– Прикажешь, государь, идти, дабы нарядить все для царевича?

– Иди с Богом, – ответил великий князь, – да не забудь две книги сии, что яз из Новгорода привез. Уложи их в малый ковчежец, что при казне моей...

Когда началась дума у великого князя, дьяк Курицын сказал:

– Вести есть от иноземных купцов. Сказывают они: посылает-де папа Павел посла к тебе, государь, с открытыми листами и опасными грамотами для бояр твоих. Кого пожелаешь, тех и впишешь в листы, дабы ехали они за царевной в Рим.

– Когда ж сей посол едет? – спросил Иван Васильевич.

– Фрязины наши бают, государь, посол римский уж в Венеции. Гостит там у дуки венецйского Николы Трона.

Великий князь усмехнулся и, ничего не сказав, обернулся к дьяку Бородатому:

– А какие у тебя, Степан Тимофеич, вести есть?

– Из Новгорода вести, государь. Бауют там, покарал Господь новгородских людей, что в осаде были в ратное-то время. Сентября второго множество людей с женами и детьми пошли из Новгорода в родные места на судах великих. Всего судов-то было числом сто и восемьдесят, а на каждом судне по пятьдесят и более человек. На середине же Ильмень-озера, над самой пучиной его, подули вдруг ветры великие, потопили все суда со всеми людьми и товарами их.

– На все воля Божья, – перекрестясь, молвил великий князь. – Господь людей карает и милует по воле Своей. Какие еще вести есть?

– Новгородцы бауют, государь, что вернулся от хана Ахмата и Большой Орды посол короля Казимира татарин его служилый Кирей Кривой вместе с послом Ахматовым. Год у себя держал Ахмат Кирея за наши подарки. Ныне же он повествовал, бауют, королю, что вборзе на нас пойдет, и Казимир бы на коня воссел: яз-де с одной стороны, а ты-де – с другой враз на Москву падем. Король же Казимир в сию пору заратился с Угорской землей, хочет там сына своего королем посадить.

Иван Васильевич сухо рассмеялся.

– У них всегда так будет, – со злой улыбкой сказал он, – хвост вытащат – нос увязнет, нос вытащат – хвост увязнет. А мы им и хвост и нос оторвем.

Наступило молчание. Великий князь, нахмуря брови, усиленно думал о чем-то, и дьяки не смели слова сказать.

– Мыслю яз, – наконец вымолвил сурово Иван Васильевич, – пиры-то пора нам кончать. Непрестанно мы меж двух огней. Наперво, яз мыслю, крепче надобно руки связать Казимиру польскому и немцам, которые в папском латыньстве. Для сего надобно дружбу Менглы-Гирея укрепить, дабы Литву и Польшу злее грыз. Папу же блазнить тем, якобы пристанем к походу его против султана турецкого. Дружба сия с папой – и другое блазнение его, что в ересь впадем мы Исидорову. Для сего блазнения пошлем за царевной Ивана Фрязина, гораздого на всякую лесть ради корысти своей. Тогда не государь московский, а круль польский меж двух огней будет.

Великий князь замолчал, а дьяки радостно одобрили сказанное государем.

– Помните же, – продолжал Иван Васильевич, – что сие – тайна наивелика ото всех. Сие токмо блазнение, на деле же другое: нам ныне более всего надобны Менглы-Гирей крымский и султан турецкий, дабы хана Ахмата сломить.

Государь опять задумался и потом сказал совсем тихо:

– Другое дело наше: удельных посулами манить и даже dokonчания до поры с ними укреплять, пока Русь православная совсем вольной не станет. Разумеете?

– Разумею, государь! – воскликнули оба дьяка и поклялись государю служить верой и правдой на благо и во славу Русской земли.

Распуская рати свои по домам, великий князь дольше других задержал на Москве Даниар-царевича – чтит и дарил его более, чем других своих соратников. Доволен весьма был царевич и дарами и честью великой. Государь же, отпуская его в Мещерский городок, прощался с ним только в присутствии дьяков Курицына и Бородатого, а из двора его были дворецкий Данила Константинович, казначей Ховрин да стремянный Саввушка, могучей силы, как сам государь, и горячо преданный ему.

Все уже ведал Даниар-царевич, что государю от него надобно и как службу ему служить для Москвы, привлекая Менглы-Гирея и султана турецкого. Все через дьяков было ему тайне указано, и великий князь только добавил:

– Отпускаю ты, царевич, с полной верой, что послужишь мне так же, как отец твой служил отцу моему и мне.

Иван Васильевич ласково поглядел на царевича и, взяв от дворецкого саблю булатную с золотой рукояткой в ножнах с камнями самоцветными, протянул ее Даниару-царевичу.

Даниар, принимая оружие, стал на колени, а государь молвил ему с любовью:

– За подвиги твои ратные дарю тебе из рук своих оружие честное, яко воеводе знатному и храброму на брани.

Принимая сей ценный и почетный подарок, царевич поцеловал руку государя своего и, не вставая с колен, воскликнул:

– Живи сто лет, государь! Яз же, пока жив, служить тебе буду верно, как служил тебе отец мой. Клянусь в сем именем Аллаха милостивого и милосердного.

Стоя еще на коленях, Даниар выдвинул наполовину из дорогих ножен дамасский клинок с золотыми насечками и надписями из Корана, приложил его ко лбу, а потом поцеловал.

Так, в дружбе и верности отъехал царевич в свою вотчину, обласканный великим князем. Когда же дьяки и казначей, провожавшие царевича до коней его, вернулись, Бородатый радостно воскликнул:

– Государь, верь Даниару, как и всякому татарину, который на сабле клятву примет! Касим-то отцу твоему на кинжале клялся.

– Ведаю все и верю Даниару, – молвил с усмешкой Иван Васильевич, – братьям же своим единоутробным мало верю, и сие горько мне. Будет еще много зла от них, хотя все они крест целовали.

– Пошто братьям-то и дяде ныне зло иметь на тебя? – заговорил Ховрин. – Сами они и люди их добычи сколь набрали: и серебром, и конями, и портищем, и всяким иным добром – белки, соболи, хрусталь и прочее.

Иван Васильевич досадливо махнул рукой и молвил сурово:

– Ко власти зависть у них. Равны хотят быть государю московскому. А сего не разумеют, что власть-то у того токмо, кто властвовать умеет.

Сентября десятого прибыл из Венеции Антонио Джислярди, племянник Ивана Фрязина, и привез от папы Павла листы великому князю. По этим листам все, кого в них государь впишет послами своими, могут два года свободный проезд иметь по всем землям латинским, немецким, итальянским и прочим, которые все его святейшеству присягают. Лично же просил Антонио от имени папы Павла, дабы великий князь скорее послал послов по царевну Зою.

К Антонио пристал в Венеции посол к великому князю московскому от дуки венецейского Николы Трона, именем Иван, и по прозвищу Тревизан. Послан же Тревизан этот от дуки и всех земель, сущих под ним, бить челом великому князю московскому о помощи в переговорах с ханом Ахматом, царем Большой Орды.

Обоих этих посланников задержал при себе государев денежник. Вызав от Тревизана, что везет он государю московскому подарки великие, решил обманом и хитростью соблазнить племянника своего на тайное похищение многих даров дуки.

– Зачем тебе к царю ордынскому? – спросил Иван Фрязин у Тревизана.

– Дож и сенат, – ответил тот, – Ахмата на турецкого султана поднять хотят. Грабят турки купцов наших и на суше и на море. Везу государю и хану дары многие и богатые.

Иван же Фрязин, затрепетав весь от жадности, сказал Тревизану:

– Безумцами будем с тобой, если этим случаем не воспользуемся. Не бей ты челом великому князю, не давай даров ему, которых нам обоим на век наш хватит. Утай все. Я же тебе все устрою и помимо великого князя к царю ордынскому провожу.

Убедил во всем он Тревизана, соблазнив его богатствами, и уговорились они меж собой обо всем до конца.

Когда же государь пожелал от папы посла принять, привел к нему Иван Фрязин, не смея утаить о приезде Тревизана, обоих послов сразу. Принимал их Иван Васильевич в трапезной у матери своей, как тайное посольство по семейным делам. Был на приеме этом только дьяк Курицын, дабы листы папы прочесть и прочее проверить, да и государю без иноземного толмача разговор иметь с послом.

Присутствие Курицына смутило Фрязина, но он быстро оправился и, желая упредить вопросы, стал на одно колено пред государем, как встали и послы. Пожелав здравия, поспешил он испросить разрешения сказывать.

– Дай, государь, мне, – заговорил он, – о посольстве сем слово.

– Сказывай, – молвил великий князь, сделав знак встать с колен.

– Великий государь, – продолжал Иван Фрязин, – сей вот Антонио Джислярди, племянник мой, привез от его святейшества листы тебе открытые, о которых яз уже сказывал, когда икону царевны тебе доставил.

Фрязин обратился к племяннику и сказал по-итальянски, чтобы тот вручил листы государю.

Антонио Джислярди снова стал на одно колено и, вынув из сумки сверток, в котором хранились листы, протянул их государю. Курицын принял их и, прочитав, доложил великому князю:

– Его святейшество папа Павел вельми почетно тя величает и молит Бога о благе твоём. Сказывает, что листы сии для послов твоих, дабы мог ты послать их в Рим за царевной.

Иван Васильевич неожиданно резко обернулся к Ивану Фрязину.

– А сей другой пошто здесь? – спросил он, вскинув глаза на рыжего Тревизана, одетого так же просто, как и Антонио Джислярди, но на вид старше того по возрасту.

– Сей, государь, сын дяди моего родного, именем Джан, а по прозвищу Тревизан, князек венецейский... – Увидев, что Иван Васильевич нахмурил брови, денежник смутился и быстро продолжал: – Сей ко мне пришел, государь, своим делом да и гостьбою...

– Пошто же ты ко мне его привел? – перебил Фрязина государь. – Другой раз без спросу ко мне никого не води да и язык свой держи за зубами. Иди. Позову, когда будет надобно. Федор Васильич у меня толмачом будет. Яз побаю с послом его святейшества с глазу на глаз.

После встречи с великим князем денежник государев и Тревизан в крайнем волнении, не молвя друг другу ни слова, быстро вышли со двора княжих хором за ворота, где ждали их слуги с конями.

Дома Иван Фрязин провел Тревизана к себе в опочивальню, там он всегда говорил о важных и тайных делах.

– Страшен король ваш, – заговорил первым Тревизан, дрожа от волнения. – Глазами насквозь меня пронизал. Боюсь, угадал он хитрости наши.

– Пронес Господь, – развязно заметил Иван Фрязин. – Если бы угадал, то и домой мы не пришли бы. Давно бы в цепях были.

Денежник, вздрогнув вдруг всем телом, перекрестился по обряду латынян всей ладонью с левого плеча на правое и добавил:

– Будем непрестанно молить Пресвятую Деву Марию, Пречистую Богоматерь, да поможет нам. Поклянемся Ей оба, что сделаем вклады на помин души в собор Святого Марка и на неугасимую лампаду Пресвятой Деве в нашу приходскую церковь Святой Марии Ортской.

Иван Фрязин отдернул темную шелковую занавеску, скрывающую углубление в стене, где хранится втайне небольшое мраморное изображение Мадонны и латинский крест с распятым Христом.

Затепив лампаду, денежник упал на колени перед своей божницей. Тревизан распростерся с ним рядом.

– Пресвятая Дева! – воскликнул Фрязин, набожно крестясь. – Помоги нам в этом трудном деле. Мы же оба клянемся все честно исполнить, что обещали Тебе.

Тревизан повторил вслух ту же клятву...

Успокоившись и обеспечив себе Божью помощь, оба венецианца вышли в трапезную и сели за стол. Жена Фрязина, русская женщина, принесла завтрак и, скромно поклонясь гостю, тотчас же ушла по обычаю в свой покой, где жила с детьми.

– Красивая у тебя жена, – молвил Тревизан.

– Во всех статьях хороша, – самодовольно молвил денежник, достал из поставца сулею с дорогим вином и, угощая Тревизана, добавил с самоуверенностью дельца темных дел: – За успех нашего дела. Не бойся, друг. Нужен я еще московскому князю. Хочет он очень в жены взять царевну цареградскую. Я же ему все это с его святейшеством папой хорошо уладил. Вскорости поеду вот в Рим, а как привезу царевну, свадьба сразу, пиры. Не до нас ему будет, а мы под шумок все и обстригаем. Ты потом в Орду, а из Орды-то, минуя Москву, в Литву через Киев и в Венецию. Толмача найду тебе верного. После-то и я сам вернусь на родину. Жenu с детьми возьму – видал, какая. Главное же: во всем верна и послушна. Здесь бабы не то что наши, у которых за каждым углом любовник.

Тревизан рассмеялся:

– Ну, тебе и такая надоест. Любовниц сам захочешь.

– А что ж? Али наших венецианских не хватит? – громко расхохотался Фрязин. – У нас-то, слава богу, не только в каждом доме, а и во святых монастырях блудницы кишмя кишат.

Он добавил бесстыдно грязную пословицу и расхохотался еще громче.

Но Тревизан опять приуныл, мало поддаваясь хозяйской веселости.

– Ты вот едешь за царевной, – сказал он с тревогой, – а я-то как жить тут буду? А вдруг король захочет меня видеть? Что скажу ему? Вдруг дож пришлет вестника?

– Не бойся, – самоуверенно ответил денежник, – я тебе сказал, толмача найду верного. И пока тебя в Рязань с ним отошлю. Там молодая вдова есть, сестра жены. Авось не соскучишься. В Москве же тебя, когда ты на глазах не будешь, забудут. Я же в Рим поеду через Венецию, где и самого дожа вокруг пальца обведу.

Случайно взглянув в окно, денежник увидел возвращающегося от государя племянника Антонио Джислярди и, оборвав разговор, сказал Тревизану:

– О наших делах никому, даже и Антонио, ничего не говори, если головы терять не хочешь...

* * *

Приезд посла от папы Павла взволновал Ивана Васильевича. Хотя и казался он таким же, как и всегда, спокойным, но стал еще более молчаливым и суровым. Государь заметно черст-

вел. Зависть и жадность братьев, потеря любимой жены, смерть отца и владыки Ионы, смерть Илейки и Васюка, уход Дарьюшки в монастырь – все это тьмой и холодом охватило его сердце. Постарел он душой и чувствовал, как говорил о том матери, что нет ему более чистых сердечных радостей.

Оставшись сегодня один после завтрака и вспомнив о невесте своей цареградской, он зло усмехнулся и молвил вслух:

– Сия токмо для потребы телесной и продолжения рода.

Он хотел было достать изображение царевны на иконе, но досадливо махнул рукой и подошел к окну. Ему хотелось забыть пока о женитьбе, о свадебных разговорах с матерью и митрополитом. Вспомнив о владыке Филиппе, вспомнил он и о ревностном желании его возвести новый каменный храм Успенья Пресвяты Богородицы взамен старого, совсем уж обветшавшего.

Почему-то вспомнилась ему стенопись Успенского собора во Владимире, где бывал он еще в юности с епископом Авраамием. И потом совсем неожиданно засияла пред очами его икона Троицы, Рублевым писанная, заиграли пред ним радуги красок спокойно и радостно, и вдруг стало так же спокойно у него на душе, как тогда в Троицком соборе Сергиевой обители, когда со слепым уже отцом ездил он встречать бабушку Софью Витовтовну.

Возникают сами собой в его памяти нежные крылатые ангелы с прекрасными женскими лицами, и так все в них дивно и кротко, что мнится ему теперь: не беседуют они меж собой, а тихо поют славословия.

Постучав в дверь, вошел дьяк Курицын.

– По приказу твоему, государь, – сказал он, кланаясь.

Мечтательная улыбка сошла с уст государя. Он проговорил деловито:

– Добре, добре, Федор Василич, что не забыл. Кликни-ка Саввушку. Сей часец едем к Володимиру Лазаричу. Давно яз хочу своими очами повидать древние грамоты и столбцы.

Иван Васильевич, одеваясь при помощи Саввушки, чуял опять приближение досады и тоски и был доволен, что приказал Курицыну прийти и проводить его к дьяку Гусеву, собравшему уже много уставных и судных грамот и древних законов.

В хоромах у Гусева была отведена под работу дьяков и писцов одна из наиболее светлых горниц, где дьяки читали столбцы и грамоты, а писцы делали выписки из нужных статей для составления сборника судебных установлений.

Вдоль горницы, ближе к окнам, были поставлены узкие длинные столы – так, чтобы падало на них больше света из слюдяных окон. За столами на длинных скамьях сидят дьяки, подьячие и писцы. Иные из них духовного звания, и на головах их скуфейки монастырские, «дабы власы держать», – не мешали бы они во время писания; иные же «мирские», и у них на «власы» вместо скуфеек надеты через лоб узкие ремешки.

Вокруг столов и у стен в определенном порядке стоят лари, укладки и сундуки разных размеров со столбцами, свитками, грамотами и с запасами чистой бумаги и пергамента, или «кожи», как зовут его писцы.

Работа кипит: дьяки и подьячие читают свитки, столбцы и грамоты, отмечая нужные места и откладывая то, что выбрано, на отдельный большой стол, за которым обычно сидит сам дьяк Гусев с двумя подручными дьяками.

Подьячие приносят столбцы и грамоты, доставая их из ларей и сундуков на столы, а использованные уже дьяками или ненужные им уносят обратно. Писцы же, не отрываясь, переписывают, поскрипывая гусиными перьями, или линуют чистую бумагу для переписывания.

Все это сразу охватил взглядом Иван Васильевич, когда вошел в писцовую горницу в сопровождении Курицына и самого Гусева.

При появлении государя все вскочили с мест и, низко кланяясь, приветствовали его пожеланиями здоровья и долголетия.

Иван Васильевич приветливо ответил им:

– Будьте здоровы все. Делайте дело свое, как дедали. – Обращаясь к Гусеву, он добавил: – Покажи-ка мне, Володимир Лазарич, как писатели пишут. Никогда сего не видел.

Гусев привел государя к четырем особенно длинным столам, на которых работали писцы. За каждым столом было по два человека. Один из них, сидя на конце стола, брал из кипы бумаги продолговатые узкие листки и линовал их.

Государь подивился, как писец делает это ловко и точно. Левою рукою он берет листик из стопы бумаги, накладывает его на гладко полированную доску и, приложив слева линейку, проводит по краю мягкой свинцовой палочкой бледную черту сверху вниз, потом быстро перекладывает линейку на правый край бумаги и точно на таком же расстоянии проводит справа такую же черту сверху вниз. Затем кладет линейку поперек листика и быстро проводит поперечные линии на безошибочно равном расстоянии друг от друга.

– Добре, добре, – сказал Иван Васильевич и, обращаясь к Гусеву, добавил: – Жаль, не захватил яз с собой сына, сие было бы занятно ему и на пользу. Да ты, Володимир Лазарич, после покажи ему все, пришлю его с Федор Василичем.

Государь подошел к другому концу стола, где сидел другой писец. Пред ним стояла плошка глиняная с жидким клеем и лежала небольшая кисть из конского волоса.

– Здесь, государь, листики, которые другими списаны, сей вот во един свиток склеивает и, подсушив, в столбец скатывает, – пояснил Гусев, указывая на четыре столбца, лежавшие на середине стола возле кипы чистой бумаги.

Государь обратил внимание, что от столбцов по направлению к сидевшему на конце стола писцу протянуты четыре ленты из склеенных уже листиков.

– Токмо с лица на них писано? – спросил Иван Васильевич, приподнимая осторожно конец бумажной ленты.

– Да, государь, – ответил писец и, взяв один из принесенных с другого стола листов, провел кистью с клеем по верхнему краю его с обратной стороны, где не было ничего написано. Потом ловко приложил его к концу ленты крайнего слева столбца.

– К сему столбцу листок сей надлежит, государь, – сказал писец и, проведя осторожно тряпочкой по склейке, добавил: – Теперь токмо подсушить и свертывать.

Он встал, пощупал ранее склеенные листки и дважды свернул столбец, отчего лента укоротилась вдвое, а вновь приклеенный листок остался пятым от начала столбца.

– Мы, государь, – сказал дьяк Гусев, – по сим склейкам или ставам, как издревле зовут их, длину столбцов ведаем. Ведь столбцы-то бывают от трех до десятков аршин и до ста, а то и более.

– Как же числите? – спросил Иван Васильевич.

– А так, государь, – продолжал Гусев, – измерим токмо один листик. Будет он, как вот сей, четыре вершка, а ставов в столбце начислим десять. Значит, в столбце-то длины сорок вершков, сиречь два аршина с половиной. Ежели начислим сто ставов, то столбец-то, значит, двадцать пять аршин.

Отсюда Иван Васильевич перешел дальше, к тем столам, где работали писцы, занимаясь своим делом: списывали они те места из свитков и разных грамот, которые были отмечены дьяками и утверждены самим Гусевым для переписки. За каждым столом сидят по три писца, а перед каждым из них – чернильница. Тут же лежат и гусиные перья, очиненные заранее, дабы не задерживать письма, и маленькие острые ножки для исправления пера и подчистки ошибок в словах.

Писали они быстро полууставом, не гонясь за красотой букв, а для скорости некоторые буквы соединяли чертами, дабы не отрывать руки и не терять на это времени.

– Не гляди, государь, – сказал Гусев великому князю, – что не вельми красно писано. Сие все списание надобно для чтения токмо нам, дьякам, для-ради составления свода всех установлений и законов и все потом красно и богато спишем на единый великий столбец.

– Много лет возьмет такая работа, – задумчиво молвил Иван Васильевич, – но без того не можно государствовать. Трудитесь же, да поможет Господь Бог вам в сих трудных делах, которых на много лет хватит.

Догадавшись, что великий князь хочет уйти, все встали, а Иван Васильевич кивнул головой.

– Будьте все здравы, – молвил он громко и под гул прощальных и восхваляющих его возгласов вышел из писцовой горницы.

Прощаясь с дьяком Гусевым у красного крыльца и садясь на коня, Иван Васильевич все еще думал о судебнике и о его постоянном употреблении в судах и при разных спорах.

– Ты помысли, Володимир Лазарич, – сказал великий князь, – можно ли все сие вместо столбца-то в сотни аршин писать тетрадами, яко книгу, дабы писано было на каждом листе и с лица и с тыла. Инако же тяжко будет судьям и боярам всякий раз таковой столбец при чтении дважды развертывать и свертывать.

Той же осенью, на Михайлов день, ноября восьмого, повелел митрополит Филипп строителям камни тесать и готовить, дабы заложить церковь Пресвятыя Богородицы.

Узнал об этом Иван Васильевич в тот же день вечером от матери, у которой поздно ужинал вместе с сыном, при свечах уж.

– Зря блазнит себя владыка, – сказал он матери, – что к январю изготовят ему все и что в сем же месяце храм он заложит.

– А ты, сыночек, как мыслишь? – думая о другом, спросила Марья Ярославна. – Бог даст, может, и поспеет все во благовремени.

Иван Васильевич махнул рукой и промолвил:

– Прежде чем быть началу здания церкви Пречистой, надобно, oprичь камня, который на санях из-под Москвы всю зиму возить будут, еще от рухнувшей старой церкви кирпич выбрать, да еще и нового много изделать, санный же путь почнется токмо с Екатерины-санныцы. Яз мыслю, ежели поздней весной храм заложить сможем, и то слава Богу. Храм-то хотим воздвигнуть великий, в меру храма Успенья в Володимире.

Но Марья Ярославна не стала продолжать беседу о храме, а перевела разговор на свадьбу государя с царевной.

– Яз, сыночек, – начала она, – со владыкой о том еще думала. Он баит, что при венчании-то в церкви некое от грецкого чина царской службы добавить. Свадьбу же будем справлять у себя по московскому обычаю...

– Ныне хор владычен у нас есть, – вставил Иван Васильевич, – сама слышала ты, какие голоса. Владыка доволен сим. Баит, как в Цареграде петь будут, а то и лучше: голоса-то у наших звончей и сильней грецких.

Вдруг загудел далекий набат, где-то в посаде, со стороны Замоскворечья. Затем тревожно и громко забили в набат и кремлевские звонницы. Застыли все от волнения, а в слюдяных окнах, словно заря багровая, проступили отблески зарева...

– Пожар, Господи, – заметалась вдруг Марья Ярославна, – спаси и помилуй, Господи! Пойду свечу Никите преподобному поставлю, да укротит он борзо огонь сей.

– В Заречье горит! – крикнул, вбежав, Данила Константинович. – Загорелось, бают, коло церкви Святого Митрия. Одни бают, занялись враз хоромы Логинова, а другие – у Хмельникова во дворе.

Государь, бледный, молча встал из-за стола, перекрестился на иконы и, обернувшись, сказал спокойно:

– Вели-ка, Данилушка, всей моей страже коней седлать и мне с княжичем Иваном коней подать. Пусть ведры да топоры захватят. Река-то не стала еще...

– Какое там, государь, стала, – в дверях уже крикнул дворецкий, – теплынь ныне неслышанная!

Ночь стояла темная, а оттого, что по куполам церквей и по кровлям княжих и боярских хором все время тревожно пробегали багровые отсветы зарева, казалось, будто черный мрак переливается по улицам. Смутно чуялось, что кругом мятется народ. Великий князь, ехавший рядом с сыном впереди своей стражи, когда случайно стихал зловещий набат, слышал сквозь конский топот отдельные возгласы и причитания женщин. Люди толпились по всем улицам и переулкам Кремля. Из града же выйти нельзя было: все кремлевские ворота давно были заперты на ночь. Вдруг пронеслась весть, что сам государь едет со стражей на пожар в Заречье через Чушковы ворота. Сразу хлынули туда любопытные, дабы лучше видеть, что станет делать великий князь.

Княжич Иван раза два выезжал с отцом на пожары, но то было днем, а ночью выехал он впервые, и было ему страшно. Не решаясь заговорить с отцом, он подъехал ближе к своему стремлянному Никите Растопчину, сыну истопника и мамки Евстратовны.

– Страшно тебе, Никитушка? – спросил княжич.

Никита, молодой парень лет двадцати пяти, ровесник князя Андрея большого, весело потряхнул головой и крикнул в ухо княжичу:

– С государем ништо не страшно! Все он ведает, как деяти... Не бойсь! Вот и Чушковы ворота...

Загремели замки и засовы железные. Со скрипом и визгом распахнулись тяжелые кованые ворота, и всех осветило огромное пламя, широким столбом восходящее к черному небу. Целиком отражалось оно более тусклым, но более зловещим в черных водах Москвы-реки. Было тихо, но тяга в огненном столбе так велика была, что головни взлетали в самую высь и, рассыпая искры, падали в сторону наклона пылающего столба.

Великий князь сделал знак конникам остановиться. Несколько минут смотрел он внимательно на пожар и следил, куда падают головни. Чьи-то большие хоромы пылали со всех сторон ровно, как хорошо разгоревшийся костер. От них тонкой змейкой бежал иссиня-белый огонь по верху забора и забивался уж под соломенную крышу мыльни, словно вгрызался в нее черно-красными зубами. Молодой великий князь следил за взглядом отца и старался догадаться, что тот хочет сделать. Потом княжич вслед за отцом посмотрел вправо на плавающий мост из толстых бревен, черневший среди розовых отсветов. Высокие перила моста, казалось, горели и рдели от яркого зарева.

Государь, кивнув страже, медленно въехал на мост, погрузший и задрожавший под тяжестью конницы и ударов конских копыт. Огненно-золотыми чешуйками побежала от него по воде в обе стороны легкая зыбь, и слегка закрипели связи бревен.

Когда переехали мост, княжич почувствовал, как жаром охватило его лицо – прямо перед собой он увидел полыхающее пламя. Пахло гарью, и слышно было гуденье огня, как в печи, шипение и треск горящих досок и бревен. Княжич узнал место пожара и горящие хоромы.

– У Логинова горит! – крикнул он, обращаясь к Никите Растопчину.

– Верно, сыночек, – ответил ему сам великий князь и, обернувшись к страже, приказал всем немедленно спешиться.

В посаде сразу узнали великого князя.

– Православные, – зычным голосом радостно закричал кто-то из суетившихся возле пожара. – Са-ам го-осу-дарь при-и-стиг!

– Государь пристиг! – загремело крутом.

Но сейчас же все смолкло, прекратили враз и звонить в ближайшей церкви. Следом перестали бить в колокола и на прочих посадских звонницах. Знали все, что государь требовал

этого, дабы не было лишнего страха и суматохи от тревожного звона и слышней были бы распоряжения государя и его слуг.

Вся стража государева по приказу его разбилась на две части: на ведерников и топорников. Ведерники выстроились в две двойные цепи, начиная от реки и до самого пожарища. Одна такая цепь из рук в руки передавала ведра с водой от реки тем, кто тушил огонь вокруг горящих хором; эти же, вылив воду куда надо, пустые ведра передавали другой цепи, которая с рук на руки быстро отправляла их к реке, где черпальщики наполняли ведра и передавали в первую цепь. Так они работали непрерывно, не давая загораться огню на новых местах около пожарища.

Меньшая часть стражи государевой, топорники и часть ведерников вместе с великим князем и княжичем устремились к заборам и к загоравшейся уже бане.

– Руби, разметывай забор! – громко приказал государь и первый начал рубить плахи в заборе меж пылающими хорами и баней.

Народ хлынул на помощь княжой страже, и вмиг забор был весь растащен...

– Ведры сюды! – крикнул государь. – Заливай плахи и головни! Теперь мыльню руби, раскатывай по бревнушку.

Более двух часов работал государь во главе своей стражи и всех посадских людей. Были за это время разметаны все заборы, бани, хлевы, амбары и прочие постройки, через которые огонь мог перейти на соседние хоромы и службы их. Только одни хоромы Логинова все еще пылали, но столб пламени от них все снижался и тускнел, и вдруг они с глухим грохотом рухнули. Огромный клуб огня, сверкая искрами, вырвался вверх, будто оторвался от земли, и погас. Густой едкий дым повалил от догорающих бревен, и сразу потемнело и похолодало кругом. Только угли рдели повсюду багровыми отсветами, и выбивались кое-где обрывки желтого пламени или перебегали синие огоньки.

– Заливай пожарище! – крикнул великий князь, отирая с лица пот. – Все бери ведры, становись в цепи! Заливай, дабы вновь не разгорелось.

Сразу кругом, во всех концах, загremели и зазвякали ведра. Новые цепи ведерников, одна за другой протягивались от пожарища к реке. В цепи становились мужики, женки и даже подростки, и все спешили на помощь ведерникам из княжой стражи. Не прошло и четверти часа, как с пожарища еще гуще повалил дым, смешанный с паром от воды, непрерывно лившейся на догоравшие бревна и угли.

Великий князь и княжич сели на коней, и государь, сняв шапку, перекрестился и крикнул:

– Помог Господь! Сбили огонь! Гляди, не давай загораться вновь! – кричали кругом, продолжая заливать пожарище.

Княжая стража, садясь на коней, подъезжала к великому князю и строилась возле него. Княжич с восхищением смотрел на отца и гордился им. Иван Васильевич заметил это, и его сердце радостно забилося.

– Притомился, сыночек? – ласково спросил он, когда они въехали снова на плавучий мост.

– Нет, – ответил княжич, сияя от отцовской ласки, – яз ведь токмо ведры порожние к реке подавал.

– И то добро, – одобрил Иван Васильевич. – Ежели ты благо будешь деять народу, он тебе во всем поможет, живота не щадя, и не токмо на пожаре или на войне, а и во всех делах государевых.

Того же месяца ноября в тринадцатый день приехал на Москву рукополагаться Феофил, нареченный архиепископ новгородский и псковский. Сопровождал его великий поезд из знатнейших новгородских людей и большой обоз с подарками государю, митрополиту и всем, кто полезным быть может.

Обо всем этом на другой день утром сообщил великому князю за ранним завтраком Данила Константинович.

– Пошто ране о сем мне не сказали? – молвил сурово Иван Васильевич.

– Ночесь прибыл владыка-то новгородский поздно, уж след ужина. Остановился на подворье у митрополита. – Дворецкий налил вина в чарку государя и добавил: – Тут уж у меня ожидает приказа твоего отец дьякон от владыки Феофила.

Иван Васильевич выпил вина и, закусывая копченой стерлядью, сказал:

– Позовешь его сюды к концу завтрака. Пошто послан-то?

– Сказывает, о новгородском владыке...

– Добре: – прервал дворецкого Иван Васильевич и перевел речь на другое. – Утресь, Данилушка, яз до завтраку с башенки-смотрильни видал, много что-то в садах²¹ моих народу. Что там деется?

– К зиме, государь, еловыми лапами стволы обвиваем от зайцев, – оживленно заговорил Данила Константинович. – Прошлый год во многих местах кору сгрызли окаянные. Опричь того, вишню прорежают, вельми густа стала. Да еще молодые яблоньки соломой яз велел окутать от морозу, а от корней до половины их тоже елью обвили.

– А как малина? – спросил Иван Васильевич.

– Малину-то в октябре еще, вборзе, как лист опал, проредили. Все старые побеги вырезали.

– А много ль, Данилушка, от садов-то ныне прибýtка было? – поглядывая искоса, спросил великий князь.

– Великие прибýtки, государь. Малины много свежей на торгу продали, да и вишни тож. Более же того яблоков продано было, просто из рук рвали. Больно хороши у тя, государь, яблонины сады-то. Да себе, на княжое семейство, сколь всего на зиму в запас пошло: и на наливки вишневые и малиновые, и на сухое варенье из малины, вишен да смородины – почитай, пудов двадцать всего-то; яблоки же кадками моченые стоят, да все подклети сушеными на нитях завешены.

– Ну, а на торгу сколь на деньги-то продано?

– Да ежели считать, государь, все: и яблоки и ягоды, то на десять рублей московских²² с лишком взяли.

– Вельми добр прибýtок, вельми, – похвалил Иван Васильевич с довольной улыбкой и, помолчав, спросил: – А пошто заяц-то еловых лап боится? Духу их не любит?

– Может, и духу аль вкусу смоляного не любит, а главное то, что когда ветки еловые густо навязаны, ему до коры яблоневой не достать: иглы морду ему колют, более всего нос...

Иван Васильевич усмехнулся:

– Ты вот, Данилушка, по первой доброй пороше устрой так, дабы сынок мой в садах потравил бы с борзыми зайцев-то. Пусть потешится...

– Потешим его, потешим, – подхватил Данила Константинович. – Вреда от сего садам не будет, потому охота малая – всего два коня, а выжловков псаря пешие станут со смычков спущать. Княжич с Никитой посередь сада будут, а выжлятники на них зайцев ото всех заборов погонют.

– Добре, добре, – усмехаясь, молвил Иван Васильевич, – а топерь веди ко мне отца дьякона.

²¹ Сады Ивана III тянулись от Китайского проезда и южнее Маросейки до нынешнего Курского вокзала. Память о них – Старосадский переулок.

²² Десять московских рублей – примерно тысяча рублей XIX века.

Пока великий князь допивал заморское вино, дворецкий привел молодого дьякона. Войдя в княжой покой, он низко, по-монастырски, поклонился князю и, перекрестясь на иконы, сказал звучным голосом:

– Будь здрав, государь, на многие лета. Владыка хочет ведать от тебя, государь, какие речи держать со владыкой новгородским и когда тебе принять его будет угодно?

– Речи токмо духовные, – ответил Иван Васильевич, – о мирских делах ни о чем не баить. А ежели к слову придется, то о себе ничего не сказывать, а новгородцев вопрошать, пусть и сами что хотят, то и бают. Для мирских дел яз ко владыке в помощь дьяка пришлю. – Иван Васильевич помолчал немного и продолжал: – Когда же яз принимать Феофила буду, то о сем сам извещу митрополита, а ране с ним о новгородских делах с глаза на глаз подумаю. Принимать же новгородцев ласково, будто у нас и рати с ними не было. – Великий князь, сделав знак дворецкому и улыбаясь, закончил: – А ты, отец дьякон, пред уходом-то выпей чарку водки – сие и монаси приемлют, – да гусиными полотками закуси. До поста-то еще шесть ден.

– Пятница днесь, государь, – робко возразил дьякон.

– Ну, рыбы бери, какой хошь, провесной али копченой.

– За здоровье твое, государь, – проговорил дьякон, выпил, не садясь, и, взяв кусочек рыбы на хлеб, отошел от стола.

Он почтительно ждал, когда государь отпустит его. Заметив это, Иван Васильевич вымолвил:

– Более ничего. Иди с миром к отцу митрополиту.

Декабря девятого зашел к государю за ранним завтраком Данила Константинович. Государь взглянул на дворецкого с тоской и тревогой, ничего не говоря, а только вопрошая взглядом, но не выдержал и молвил тихо:

– Как ныне-то?

– Полегчало ей, – ответил Данила Константинович. – Игуменья-то мне сказывала, на все церковные службы ходить стала. Токмо, баит, побелела лицом да на щеках румянец особый, а глаза светом нездешним светятся. Не от мира сего, баит, стала...

Иван Васильевич вздохнул и, перекрестясь, сказал:

– Помоги ей, Господи...

Данила Константинович не уходил, видимо желая сказать еще что-то.

Государь, взглянув на него, спросил:

– Еще вести какие есть?

– Ныне приехали братья твои, – ответил дворецкий, – Андрей большой с Борисом вместе. Князь Борис-то гостил у Андрея в Угличе...

– Вишь, все слетаются, – усмехнувшись, резко сказал Иван Васильевич. – Шестого еще, на Николу, дядя мой, князь верейский, с сыном на Москву приехали. Яко псы, нюхом почуяли, что новгородцы богатые подарки привезли.

– Истинно, истинно так, государь, – подхватил Данила Константинович. – Андрей и Борис завтракали уже днесь у государыни. Приехали ночесь поздно, а утресь прямо к ней.

– Плакались пред матушкой-то?

– О том баили, что обделяешь их, что вот опять тебе – добыча, а им от тебя ничего не будет.

Иван Васильевич сурово сдвинул брови и сказал хрипло:

– Все сие при княжиче было?

– При нем, государь.

– Государыня что им ответила?

– Государыня-то печаловаться пред тобой обещалась. Пред обедом она к тебе будет. Упредить ты о том приказала.

Государь ни о чем более не спрашивал.

– На все Божья воля, Данилушка. Неведомо, как все обернется у меня с братьями-то, – глухо молвил он и, помолчав, добавил: – Едино токмо мне ведомо – не слуга ты мой, а брат мой верный.

Данилушка прослезился и горячо поцеловал руку, протянутую ему великим князем.

Марья Ярославна зашла к Ивану Васильевичу, как обещалась, за полчаса до обеда. Была она ласкова, но волновалась, руки у нее дрожали, глаза были печальны.

– На поклон к тебе, сыночек, – сказала она дрогнувшим голосом, – челом бить.

Она не договорила, слезы блеснули у нее из-под ресниц. Иван Васильевич стремительно встал, обнял мать и, поцеловав, почтительно усадил на скамью.

– Не челом бить, матушка, – молвил он, – а приказывать сыну своему.

Старая княгиня вдруг дрогнула плечами и беззвучно заплакала. Потом беспомощно развела руками и жалобно произнесла:

– Что мне, детки мои, с вами деять-то? – Она вытянула вперед руки и продолжала: – Вот они, пальцы-то. И большие, и средние, и малые, а какой ни режь – едина боль ото всех. По боли-то сей все равны сердцу моему.

Иван Васильевич, сурово сдвинув брови, стал молча ходить по покою. В груди его начала клокотать ярость против братьев, но, крепко стиснув зубы, он старался побороть гнев. Марья Ярославна растерялась и с тревогой следила за грозным сыном своим. Иван Васильевич, встретив робкий, испуганный взгляд ее, сразу смягчился и сказал с улыбкой:

– Разумею все, матушка. Ну, печалуйся, что ли, да не во вред делам моим. Содею все тебя ради, токмо без ущерба государству.

Марья Ярославна прерывисто вздохнула и, волнуясь, стала говорить про обиды младших братьев, о нужде и бедности их в сравнении с великим князем. Снова заплакала она и сквозь слезы просила улучшить их долю:

– Прирежь им землицы-то. Дай еще по селишку какому, деревеньку одну-другую, а может, и град некий.

– Матушка! – твердо молвил Иван Васильевич. – Забыла ты волю отца моего, своего мужа, который все сам приказал нам в духовной своей. Братьями же много в рати новгородской граблено, много полона взято. Мало сего для их жадности? Еще им всякий раз кое-что от добычи и от подарков давать буду. Земли же им ни пяди ни дам, не оторву от государства. Во всем же прочем по воле твоей обиды им не будет.

Наступило молчание. Марья Ярославна переволновалась и стала спокойнее. Отерла слезы и поднялась со скамьи. Подошла к великому князю, взяла его за руки и, глядя с мольбой в глазах, попросила:

– Иване, не обижай ты их. Ну, а что можно дать, что не можно, тебе видней. Государь ты. Молю токмо: не обижай. – Обняв сына, она добавила: – Пообедай днес со мной и братьями в мире и ласке. Уважь матери. Яз пришло за тобой Данилушку. – В дверях старая княгиня задержалась и, обернувшись к сыну, горячо воскликнула: – Не мысли, Иванушка, злом-то на них! Не содеют они тебе худого, верны тебе...

Иван Васильевич насмешливо улыбнулся.

– Верить-то верю им, матушка, – с горечью молвил он, – да Бога молю: «Верую, Господи, помози моему неверию».

В четверг, декабря двенадцатого, приказал Иван Васильевич быть у себя после раннего завтрака дьякам Бородотому и Курицыну. Завтракал великий князь вместе с Ванюшенькой. Заметил он еще раньше, на обеде у матери, как сын его явно жалел дядей. Посему решил он разъяснить ему суть дел своих семейных, как наследнику и соправителю.

– Помни, сыне мой, – заговорил Иван Васильевич за трапезой, – что со мной у тебя все едино, токмо мы с тобой князи московские. Все же прочие князи – завистники наши и тайные

вороги. Будь даже они дяди или братья единокровные, все они от корысти и зависти обессилить Москву хотят, а нас со стола великокняжеского вон согнать.

Княжич Иван, широко открыв глаза, перестал есть и со страхом поглядел на отца.

– Пошто ж бабунька за них стоит? – спросил он растерянно.

– Бабунька твоя, – молвил великий князь, – дел не разумея, как и ты вот, по доброте своей им норovit. Ты же лишь отцу верь и ведай: братья мои против нас с тобой. Они Москву у нас отнять хотят, как Шемяка у деда твоего отымал и со злобы ослепил его. Ты у бабки о сем разведай, пусть она скажет тебе, сколь ей и нам, тогда еще детям, слез и муки было.

– Как же сие можно? – взволнованно прошептал княжич. – Бабунька рассказывает, братья тебе верой-правдой служат.

Иван Васильевич не ответил сыну на эти вопросы, но, помолчав, продолжал:

– О том, что днешь услышишь от меня и дьяков моих, никому не рассказывай, дабы нам с тобой худа не было. – Опять помолчал великий князь и добавил: – После завтраку по приказу моему приедут сюда дьяки. Ты же слушай и разумея, ибо скажут они, какое зло мыслят братья мои против нас.

В дверь постучали. Дворецкий Данила Константинович ввел к великому князю дьяков – старика Бородатого и Курицына.

Помолясь на образа и поздоровавшись с государем, дьяки сели на указанное им место.

Помолчав, великий князь молвил с легким волнением:

– Ныне хочу яз, дабы и сын мой и соправитель в делах наших разумение имел. Рассказывайте при нем, какое зло против нас тайно мыслят новгородцы и как братья мои им нороят...

Первым поднялся с места старик Степан Тимофеевич. Государь знаком повелел ему докладывать сидя и добавил:

– Думу яз думаю с вами, а не послов принимаю.

– Доведу тебе, государь, – начал Бородатый, усаживаясь на свое место, – что неспроста со владыкой Феофилом такие два посадника пришли, как Лестар Самсоныч да Лука Федорыч. Из господы же новгородской тоже бояр много, и посадники старые, и тысяцкие. Обоз с дарами не токмо тебе и митрополиту, а и братьям твоим пришел. Повестили меня о том доброхоты наши новгородские, из тех, что во владычном поезде есть.

– Что ж тебе ведомо? – нетерпеливо спросил великий князь, недовольный длинной речью.

– Главные посадники, государь, – продолжал дьяк, – были тайно у братьев твоих, ласкали, дарили их, особенно князя Андрея большого, дабы против тебя опору Новгороду найти. Ведает господа про корысть их и зависть к тебе.

– А братья? – перебил дьяка Иван Васильевич.

– Дары принимали с радостью, чтит новгородцев вельми, особливо князь Андрей. Были у братьев твоих и монахи некои от ближних владыки Феофила, а пошто – мне не ведомо, но мыслю – сговор против тебя.

Иван Васильевич быстро обернулся к сыну и спросил:

– Разумеешь, что дьяк-то баит?

– Разумею, государь-батюшка, – с трепетом ответил княжич, – зла хотят нам новгородцы-то, братья же твои...

Княжич оборвал речь, не смея сказать, что хотел.

– А братья мои сему злу, – резко продолжил великий князь, – опору дают.

– Истинно так, государь, – подхватил дьяк Курицын. – Зло же сие велико. Яз вести имею. Ахмат с королем Казимиром тайно ссылается, а господа на польского круля поглядывает.

– Разумея, сын мой, – снова обратился великий князь к своему юному соправителю, – и хоша млад ты, а разумение у тебя, мыслю, есть.

– Яз все уразумел, государь-батюшка. Что тебе во зло, то и мне во зло.

– Истинно, сыночек, истинно! – радостно воскликнул государь. – Токмо помни: никому о сем, что слышал, не сказывай. Даже бабке не сказывай. Сумеешь молчать-то?

– Сумею!

Великий князь обнял сына и поцеловал:

– А теперь иди сынок, отдохни. Потрави зайцев с Никитушкой, пороша днесь добрая, а мы тут еще будем о многом думать.

Декабря пятнадцатого на Москве в Успенском соборе поставлялся в архиепископы Новгороду и Пскову избранный новгородцами Феофил.

Во время священного служения митрополит Филипп рукоположением возвел Феофила в святительский сан в присутствии государя Ивана Васильевича, семейства его и братьев. От духовных же на поставлении были архиепископ ростовский и все епископы русские, архимандриты, протопопы, игумны и весь духовный собор славного града Москвы.

Торжество совершалось во временном деревянном храме Успения, ибо у старого, каменного, своды сдвинулись от ветхости и держались лишь на подпорах из бревен. Временный же храм был не устроен, и стены его были мало украшены иконами и разным узорочьем.

Зато при совершении службы церковной новый владычный хор из десяти человек пел впервые. Певчие стояли на клиросе в две стаи, по пяти человек в каждой; двое из них пели высокими голосами, а трое – низкими.

Иван Васильевич слушал, как сильные и звучные голоса певцов, не заглушая друг друга, делились на две волны: низкие голоса гудели ровно и слитно, высокие же вились на ровном гудении их, а иногда вдруг вырывались вверх и звенели под самым куполом, причем низкие с могучим гулом катились волнами по всему храму.

Великий князь, весьма любивший пение церковное, был растроган. Видя государя смягченным, новопоставленный архиепископ Феофил, когда все обряды посвящения были окончены, вышел во всем святительском облачении на амвон, пал на колени, а за ним и все новгородцы именитые, стоявшие перед аналоем. Простирая руки к великому князю, Феофил со слезами, молящим голосом воскликнул:

– Господа Бога ради и Его Пречистыя Матери, молю тя и челом тебе бью от себя и всего Великого Новагорода: смилуйся, господине, прости и тех, кого в железах увел ты в Москву и заточил! Отпусти по милосердию своему из заточения Казимира, посадника новгородского, и с ним тридцать мужей новгородских. Сыми с них цепи, отпусти их к женам и детям их...

Смолкло все в храме, и все очи обратились на государя московского.

Молча поклонился в пояс великому князю и сам митрополит Филипп, а за ним и братья государевы. Это смягчило Ивана Васильевича, и он громко сказал:

– Примаю челобитье Новагорода и жалую всех мужей новгородских, отпускаю их с честью.

После того как отъехали в Новгород из Москвы все тридцать помилованных мужей новгородских, отпустил Иван Васильевич восвояси и архиепископа Феофила и ближних его с честью великой декабря двадцать третьего в самый канун сочельника Рождественского. В этот день владыка был у преосвященного Филиппа на торжественном прощальном обеде, на котором присутствовал и великий князь московский с семейством своим и братьями.

Государь был весьма ласков с новгородцами и, приняв при прощании благословение от архиепископа Феофила, милостиво молвил:

– Скажи, отец, вотчине моей Великому Новугороду: жалую его, как жаловали отцы и деды мои.

После этого Иван Васильевич с семейством отъехал от митрополита к себе в хоромы, где ждали его дьяки Курицын и Бородатый, дабы доложить о вестях из Перми Великой. Город этот по договору государя с новгородцами отошел к Москве, сложив крестное целование Нову-

городу, но пермичи по-старому тянули к вечу новгородскому, и были у них пред Москвой всякие неисправления.

Дома Иван Васильевич прошел прямо в свои покои, куда тотчас же дворецкий привел к нему обоих дьяков, ожидавших государя в передней. Ответив дьякам на их приветствия, государь заметил с усмешкой:

– Пермичи-то все упорствуют?

– Упорствуют, государь, – ответили оба дьяка, – упорствуют.

– А неисправления у них какие есть? – спросил Иван Васильевич.

– Из Новагорода вести у меня, – молвил дьяк Бородатый. – Купцов наших московских изобидели. Бают, купцы наши изолгали их с платежом за соболей, а они купцов за то били и все у них ограбили.

– Всяко бывает, – усмехнулся великий князь, – может, купцы-то и впрямь изолгали. Токмо пермичи ведь, по крестоцелованию их, управы за всякое зло у нас просить должны, а не сами суды творить.

– Истинно, государь, – молвил дьяк Курицын. – Там наместник наш есть. Через него тебе жалобу, государь, послать могли. Они про то ведают, но все еще Новугороду норовят. Сие простить нельзя им. Схватили палец – всю руку оторвут.

– Страх для них нужен, – добавил дьяк Бородатый, – да и в Новомгороде разумения будет боле, как договоры блюсти.

– Верно, – согласился Иван Васильевич со своими дьяками. – Ежовые рукавицы им надобны, дабы помнили, что есть государь у них.

Испытующе оглядев обоих дьяков, он спросил:

– А то не басня, что купцов-то били, ограбили и поймали? Может, сего и не было? Ведь яз хочу войско туды слать, а сему оправдание надобно. Не гоже государю московскому без вины казнить.

– Точные вести сии, государь, – заговорил Бородатый, – имена купцов нам ведомы: Дорофей Брюхо, Осип Трегубов да Яков Железов – от Москвы, да Зворыкин Митрий – от Коломны. Может, они изолгали пермичей, но истинно, государь, что биты они и пойманы были, да и поныне в срубе сидят.

– Добре, – прервал его государь, – ежели все, как баите, то утре и пришлите мне воевод: князя Федора Давыдыча Пестрого да Гаврилу Нелидова. Буду ждать их к раннему завтраку. Скажите им тайно, дабы все, что для зимнего похода надобно на Великую Пермь, наидобре бы обмыслили. Буду утре о сем с ними думу думать.

Той же зимой, после Рождества, привезли по приказу митрополита Филиппа камень на Москву из окрестных сел, где его еще летом ломали в пещерах для построения нового храма Успения Богородицы.

Великий князь в эти дни много думал с воеводами о наказании Перми Великой, подготавливая зимний поход. Рассчитал он, что войска московские на Фоминой неделе в Пермскую землю вступить должны, и отпустил на Пермь свои конные полки января двенадцатого.

– Идите борзо, но тайно, – сказал государь на прощанье воеводам, – дабы пермичи ни о чем не ведали. Помните: неожиданность да смелость – наиглавное в устрашении врагов. Помните еще: путь ваш дальний. Берегите воев своих и вестников ко мне шлите.

Января же пятнадцатого пришла весть с купцами итальянскими, что папа римский Павел умер внезапно.

– Теперь иной папа в Рыме, – сообщил Ивану Васильевичу дьяк Курицын, – именем Каллист. Баил яз с фряжинами, но те более ничего не ведают.

Иван Васильевич задумался.

– Неведомо ныне, – молвил он, – что новый-то папа о выданье за меня царевны грецкой мыслит? Может, иные у него думы.

– Яз, государь, ежели разрешишь, так бы содеял.

– Сказывай, Федор Василич.

– Яз, государь, мыслю: посольство ускорить и вборзе думу подумати с отцом митрополитом и со всем семейством твоим. Послом послать того же денежника нашего, Ивана Фрязина, да двух-трех бояр, дабы все сие тайно было. Может, новый-то папа инако мыслит, и от того бы чести умаления не было державе нашей.

Иван Васильевич улыбнулся довольной улыбкой и сказал:

– Добре, добре сие удумано. Все надобно деять с большим разумением. Ты, Федор Василич, составь от моего государева имени краткую грамотку к новому папе. В грамотке той титулы пиши пышно, да приветы от нас и ласковые словеса, а что, мол, о делах наших, то посол наш скажет. Пиши сие на пергамене золотом и печать мою золотую привесь.

Дьяк Курицын почтительно рассмеялся и добавил:

– А ежели денежник что изолжет, то сие на него падет, а не на государя. Опричь того, челобитья никакого не будет и ты, государь, ни с чем к папе сам обращаться не будешь.

– Истинно, – весело молвил Иван Васильевич, – а сколь басней ни наплетет денежник-то, яз ведать не ведаю. Пущай его. А из бояр-то, мыслю, двух-трех и хватит. Токмо слуг побольше, а главное – дары: и соболи, и шубы, и злато, и каменья.

– Когда же, государь, срок-то укажешь? – спросил Курицын.

– Семнадцатого сего января посольству из Москвы выехать. Побай с Ховриным про подарки папе, кардиналу и прочим. Пусть с денежником подумает, да и ты с ними подумай. Когда же нужно, дерни Фрязина за руку: руки у его загребушие. Запиши все, дабы ведал о сем не токмо денежник, а и бояре наши, которые с ним поедут. Ну, да ты все сам добре разумеешь.

Иван Васильевич рассмеялся и, встав со скамьи, прошелся несколько раз по своим покоям. Брови его сдвинулись, он озабоченно произнес:

– Совет семейный назавтра собери в покоях у государыни. Призови от моего имени токмо митрополита, без прочих духовных. Думать будем келейно. Матери о сем яз сам все расскажу. – Иван Васильевич вдруг стал грустен и, пройдясь еще несколько раз вдоль покоев своих, добавил: – Ты, Федор Василич, тоже будь на совете. Легче тебе потом грамотку будет к папе составить. Да после совета мы с тобой еще малость подумаем...

Когда Курицын, простившись, уходил от государя, Иван Васильевич остановил его в дверях и с поспешностью добавил:

– Пожди малость. С Фрязиным-то хочу послать бояр верных: Лариона Никифорыча Беззубцева, Шубина Тимофея Лександрыча да дьяка Василья Саввича Мамырева со слугами их.

– Добре, государь, – сказал Курицын, – хоша они с неба звезд не сывают, но разумные и верные и не проглядят воровства никакого.

Когда Курицын вышел, Иван Васильевич быстро подошел к Даниле Константиновичу и взволнованно произнес:

– Спешу, Данилушка, словно на плаху, а пошто спешу – сам того не ведаю. Токмо бы кончить все сие. – Помолчав, он тихо добавил: – Поди к государыне, спроси, когда днешь с ней баить, а о чем, сам ты слышал.

* * *

Января семнадцатого, как указал государь, был семейный совет в покоях государыни Марьи Ярославны.

После совета перешли все к государю в его трапезную, куда и послов позвали: Ивана Фрязина, бояр Лариона Беззубцева, Тимофея Шубина, и дьяка Василия Мамырева, да посла от папы – Антонио Джислярди.

Свои послы из бояр и на совете были, а оба итальянца лишь к обеду пришли. За обедом же все речи только о решенном были, а о чем-либо тайном более ни слова никто не сказывал. Лишь указания некоторые делал митрополит да советы давала государыня, но сам Иван Васильевич молчал.

Обед длился долго, пили здравицы за государя и членов его семьи, а сам государь провозгласил всего две здравицы: за его святейшество папу римского и за кардинала Виссариона.

Во время обеда Иван Васильевич не раз подзывал к себе Курицына и посылал узнать, готовы ли наказы на русском языке: один, явный, – Ивану Фрязину, другой, тайный, – боярам, его сопровождающим. Тайный приказ боярам должен был вручить дьяк Курицын тотчас же после обеда, а явный приказ – Ивану-денежнику после передачи грамоты к папе в государевой передней.

Когда все было готово, государь встал из-за стола, а за ним поднялись митрополит и все прочие по старшинству. После краткой молитвы преосвященного все двинулись в переднюю великого князя.

Здесь государь сел на престол свой, усадил близ себя владыку Филиппа, мать, сына, братьев и близких бояр и дьяков. Тут же стояла почетная стража со своим начальником и близкие слуги государевы.

Потом вошли в переднюю Иван Фрязин с Беззубцевым, Шубиным да Мамыревым, а перед ними, немного поодаль, стал папский посол Антонио Джислярди.

Иван Васильевич, сделав знак дьяку Курицыну, встал. Встали и все присутствующие, кроме митрополита и княжой семьи. Оба итальянца преклонили колена, а московские послы земно поклонились по русскому обычаю. Государь подал знак послам встать с колен и, обращаясь к дьяку Курицыну, приказал:

– Буду яз сказывать волю свою послу папы, а ты пересказывай ему речи мои по-фряжски. – Обратившись к послу папы, государь продолжал: – Повестуй его святейшеству: «Отче святыи, моли Господа и Пресвятую Деву, да поможет Господь Бог нам с тобой в борьбе с погаными за веру христианскую. О сем пространно святейшеству твоему скажет посольство от нас, которое прибудет в Рим в едино время с послом твоим. Благодарю тя за попечения твои о царевне цареградской, невесте моей, и прошу твоего благословения».

– Слушаю, государь, – ответил через толмача Антонио Джислярди и, снова поклонившись, добавил: – В точности все передам его святейшеству.

Великий князь снова сел на престол свой, подозвал к себе папского посла, подарил ему золотой перстень с самоцветом. Итальянец в знак благодарности облобызал руку государя, отошел с поклонами и, сопровождаемый дьяком Курицыным, сел на указанной ему скамье.

Выждав некоторое время, Иван Васильевич знаком подозвал ближе к себе послов своих и кивнул дьяку Курицыну. Тот, поспешно открыв ящичек из тисненной золотом кожи, приблизился к государю. Иван Васильевич собственноручно вынул пергамент с золотой подвесной печатью своей, встал и прочел:

– «Великому Каллисту, первосвятителю рымскому, Иоанн, великий князь Белой Руси, поклон шлет, молит послам его верить». – Протянув руку, Иван Васильевич молвил Ивану-денежнику: – Передай грамоту сию его святейшеству папе.

Денежник подскочил к престолу и, преклонив колена, принял из рук великого князя пергамент, а когда встал, то подошел к нему дьяк Курицын и подал кожаный ящичек для грамоты.

– А сие, – сказал он итальянцу, подавая небольшой свиток, – наказ тебе от государя.

– Все исполню по воле государевой, – громко произнес денежник и снова склонил колена перед великим князем, восседавшим на престоле своем.

Иван Васильевич, сдвинув брови, сидел молча и только знаком велел денежнику встать. Потом, обратясь к Курицыну, сурово молвил:

– Скажи ему по-фряжски, дабы лучше он уразумел, да и папскому послу не лишне знать будет. Скажи: ежели добре мою волю выполнит и ни в чем не изолжет, вельми награжу и почту его. Ежели изолжет – пощады не будет от меня, мыслю, и от его святейшества папы.

Иван-денежник, горячий, но трусливый итальянец, упал на колени и, воздев руки, взволнованно воскликнул:

– Клянусь Пречистой Девой, ни в чем не изолгу тя, государь!

Иван Васильевич усмехнулся и, нахмурясь, сурово сказал:

– Приветствуй папу от моего имени с великим почтением и лаской. Скажи ему, что мы со всем христианством против мусульман стоим за веру православную. Как же сие сказывать, сам ведаешь, да и в наказе тебе писано. Дейте, послы мои, все по обычаям римским, но так, дабы ни папе, ни нам обиды не было. Поспасибуйте папу и кардинала Виссариона за их попечение о царевне цареградской, ныне невесте моей. Дары папе и кардиналу по наказам дарите. Царевну чтите великою честью, яко государыню свою. Подарки же ей с братьями ее, как государыня Марья Ярославна сказывала, а церковные обряды чините, как богомолец мой митрополит повелел, дабы умаления церкви православной не было, а папе – обиды.

Государь поднялся с престола своего и произнес торжественно:

– Ну, а теперь идите и днесь же отъезжайте с Богом в Рим. Да пошлет вам Господь счастливого пути и удачи. – Государь милостиво протянул руку послам и, пока те целовали ее, добавил: – Царевну по землям нашим везите в Москву с наивеликою честью, как полную государыню свою и госпожу. О пути же ее через вестников и гонцов нас упреждайте...

Глава 9

Посольство в Рим

Недели через три после отъезда послов в Рим, когда Иван Васильевич февраля шестого думу думал с дьяками Бородатым и Курицыным о новых злоумышлениях новгородских, дворецкий доложил ему о гонце из Пскова.

– Зови, – молвил великий князь.

– Он, государь, тут в сенцах со стражей нашей, – проговорил быстро Данила Константинович и, выйдя, тотчас же вернулся, ведя дородного парня с обветренным багровым от мороза лицом.

Когда гонец помолился и поздоровался по обычаю, великий князь приказал:

– Сказывай:

Парень замешкался, роясь за пазухой.

– Ну? – поторопил его Иван Васильевич.

– Прости, государь, руки-то с морозу зашлись, – виновато заговорил парень, – грамотка туточки у меня, государь. От послов твоих грамотка... Вот она! – Парень достал небольшой столбец, в толстый холст закатанный, и, развертывая его, продолжал: – Прибыл из Юрьева от немцев купец наш Кузьма Кривошеков, которому послы грамотку сию дали. Посадники же наши псковские, взяв ее у купца, повелели мне гнать к тебе денно и ночью...

Парень наконец развернул холст одеревенелыми от холода пальцами. Иван Васильевич зорко глянул на гонца и спросил:

– С гоньбой-то, почитай, не спал? Оголодал?

– Верно, государь, – воскликнул парень, – почитай, совсем не спал, да и боле кушак подтягивал, чем ел.

– Данилушка, – сказал дворецкому великий князь, – отошли-ка гонца в сторожу. Там доброй водки пусть попьет да поспит сколь влезет. Пусть ему во всем угостье привольное будет.

– Спаси тя Господь за ласку твою, государь, – кланяясь, молвил парень и вышел с начальником стражи, который тронул гонца за рукав в знак того, что беседа с государем окончена.

Иван Васильевич весело оглянулся на дьяков и молвил:

– И дороден же парень-то! Ну, читай грамотку, Федор Василич.

Дьяк Курицын, медленно разворачивая столбец, начал читать:

– «Будь здрав, государь, на многия лета. Милостию Божьей прибыли мы поздорову в град Юрьев. Здеся от бургомистра ихнего, сиречь градоправителя, сведали, что новый-то папа именуется не Каллист, а Сикстус.²³ То ж и епископ их сказывал. Мы же, не смея назад воротиться, дабы возвращением сим неуспех не накликать, помощью денежника Фрязина исчислили Каллиста, пергамент же изгладили добре и Сикстуса вписали. Днесь же отъедем из Юрьева в Колывань²⁴ и далее морем до Любека. После же на конях поедем через всю немецкую землю в Рим обычным путем, как купцы немецкие оттоле ездют. Земно тебе кланяемся слуги твои: Беззубцев и...»

Иван Васильевич усмехнулся и перебил чтение грамотки:

– Право слово ты про бояр-то сих молвил, Федор Василич. Не сымают звезд-то с неба. На уме у них не пагуба во времени, а пустые приметы, как у старых баб. – Государь, задумавшись, помолчал и продолжал: – О вести сей нету нужды никакой думать. Сказывайте далее, что еще есть у вас о злоумышлениях, которые плетет господа с королем Казимиром.

²³ Сикст IV.

²⁴ Колывань – г. Таллин.

В начале апреля того же года великий князь Иван Васильевич, по настояниям митрополита и многих богатых жертвователей, повелел заложить на Москве новый храм Успения Пресвятой Богородицы. Государь, побуждаемый строительной ревностью, хотел создать такой храм, который по красоте и величине превосходил бы не только старый московский, но и знаменитый собор во Владимире.

– Стараниями князей и митрополитов московских Москва ныне иной стала, – значительно сказал Иван Васильевич владыке Филиппу. – Надобны ей ныне иные храмы Божии и иные хоромы человеческие. Во главе всей Руси ведь Москва-то становится...

К середине апреля выкопали рвы, утолки на дне землю до твердости и наполнили белым подмосковным камнем. К концу же месяца основание новой церкви было полностью положено, оставалось лишь возводить стены, наметив точно, где и какие части храма строить.

Посему в тот же день, апреля тридцатого, в два часа дня митрополит со всем духовенством, облачившись в ризы церковные, с крестом и иконами пошел на основание церкви, повелев звонить в храмах во все колокола, как на Пасху.

Слыша звон этот праздничный и зная, к чему он, великий князь, сын его, мать и братья, обрядившись, как к великому празднику, пешком двинулись к площади кремлевской, куда шли уже бояре, воеводы, дьяки и все народное множество славного града Москвы.

Как только прибыл великий князь, стихли сразу колокола церковные, а попы и дьяконы начали петь молебен. Вслед за тем, лишь молебен кончился, пошел владыка Филипп во главе каменщиков по основанию храма и своими руками положил первые камни там, где алтарю быть, а где приделам, и по всем углам строения. Каменщики же, продолжая сотворенное владыкой, тут же от первых камней стали возводить стены...

По окончании торжественной закладки государь Иван Васильевич подошел к владыке, уже вымывшему руки и взявшему золотой крест с аналоя.

Широко перекрестившись, он громко произнес:

– Благодарю тя, Господи, что сподобил нас заложити храм сей для Руси православной на славу и честь ныне и присно и во веки веков!

– Аминь! – воскликнул митрополит и с молитвой осенил крестом государя...

Государь с семейством был уж у себя в покоях, и митрополит, благословив общим благословением все народное множество, уехал на санях к себе на подворье, сопровождаемый всем духовенством, а праздничный звон все еще гудел над Москвой, и толпы людей ходили по улицам.

Иван Васильевич, проголодавшись, сидел один у себя в трапезной и с удовольствием ел любимый свой курник, запивая его сладким, но крепким медом. После усталости от долгого стояния ему было приятно отдыхать за столом и, что совсем для него необычно и странно, ни о чем не думать. Он глядел на слюдяное окно, казавшееся в весенних лучах уходящего солнца расплавленным янтарем с багровым оттенком. Насытившись и допив чарку меда, он прислонился спиной к теплым изразцам печи и, любясь огнями уходящего дня, незаметно задремал.

Легкий стук разбудил его, и Саввушка, просунувшись в дверь, доложил:

– Федор Василич...

– Зови, зови, – сказал великий князь, оживившись и сразу отогнав дремоту.

Дьяк Курицын вошел взволнованный, но радостный.

– Сказывай же, – заторопил его Иван Васильевич.

– Из Крыма, государь, вести...

– Ну, садись ближе.

Курицын сел и продолжал:

– Помнишь, государь, прошлый раз царевич Даниар о евреине крымском доводил, имя его Хозя Кокос.

– Помню, помню. Опричь Даниара, от купцов наших о нем не раз слыхивал, – молвил Иван Васильевич, – евреин сей мудр и в делах торговых и государственных вельми хитр. Некои самоцветы мои продал он фряжинам с большим для меня прибытком. Ныне же, бают, сей Кокос стал наиглавный меж богатых купцов града Кафы.

– Истинно, государь, – заметил Курицын, – но у меня вести есть поновее. Сказывает Даниар-царевич, что князь ширинский Мамак, наиболизкий советник хана Гирея, стал ныне наместником его в Кафе. Сказывает еще царевич, что князь Мамак вельми дружит с Кокосом, про генуэзцев от него многое ведая на пользу хану Гирею и султану турецкому.

Иван Васильевич радостно сверкнул глазами и, пройдя к окну, на миг задержался возле него, поглядел в небо и снова вернулся к столу. Дьяк Курицын молчал, ожидая, что скажет государь. Тот сел за стол и молвил:

– Ну-ка, Федор Василич, налей мне меду да и себе возьми чарку.

Отпив немного, великий князь усмехнулся лукаво и сказал:

– Менглы-Гирей забыл о брате своем Нурдовлете, бежавшем к Казимиру польскому, который в союзе с ханом Ахматом? Может, забыл он, что Большая Орда – исконный враг его и султана турецкого? Пусть Кокос ему о сем напомним. Евреину же сему даров яз жалеть не буду! Весьма его пожалую, а коли надобно будет, и князя Мамака пожалую щедро.

Великий князь с большим воодушевлением много говорил своему любимому дьяку о неизбежной и долгой борьбе и с ливонскими немцами, и с немецкой Ганзой, и с Литвой, и со шведами на западе и на северо-западе, а также с Ахматом, Казанью и с другими татарами.

– Гнет сих ворогов наших надобно Руси православной порушить, снять с себя, яко цепи тягостные! – воскликнул он и, сдвинув брови, добавил: – Сбудется сие, ежели Бог даст, токмо при детях и внуках наших. Нам же надлежит, елико сил хватит, путь к победам их расчистить. Мыслию, мешать нам в сем будут не одни чужеземцы, а и свои, близкие, наипаче мои братья родные. Свой-то враг бывает злей иного всякого.

Иван Васильевич задумался и вдруг, обратившись к Федору Васильевичу, спросил совсем о другом:

– Ведомо ли тебе, где ныне посольство наше?

– Были, государь, вести, – ответил Курицын, – от купцов немецких. Баюта они, видели их, когда наши-то из Колывани в Любек на корабле приплыли.

– Ну, добре, Федор Василич, – прервал дьяка государь, – иди да немедля наряди все с царевичем, дабы нам тайно грамоту о братстве с ханом Гиреем Кокосу переслать, грамоту же сам составь, как надобно, да утре мне принеси. Прочтешь ее после обеда, и еще вместе подумаем обо всем. Может, и посла утре же отправим к евреину-то.

В первых числах мая, когда в Москве спешно возводили стены нового Успенского собора и готовились к перенесению туда мощей из старого, а великий князь подготавливал посольство к Менглы-Гирею, Иван-денежник, Беззубцев, Шубин и дьяк Мамырев с вьючным обозом своим, со слугами и охраной въезжали в Болонью, старинный и знатный город на севере Итальянской земли.

Только теперь, перебравшись через снеговые хребты Альпийских гор, послы московские, никогда не бывавшие в чужих землях, приходили в себя и начинали мало-помалу лучше понимать то, что глаза их видели.

Все же порой казалось, что на пройденном пути многое им во сне примерещилось. Колывань эта ливонская, что раскинулась на берегу морском у подножия Вышеградской горы, будто видение теперь видится, а море возле нее среди зимы у самого берега плещется, словно в сказке какой, и корабли бегут по морю этому на парусах, и лодки на веслах.

Море это Колыванское так мотало корабль их, носило с бурей из края в край целых семь дней и до того их волной закачивало, что от муки морской и страха все как при смерти были,

и не казалось уж оно им сказкой. Особенно тяжело страдал от морской болезни грузный и сырой боярин Беззубцев. Он и поныне, как вспомнит о море, крестится и говорит:

– Не дай, господи, страсти сей и ворогу злему.

– Истинно, Ларион Микифорыч, – вторит всякий раз ему Шубин. – Не зря же бают: «Кто в море не бывал, тот горя не видал».

Дьяк же Мамырев только посмеивается и добавляет всегда:

– А против рожна-то не попрешь. На Москву, когда ворочаться мы будем, вновь морем плыть надобно.

Смутно помнился им еще вольный город Любек, и то не весь, а по частям только. Помнятся им перво-наперво пристани бесчисленные, что построены по всему устью реки Траве-Вакениц, впадающей в морской залив на пятнадцать верст ниже самого города. Залив же тут большой, и весь он, на сколько глазом охватить можно, кораблями усеян: одни плывут, другие на якорях стоят, третьи к пристаням речным причалены; одни вот якоря бросают и паруса развертывают и под ветер ставят. Тут вот, в Любеке, и сошли на землю бояре, стража и слуги их, но кажется им после моря, будто и земля-то колеблется, и ноги у них, как у пьяных, нетвердо ступают. Отсюда ко граду на конях поехали, а и коней-то тоже закачало.

Подивил город этот московских послов видом своим. Чем-то похож он был на Великий Новгород: много в нем было складов товарных, дворов торговых, а вдоль речной набережной много пристаней, и мост большой через реку Траве. Только все здесь иное, да и сам-то город иной, на русские города тем не похожий, что из камня весь, словно гора каменная. Стены у него каменные, башни высокие, и хоромы многоярусные, и церкви весьма великие, и дворы гостиные тоже из камня серого да из кирпича красного. Даже мост через реку каменный, и улицы все камнем мощены...

– Град сей вольный, – объяснил боярам тогда Иван Фрязин, – один из главных градов Ганзы немецкой. У них и посадник есть, как в Новомгороде, бургомистр именуем. На два года вече его избирает. Опричь того, у них сенат²⁵ из четырнадцати человек да совет при нем человек двести – все сие подобно госпде новгородской.

После Любека боярам и спутникам их Нюрнберг не показался особо примечательным. Одно только они запомнили со слов Ивана Фрязина, что вся итальянская торговля, от всех земель и городов итальянских идет в северные земли через этот знаменитый город. Вообще же с непривычки московским людям казались города немецкие очень схожими, а сами немцы все на одно лицо.

Лишь спускаясь со снеговых гор в теплую, буйно цветущую и благоухающую долину реки По, увидели послы московские всю светозарную красоту солнечной полуденной земли, так не похожей на прекрасную, но суровую Русь. Свет и яркие краски здесь часто меркли по несколько раз в день, набегали тучи и лил дождь, а после него становилось сыро и холодно.

– Эх, у нас на Руси и то май-то месяц не такой, когда весна ранняя! – восклицали не раз москвичи по дороге к Болонье.

– Н-да, – недовольно замечал дьяк Мамырев, – и травы, и кусты буйные, и цветет все, а все же май-то у них чаще нашим сентябрем, чем маем, глядит.

– Хорошо, что шубы с собой везем, – шутил и смеялся Беззубцев, – а то порой, коли еще ветер, хоть у костров грейся.

Иван Фрязин обижался за свою родину и оправдывался.

– Сего вы не ведаете, – говорил он, сам кутаясь в плащ, – что у нас май-то месяц самый дождевой. Поглядите вон в июне, что тут будет. К Болонье же, когда подъезжать будем, враз потеплеет, и дожда не станет.

²⁵ Сенат – совет старейшин, осуществлявший в городе верховную власть. Члены Сената избирались в Любеке пожизненно, преимущественно из юристов и купцов.

В Болонье послы московские застали погожие дни. Дождей как не бывало. Небесная лазурь вся сияла светом, а солнце грело и ласкало своим теплом.

Город этот, окруженный зубчатой кирпичной стеной в шесть верст по окружности, с двенадцатью воротами и башнями, весьма понравился русским.

– Град сей, – говорили московские бояре, – куда краше немецких.

Польщенный похвалой, Иван-денежник с увлечением говорил им о дворцах и церквях Болоньи. Проехав по узеньким улицам с каменными домами, окрашенными в серый и красноватый цвет, посольство прибыло на главную площадь в середине города, к Палаццо дель Говерно. Здесь, во дворе городского правления, Иван Фрязин быстро выхлопотал удобное помещение в городе для постоя, дабы день-два отдохнуть от трудного пути.

Узнав о приезде московитов, сам подеста²⁶ прислал им приветствие и пригласил к себе во дворец на следующий день к завтраку. Послы благодарили и, спросив, в какой час им быть во дворце, отправились на гостинный двор для иноземцев со всем выучным обозом своим, слугами и стражей.

Покинув площадь с огромными мрачными дворцами, похожими на военные укрепления, послы во главе с денежником и Антонио Джислярди снова поехали по узким и кривым улицам.

В одном из трех кварталов Болоньи, на перекрестке двух улиц, послы увидели шумную и крайне возбужденную толпу. Подъехав ближе, они с высоты своих коней заметили через головы собравшегося народа двух юношей с небольшими кинжалами в руках. Один из них быстро взмахнул рукой, другой же сразу безжизненно рухнул на каменную мостовую, обливаясь кровью из рассеченного горла. Убийца хладнокровно отер свой кинжал об одежду убитого и, никем не задержанный, быстро ушел, завернув за угол.

Племянник Ивана-денежника, Антонио Джислярди побледнел слегка, но воскликнул:

– *Quel magnifico colpodi stiletto!*²⁷

– Что он баит? – спросил взволнованный Беззубцев. – Пошто тут убийство содеяли?..

– Пустяки, – хладнокровно ответил Иван Фрязин, – а сказал он: «Хороший удар кинжалом». Месть кровная...

– Пошто ж, – возмутился Василий Саввич, – злодея-то не схватили? Можно ли так – среди бела дня убийства допускать?!

Даже стража посольская заволновалась, иные из воинов в гнев великом скакать было хотели, дабы поймать убийцу или саблями зарубить, ежели биться с ними будет. Но Иван Фрязин удержал их, разъясняя, что в итальянских землях другой закон, что убийство здесь из кровной мести за злодейство не почитается. Наоборот, убийцу чтут за удаль и храбрость.

– Сего вот убили, а братья убитого и весь род его будет отныне убийцу стеречь, пока не убьют его насмерть...

– Когда же конец злодейству такому бывает? – с негодованием воскликнул начальник посольской стражи.

– А пока один род до корня не истребит другой, – нагло усмехаясь, снисходительно молвил Фрязин, – когда уж и мстить некому станет.

Начальник стражи презрительно плюнул и молвил:

– Вот гады мерзостные! Татары ордынские и те того у себя не творят, как сии латыни.

На другой день за завтраком у болонского подесты царский денежник Иван Фрязин рассказывал в сказках и баснях, описывая невероятные богатства московского царя, говорил о бесчисленных войсках русских и выставлял себя личным другом этого могучего государя.

²⁶ Подеста – глава городской общины.

²⁷ Какой великолепный удар стилетом!

В то же время успел он рассказать и послам московским кое-что о Болонье, добавив, что испросит у подесты разрешения для них осмотреть самую большую в мире церковь, которая строилась в Болонье в честь св. Петрония.

Подеста, человек пожилой, но увлекающийся, ухватился за эту мысль.

– Я сам с тобой поведу послов великого царя к святому Петронию и покажу им строительство! – говорил он с жаром. – Переведи им слова мои, пусть они все подробно осмотрят и расскажут о сем своему государю.

Послы поблагодарили подесту за добро его и ласку к ним. Иван Фрязин передал это градоправителю, расцветив все лстивыми любезностями.

Прибыв на место стройки, подеста с гордостью объявил, что церковь эта заложена в тысяча триста девяностом году и с тех пор непрерывно строится.

– Длина сей церкви, – переводил итальянец слова подесты, – четверть версты без двадцати сажень, а ширина – семьдесят одна сажень. Я запишу все числа, дабы довести потом государю нашему, который так любит строительство.

Далее, со слов подесты, дополняя все своими объяснениями, он рассказал боярам, сколько камня, извести, глины и песка сюда привезено, сколько ежедневно рабочих здесь работает, как строят стены и опоры для будущих перекрытий.

– И так вот, – воскликнул Иван Фрязин в заключение, – строят восемьдесят третий год без перерыва!

Московские послы даже взбирались вслед за подестой на леса, чтобы взглянуть внутрь стройки. Здесь, на лесах, их и застали посыльные от кардинала Виссариона, ехавшего через Болонью из Рима с личным поручением папы к королю французскому.

Остановившись у болонского архиепископа и узнав о прибытии московского посольства, он повелел тотчас же отыскать их и пригласить к себе. Послы, поблагодарив подесту, сели на коней своих и тотчас же поехали к архиепископскому подворью.

Виссарион встретил их весьма радостно. Он был в красной кардинальской мантии и в красной кардинальской шляпе, и только длинная густая борода и длинные волосы, выбивавшиеся у краев капюшона, напоминали о том, что это бывший православный архиепископ. Первым к его благословию подошел Иван Фрязин, которого Виссарион благословил по православному обычаю. После этого и бояре и дьяк почтительно приняли благословение кардинала.

Виссарион, в свою очередь слушая сообщения Ивана Фрязина о задачах посольства и о великокняжеской грамоте к папе, внимательно рассматривал московских послов, впервые в своей жизни видя русских бояр.

Он любезно пригласил послов к столу и угощал гостей только лучшими и дорогими винами, ибо послы отказались от трапезы, позавтракав уже у болонского подесты.

За столом кардинал сидел без шляпы и тем еще более походил на представителя православной церкви. Виссарион был очень ласков с послами, а о государе московском говорил с большим уважением и почтением.

Потом, извинившись, что оставит гостей на краткое время, он вышел, чтобы написать жителям города Сиены небольшое письмо, которое он хотел передать городским властям через московских послов.

Дьяк Мамырев был весьма изумлен, когда всего через четверть часа кардинал вернулся с готовым уже письмом и, сядя за стол, сказал Ивану Фрязину:

– Письмо сие писано по-латыни, которой ты не знаешь.

Содержание письма было таково: «Мы встретились в Болонье с посланником государя Великой Руси, едущим в Рим, дабы заключить там от имени своего господина брак с племянницей византийского императора. Это – предмет наших забот и попечений, ибо мы всегда были

воодушевлены чувствами благорасположения и сострадания к принцам византийским и считали своим долгом помогать им постоянно из общих связей наших с отечеством и народом.

Теперь, если этот посол повезет невесту через ваши пределы, мы усердно просим вас ознаменовать ее прибытие каким-либо празднеством и позаботиться о достойном приеме, дабы сия девица и послы, вернувшись к своему господину, могли бы сообщить о расположении к ней народов Италии. Ей это доставит уважение в глазах ее супруга, вам славу, а для нас будет такой услугой, за которую мы всегда будем вам обязаны...»

Виссарион, положив свое письмо перед собой, сказал Ивану Фрязину:

– Буду читать тебе по-итальянски, а ты следом за мной переводи по-русски.

Кардинал стал медленно читать лишь те места, которые нужно было знать послам, а Иван Фрязин повторял его слова по-русски:

– Пишу гражданам града Сиены: «Возможно, посланник государя Великой Руси, отъезжая из Рима с государевой невестой, племянницей византийского императора, проедет через ваш град. Посему молю вас оказать невесте и посольству почет и ласки, содейвав достойные их праздники, дабы, чтя невесту, почтить и великого государя всей Белой Руси».

На этом Виссарион закончил и простился с послами московскими, ибо в тот же день спешно отъезжал из Болоньи к французскому королю.

Свой путь из Болоньи до Сиены послы государя московского совершали в тихие дни. Уходящая весна была нежной и ласковой, доцветали еще вишни, яблони и сливы, роняя, как снежинки, свои белые лепестки, а на смену им боярышник пышно распускал красивые кисти крупных белых цветов, сплетаясь колючими ветвями в живые стены вдоль садовых изгородей. В полях же узорными коврами пестрели бело-желтый поповник, синие колокольчики, белые, розовые и пурпурно-розовые цветы разных видов, что растут в полуденных странах. Среди тишины полей, из кустов шиповника и густых олеандровых зарослей, набравших уж цвет, слышно было звонкое пенье дроздов, малиновок и других мелких птичек. В самые же знойные часы дня, когда природа как бы вся замирала в истоме, из травы раздавалось стрекотанье кузнечиков, а с ветвей деревьев и кустарников звучало еще более громкое, приятное стрекотанье цикад.

– Ну, тут благодать Божия, – говорили москвичи, давно уж сложившие в дорожные выюки не только шубы, но и кафтаны.

Теперь они ехали в расстегнутых летниках или просто в одних шитых рубахах.

Оба итальянца и государев денежник Иван и племянник его Антонио, радостно оживленные воздухом родной земли, всю дорогу громко и непрерывно болтали, размахивая руками, и пели веселые песни. Позади них, несколько поодаль, ехал доминиканский монах, приставший к поезду послов московских в Болонье.

– Видно, мощна-то у него туго набита, – шутили воины посольской стражи, – к нам пристал, разбоя боится...

– Не без того, – отвечали другие, – у них тут, бают, не токмо ночью, а днем догола грабят.

– Они, отцы-то духовные, видать, во всех землях одинаковые.

– Истинно, – молвил начальник стражи, – каждый из них на Бога-то поглядывает, а по земле пошаривает.

У итальянцев шел свой разговор. Говорили они о кутежах и женщинах, так доступных здесь. Оглядываясь на русских, они снисходительно посмеивались.

– Бородатое стадо ведем, – проговорил Иван Фрязин. – Дает же Бог этим козлам и баранам золотое руно... – Он громко рассмеялся и добавил: – Во главе такой паствы самое хорошее дело бородатому кардиналу Виссариону быть. Он бы и в унию их привел, и золотое руно с них снял бы. Да и сам папа не прочь с пользой потаскать их за бороды...

В это время Антонио Джислярди, оглянувшись, заметил, что доминиканец приближается к ним. Он прервал речь Ивана Фрязина и пробормотал вполголоса:

– Любезный дядюшка, вспомни, как говорят наши мужики: «В закрытый рот муха не влетит». Ты же так рот разинул, что не только муха влетит, а и целая ехидна вползет...

Иван Фрязин смолк и, покосившись назад, шепнул:

– Совсем забыл о «псе господнем»...²⁸

Пришпорив слегка коня, он ближе подъехал к москвичам и, указывая им на каменные стены с зубцами и башнями, из-за которых виднелись красные черепичные скаты высоких крыш с узкими и длинными дымовыми трубами, весело крикнул:

– Вот и град Сиена! В середине же града, как гора, возвышается к небу Сиенский собор.²⁹ Двести лет его строили многие знаменитые зодчие, а иконы писали и стенную роспись творили славные живописцы. Камнерезцы же и златокузнецы богато его изукрасили мрамором, серебром и золотом.

– Полагаю, весьма велик собор-то, – заметил Беззубцев.

– У него три нефа,³⁰ – продолжал Иван Фрязин, видя, как доминиканец уже вступил в беседу с его племянником. – Длина же сих нефов – сорок четыре сажени, а ширина – двенадцать с четвертью.

Московские бояре подивились сему строению, но показалось оно им слишком затейливым. Все из тонких башен с подпорами каменными со всех сторон.

– Что-то и на церковь не похоже, – молвил Беззубцев.

– Наши храмы-то лучше! – горячо воскликнул дьяк Мамырев. – В наших-то все кругло, спокойно, молитвенно, а тут все торчмя торчит, беспокоит все!

– Истинно так, – согласился Шубин, – какая тут молитва...

С такими речами въехали они в главные ворота града Сиены и направились к площади, где находится ратуша.

– Град сей вельми занятен, – продолжал Фрязин, – токмо гостить в нем мы долго не будем. Грамотку кардинала Виссариона градскому совету передадим да испросим место для ночлега. Утре же отъедем в Рим.

Двадцать третьего мая тысяча четыреста семьдесят второго года в жаркое, ясное утро посольство московское, пересекая поля Кампаньи, медленно приближалось к Риму, когда-то стоявшему во главе всего христианства.

– Вот он каков, град-то великий, – молвил задумчиво боярин Беззубцев, – а впал в ересь, и покарал его Господь: пал он от руки язычников...

– Истинно, – заметил дьяк Мамырев. – Стал Цареград грецкий Вторым Римом, оплечье всего православия.

– Ныне же, – продолжал Беззубцев, – и Цареград, впав в ересь латыньскую, от руки турок упал, и Москва, по воле Божией, ныне Третьим Римом стает.

Волнуясь, говорили об этом меж собой москвичи, боясь, как бы не уронить достоинства Москвы перед Римом. Они просили дьяка Мамырева, чтобы он до встречи их с папой перечитал им указы государя и митрополита: боялись они, как бы огрешек не сделать, да и за Фрязином-то зорче глядеть надобно – обмануть может.

– Ведь государь-то наш в жены берет царевну цареградску, – говорил Беззубцев.

Но о тайных наказах нельзя было говорить в присутствии Ивана Фрязина, и дьяк Мамырев, подмигивая на государева денежника, сказал:

– Успеет. Все перечту вам перед тем, как у папы быть. Пока же будем на красоту сию Божию смотреть и про себя думы думати.

²⁸ Псы господни – так народ прозвал создателей инквизиции за герб ордена доминиканцев, изображающий собаку с горящим факелом в пасти.

²⁹ Сиенский собор – одно из лучших произведений итальянской готики – строился с начала XIII до конца XIV века.

³⁰ Неф (корабль) – продолговатая часть храма, простирающаяся от главных входных дверей до хоров, покрытая сводами. Эта часть древних церквей имеет сходство с кузовом опрокинутого вверх дном корабля.

А красота кругом была великая. Будучи чем-то похожи на русские степи, пустынные поля Кампаньи лежали вокруг в спокойном безмолвии, простираясь во все стороны до крайней черты горизонта. Поля были заболочены и в солнечном блеске сверкали водой среди камышей и осоки, а местами, на более высоких лужайках, были густо позолочены ярко-желтыми цветами, среди которых, как горящие угли, пламенели пунцовые лепестки дикого мака.

С левой руки едущих москвичей эти поля кончались резкой ровной чертой, над которой сквозной стеной стояли, будто в воздухе, четко выделяясь на серебристо-голубом небе, арки древних водопроводов.

Когда московские послы оглядывались назад, то за обширной равниной полей далекие громады гор вставали сияющими легкими облаками, готовыми, казалось, улететь в розовато-синеватое небо.

По правую руку посольского поезда горы были ближе и возносились выше, тяжело и громоздко выступая рядами; постепенно понижаясь, как бы тая в голубой дымке, они уходили уступами в неясную даль.

Прямо же против путников, за гладью полей возникал Рим. В лучах солнца ярко и резко из черной тени его зданий выступали углы и линии домов, поднимались церковные купола и статуя Иоанна в Латеранском дворце, выраставшие по мере приближения все выше и выше в ясном, прозрачном воздухе.

Московское посольство не поехало прямо в город, а по принятому обычаю, проехав Триумфальной дорогой, остановилось на холме Монте Марии, вблизи въездных городских ворот. Здесь послам, по указанию Антонио Джислярди как представителя папы, была отведена для постоя прекрасная мраморная вилла.

– Утре или через день, – перевел русским боярам Иван Фрязин слова своего племянника, – нам будет от папы указано, каким чином и порядком ехать к нему во дворец и как будет он нас принимать. Тут же нам покои отведут, а поить и кормить будут с великим почетом. Вбóрзе дадут нам и всем слугам ужин и коней наших накормят.

Но трапеза из-за большого числа приехавших задержалась, и москвичи, расположившись в отведенных им покоях, расставив коней по конюшням и нарядив стражу, вышли на мраморную лестницу виллы поглядеть на ярко-багряную зарю, охватившую полнеба. Заря непривычно быстро для северян погасла, и в один миг померкли поля, одевшись в густую вечернюю мглу. Жаркий день сразу перешел в ночь, сырую и холодную, а во тьме ее горящими искрами засверкали повсюду крылатые светляки, кружась золотистыми стаями над кустами и вокруг деревьев.

Это было так красиво, что москвичи, несмотря на дрожь и голод, неохотно пошли к ужину, который ели в трапезной уже при свечах.

Двадцать четвертого мая к Ватиканскому дворцу папы, что построен на холме возле базилики³¹ святого Петра, одна за другой подъезжали громоздкие золоченые кареты, вроде колымаг, с ярко-красными занавесками и гербами своих владельцев. Из карет важно выходили пожилые и старые кардиналы в красных шляпах и в пышных княжеских мантиях. Более молодые кардиналы, пользуясь последней милостью недавно усопшего папы,³² прибывали верхом на белых конях, покрытых красной попоной с золотой застежкой на груди. Сановные всадники держали в одной руке золотые поводья, а в другой – открытый красный зонтик. Каждого из кардиналов сопровождала его личная конная охрана.

Все это – члены папской консистории,³³ созываемые его святейшеством для решения важнейших иностранных и внутренних дел его владений.

³¹ Базилика – древняя католическая церковь. В данном случае церковь святого Петра, построенная в IV веке н. э.

³² Павел II.

³³ Консистория – собрание кардиналов в присутствии папы. Консистории бывают тайные или очередные (по церковным делам) и открытые или чрезвычайные (по государственным мирским делам).

Когда кардиналы поднимались по мраморным лестницам, они проходили мимо часовых и офицеров папской гвардии, отдававших им честь оружием.

В малом зале консистории для тайных заседаний были уже почти все кардиналы, члены папского правительства: заведующий финансами, викарий – заместитель папы в римской епархии, вице-канцлер – председатель римской канцелярии, оба статс-секретаря – один по иностранным, другой по внутренним делам – и прочие придворные сановники.

Сам папа уже сидел на престоле и беседовал со своим послом, ездившим к государю московскому. Антонио Джислярди, почтительно склонившись пред его святейшеством, отвечал на вопросы, задаваемые ему самим папой и его кардиналом, статс-секретарем по иностранным делам.

– Если вашему святейшеству, – закончил свои сообщения Джислярди, – мои объяснения не покажутся достаточно полными или убедительными, осмеливаюсь предложить вашему святейшеству вызвать для тайной беседы к себе главу московского посольства, моего родного дядю, дворянина из Виченцы, Джана Баттиста делля Вольпе. Он истинный сын святой нашей церкви и скажет всю нужную вашему святейшеству правду.

К этому времени, согласно ранее указанному папой часу, собрались все члены тайной консистории. Его святейшество, заметив это, обратился к Антонио Джислярди:

– Пока мы будем совещаться здесь, ты съезди и привези сюда своего дядю. – Подозвав знаком одного из слуг, папа добавил: – Слуги мои дадут тебе одну из карет для почетных гостей.

Когда все кардиналы заняли места свои на совещании, папа, окинув взглядом собрание, произнес:

– Ваши преосвященства, на совете сем нам предстоит решить вопросы по иностранным делам, и притом тайные, ибо связаны они с делами нашей Святой церкви. – Папа помолчал, собираясь с мыслями, и продолжал: – Ныне прибыло к нам посольство московитов от князя Ивана, государя Белой Руси, с двумя целями: дабы поздравить нас с восшествием на престол и дабы заключить брак с дочерью духовной нашей Зоей, дочерью покойного морейского государя Фомы Палеолога. В сем деле прошу ваших советов.

Первыми выступили один за другим два кардинала: один немец, другой поляк.

– Да простит мне его святейшество, – сказал немец, – у меня есть сомнения. Многие утверждают, что русские – упорные схизматики.³⁴

– Но не еретики,³⁵ – возразил папа.

– Ваше святейшество, – воскликнул поляк, – но русские не признают главенства Римской церкви!

Выслушав еще несколько различных мнений, папа заключил:

– Русские, как и греки, участвовали во Флорентийском соборе, и мы не видим канонических³⁶ препятствий к этому браку.

Папа покусал слегка свои сухие тонкие губы и, нахмурившись, добавил:

– Нам, наместнику святого Петра, надлежит, как это и делали святые апостолы, хранить и увеличивать стадо Христово. Недавно почивший кардинал Исидор, будучи митрополитом московским, привел Москву к унии. Ныне его преосвященство кардинал Виссарион продолжил дело покойного раба Божия Исидора и скрепляет еще более узы наши с Русью, доказательством чего и служит посольство к нам от могучего государя московского. Сие – перст Господень, указующий, где нам черпать силы для крестового похода против турок за освобождение Гроба Господня.

³⁴ Схизма – раскол внутри церкви, касающийся не основных догматов, то есть учения веры, а только обрядов.

³⁵ Еретики – люди, отрицающие не только те или иные обряды господствующей церкви, но и догматы веры.

³⁶ Канонический – относящийся к законам церкви. Каноны – постановления Вселенских церковных соборов.

Эта краткая речь его святейшества, произнесенная хотя и не совсем искренне, произвела впечатление, напомнив членам консистории политику папы Павла.

Полились горячие речи. Кардиналы приветствовали призыв его святейшества к новой борьбе с неверными, восхваляли Москву и высказывали уверенность в ее помощи. С деловыми предложениями первым выступил статс-секретарь по иностранным делам. Он блестяще доказал, что нужно воспользоваться таким благоприятным случаем, как брак царевны с королем московским Иваном, и привлечь в лоно Римской церкви это могучее государство, а потом силами его сокрушить нечестивых турок.

– Сие – перст Господень, – воскликнул он, – как сказано было его святейшеством! Сие – золотые слова его прозорливости! И мы сразу должны идти по двум путям. Приняв брак, послать с царевной, нашей дочерью духовной, легата³⁷ его святейшества, который укрепил бы унию в Москве и через будущую супругу государя внушал бы мысль о крестовом походе.

В развитие этих мыслей были предложены поправки и дополнения, и все было принято и одобрено его святейшеством. Решено было совершить обручение в базилике святого Петра при участии всех прелатов³⁸ и с большим торжеством. Избрать для поездки в Москву с царевной папским легатом епископа Антонио Бонумбре. Папа при этом представил Бонумбре право выбрать для своей свиты монахов из какого ему угодно ордена. Постановлено было также выдать епископу на дорожные расходы шестьсот дукатов,³⁹ а царевне на те же цели папа хотел назначить свыше четырех тысяч дукатов.

Этот вопрос вызвал самые оживленные обсуждения. Нужно было определить количество денег, где их найти и как взять эти деньги под благовидным предлогом. Все прекрасно понимали, что дело не ограничится только пятью-шестью тысячами дукатов. Все знали также, что папа, даже при большей расточительности, всегда сможет добыть денег, ибо у его святейшества была в полном распоряжении особая военная казна, непрерывно пополняемая огромными доходами от продажи квасцов. Право на эти доходы еще при Павле II было предоставлено исключительно святому престолу для ведения войн против турок. Казной этой заведовали главные агенты крестовых походов, любимые кардиналы его святейшества: Эстувилль, Каландрина и Анжело Капрани. Казна эта не подлежит общей отчетности и хранится у знаменитых банкиров, ныне уже и суверенных государей Флоренции – Лоренцо и Джулиано Медичи.

Члены консистории боялись крутого по характеру папы Сикста, но всегда были уверены, что его святейшество, не стесняясь никакими средствами и алчно загребая груды золота, некоторые, не совсем малые крохи этого металла предоставит и своим кардиналам. Под сенью такого могучего дуба, укрепившегося на святом престоле, немало также продавалось и дарилось церковных и светских доходных должностей и творились всякого рода выгодные торговые сделки.

Папа, тоже отлично зная своих слуг, и духовных, и светских, быстро закончил заседание тайной консистории. Хитро и насмешливо улыбаясь только уголками губ, он после небольшой пышной речи о служении святому престолу, о борьбе со всеми врагами веры христианской сказал очень просто и деловито, но твердо, как государь, о своих планах:

– Итак, ваши преосвященства, все ясно. Мы повелеваем нашему вице-канцлеру изготавить приказ почтенным господам Лоренцо и Джулиано Медичи перевести в нашу особую казну шестьдесят четыре тысячи дукатов в распоряжение агентов крестовых походов. Из этих денег агенты выдадут дочери нашей, царевне Зое, пять тысяч на путевые издержки при поездке в Москву и прочие цели; епископу Антонио Бонумбре – шестьсот дукатов. Завтра же здесь мы будем принимать послов московского государя. Все придворные наши и кардиналы с поче-

³⁷ Легат – посол от папы, кардинал или епископ.

³⁸ Прелаты – представители высшего католического духовенства.

³⁹ Дукат – старинная золотая монета ценой около трех рублей золотом по курсу XIX века.

том должны приветствовать московитов. – Взглянув на входные двери и заметив стоявшего там Антонио Джислярди, он закончил: – На сем закрываем мы заседание тайной консистории. Наша канцелярия уведомит вас всех о часе и порядке приема здесь же посольства великого князя.

Его святейшеству не было ведомо, что Джан Баттиста делла Вольпе изменил Латинской церкви и снова крестился, приняв учение Греческой церкви. Все же, зная достаточно людей своего времени, папа из осторожности решил хорошенько прощупать посла московского, видимо, смелого и ловкого хищника, втершегося в доверие государю.

Когда Антонио Джислярди пригласил в зал консистории Ивана Фрязина, тот вошел гордо и независимо, но, увидев папу, тотчас же со смирением опустил на колени и поцеловал край его лиловой мантии.

Это не подкупило папу и, благословив Ивана Фрязина, он обратился с улыбкой к статс-секретарю по иностранным делам и сказал по-гречески:

– Вижу сразу, что он из тех ловкачей, которых немало среди нашей паствы. Хочу знать только, умен ли он достаточно и может ли быть нам верным слугой. После развейте о нем подробнее и мне доложите. – Затем, обернувшись к Ивану Фрязину, милостиво спросил: – А как московский государь блюдет унию со святой церковью нашей?

– Государь мой чтит ваше святейшество как истинного пастыря нашей святой веры! – почтительно и с искренней уверенностью, как все увлекающиеся лгуны, воскликнул Иван Фрязин и, зная основную слабость папы, еще убежденнее добавил: – Если бы не Филипп, митрополит московский и всея Руси, давно бы бесчисленное войско царя Белой Руси по воле вашего святейшества осаждало бы Царьград и било бы турок!

Папа благосклонно улыбнулся и заметил:

– Мы надеемся, что царевна Зоя, наследница Византийской империи, принявшей Флорентийскую унию, истинная дочь церкви, будет верной опорой государю московскому в борьбе с митрополитом...

– Как верно, – с восторгом подхватил Иван Фрязин, – и тонко задумано вашим святейшеством! У русских даже пословица есть: «Ночная кукушка дневную перекукует!» Царю же московскому, как сам я видел, царевна весьма понравилась... Кроме того, мне как другу говорил он сам.

Сикст усмехнулся и, с улыбкой оглядев кардиналов, переспросил:

– Как это насчет кукушки-то?

– Ночная кукушка дневную перекукует, – повторил Иван Фрязин, подчеркивая голосом разницу между ночной и дневной кукушкой.

Все присутствовавшие прелаты весело рассмеялись.

– Это в духе фаблио,⁴⁰ – сказал вице-канцлер, усмехаясь во всю свою лисью мордочку, – в пословице есть достаточно аттической соли.⁴¹

После этого папа, расспросив Ивана Фрязина о его скитаниях у татар, кизил-башей, о его морских и сухопутных путешествиях, отпустил с честью посла государя московского и, обратясь к своим кардиналам, сказал:

– Этот, как говорит Вергилий, «скиталец по морям и по суше» не глуп и ловок, но особого доверия не вызывает.

– Я бы, ваше святейшество, – заметил статс-секретарь по иностранным делам, – судя по тону ваших речей, так перевел бы слова великого поэта: не «скиталец», а «бродяга»

⁴⁰ Фаблио – мелкие бытовые сцены шутивого и двусмысленного содержания с меткими замечаниями; сочинены большей частью в XIII и XIV веках.

⁴¹ Аттическая соль – откровенная, но изящная острота.

по морям и по землям, и даже короче: «проходимец»! Это, мне кажется, ближе к действительности!

В этот же вечер у его святейшества была сугубо тайная беседа. Это происходило в покоях папы Сикста, так сказать, в его домашней обстановке. Его святейшество в лиловом бархатном халате и в лиловой же шапочке с белым кантом по низу непринужденно держал себя и беседовал совсем запросто. Мужчина лет шестидесяти, но крепкий и здоровый, он время от времени останавливал нежный взгляд на красивом кудрявом мальчике лет двенадцати, который весь вечер неотступно был при его святейшестве. Все знали, что этот мальчик по имени Ченчо – сын папского цирюльника и наиболее любимый из всех мальчиков, служивших грехам папы. Придворные Сикста делали вид, что они ничего не замечают. В такой обстановке папа принимал и двух знатных греков, братьев Траханиотов, Димитрия и Георгия, близких и к кардиналу Виссариону, и к детям Фомы Палеолога, покойного деспота морейского.

Греки эти были униатами и, как Виссарион, верными слугами папского престола. Оба брата по желанию папы должны были сопровождать царевне Зое и папскому легату Антонио Бонумбре. Что касается Ивана Фрязина, то он не был приглашен, ибо папа, не доверяя этому ловкому человеку, хотел использовать только его пребывание в Риме как доказательство своего влияния на самые далекие страны, возвышавшее его в глазах христианских государей Европы.

На этом заседании присутствовали вице-канцлер и оба статс-секретаря – по иностранным и внутренним делам.

– Московское посольство, – говорил папа, – должно дважды послужить нам. Первое – завтра, у нас на аудиенции, когда будут присутствовать и послы от государей Неаполя: Феррары, Венеции и Милана. С ними мы заключаем союз для крестового похода против турок. Пусть все государи увидят воочию власть святого престола над душами даже самых отдаленных от нас христиан. Второе – покажем это же посольство и нашим крестоносцам при благословении нами галер крестоносного флота, который вскоре отплывает к турецким берегам. Это увеличит мужество и рвение крестоносных воинов. – Папа слегка усмехнулся и продолжал совсем доверительно: – Как во всех государственных делах, так и в этом деле нужно все подготовить так, дабы действие обращения нашего было сильно, воспламенило бы души, а нам принесло бы славу и прибыль. – Папа ласково обратился к братьям Траханиотам, но сказал настойчиво, заранее устраняя возможность возражений: – Вы должны доказать свою преданность унии и помочь в этом святому престолу. Сегодня же идите к послу государя московского и помогите ему подготовить речь, как это нам нужно, «от лица всех русских славян» о признании ими главенства над собой наместника святого Петра...

– Выполним все, ваше святейшество, во имя истинной веры...

– В этом мы не сомневались, – благосклонно перебил их папа, – но мы хотим от вас и большего. Мы хотим, дабы вы вместе с легатом нашим и царевной Зоей поехали в Москву и там крепили бы дело унии все вместе. За сие будете спасены на Суде Божиим в Царстве Небесном и весьма вознаграждены в жизни земной.

Греки радостно переглянулись. Зная тяжелый нрав Сикста, его скупость, мелкое тщеславие и жестокость, Траханиоты были давно готовы сменить этого духовного государя на любого светского.

После всех этих высоких речей беседа приняла деловой характер. Говорили о том, что в Швеции, недалеко от русской границы, живет много образованных монахов из ордена доминиканцев и что искусством их проповеди и умением подчинять себе христиан инквизиторскими приемами можно будет воспользоваться во Пскове и Новгороде, найдя там себе сторонников среди русского священства.

– Короче говоря, – закончил папа, – нам надобно во что бы то ни стало подчинить Риму могучее Московское государство, но осторожно и тонко, дабы оно стало для нас надежным ору-

дием борьбы с неверными. Для вас, греков, это важнее, чем всем прочим вместе. Как говорит его преосвященство кардинал Виссарион, Русь должна служить и Риму и Царьграду, а не мы ей. Это есть главная тайна, тем более не доверяйте ее послу московскому Вольпе, царскому денежнику.

Все приняли со смирением советы и указания его святейшества, но статс-секретарь по иностранным делам осмелился высказать некоторые опасения.

– Да простит мне ваше святейшество, – нерешительно заметил он, – меня несколько пугает то, что Казимир, король польский, будет раздражен нашим союзом с Москвой.

Веселый раскатистый хохот папы прервал речь статс-секретаря.

– Казимир будет, страшно сказать, раздражен! – проговорил он сквозь смех. – Король Казимир! Королевство польское! Да нас и «*Sacrum Imperium Romanv Nationis Teutonicae*»⁴² не устрасит более, чем летучая мышь или дикий кролик! Сам император Фридрих Третий, что со своим двором ныне кормится в наших монастырях, не посмеет пикнуть пред святым престолом, а его Казимир напугал!

Посмеявшись вдоволь, его святейшество в самом хорошем расположении духа нежно потрепал за подбородок Ченчо и ласково спросил:

– Милый мальчик хочет ужинать и бай-бай?

Ченчо улыбнулся в ответ и развязно заметил:

– Ладно! На сегодня побольше мальвазии. Хочу напиться...

Не только Траханиоты, кое-что слыхавшие о сыне цирюльника, но и привыкшие ко всему папские придворные опустили глаза от смущения и стали поспешно выходить из покоев папы, пожелав ему доброй ночи...

Выехав за ворота Ватикана, греки заговорили вполголоса.

– Я забыл тебе сказать, – промолвил Георгий Траханиот старшему брату, – что в провинциях начались бунты крестьян.

– Слышал. Говорят, опять из-за зерна.

– Неслыханное мошенничество и бесстыдное ограбление народа. Папа еще осенью скупил насильственно пшеницу во всей Церковной области по одному дукату за руббио.⁴³ Зимой продал зерно гонуэзцам, у которых был плохой урожай, по четыре и по пять дукатов за руббио. Весной же, когда мужики Церковной области стали голодать, он скупил за малую цену у короля Ферранте неаполитанское прелое зерно, ссыпал его в свои склады и продает теперь.

– По милосердию своему, – насмешливо вставил Димитрий, – по...

– По цене, – возмущаясь продолжал Георгий, – не менее чем три дуката за руббио! Хлеб из этого зерна выходит темный, воняет затхлостью, но его едят, чтобы не умереть с голоду.

– Страшный человек, – проговорил тихо Димитрий. – Он в одно время наместник и Христа, и самого дьявола. Мы будем счастливы, если уйдем из-под его руки и будем жить подальше от святого престола. Из-за денег, нужных для страстей его, он свершит любое преступление, не щадя ничьей жизни.

– Да, это худший из злодеев, – прошептал Георгий.

На другой день, мая двадцать пятого, Иван Фрязин, бояре и дьяк в дорогих кафтанах прибыли в Ватикан с большой пышностью, на конях, украшенных великолепной сбруей с золотыми бляхами, самоцветными камнями и султанами из перьев. Их сопровождали конные слуги и стража, которые везли ценные подарки от государя московского для папы и его двора, для царевны Зои и ее двух братьев.

Посольство это было встречено с великим почетом у лестницы папского дворца кардиналами и придворными Сикста. Время же было так подогнано, чтобы послы московские могли

⁴² «Священная Римская империя германской нации».

⁴³ Руббио – мера веса, равняется 10,25 килограмма.

видеть торжественное возвращение папы из базилики святого Петра и лицезреть его святейшество во всем его величии и блеске.

Московские послы действительно были удивлены этим церковным зрелищем, но удивление их было не в пользу латинства. Москвичам казалось диким и нелепым все, что они видели. Они вполголоса говорили между собой и непрерывно задавали вопросы Ивану Фрязину.

Заметив впереди всего шествия высокого, крепкого мужчину без бороды, но с длинными черными усами, Беззубцев спросил у Ивана Фрязина:

– Кто сей?

– Камерарий, – отвечал тот, – дьяк и советник папы.

Камерарий нес жезл и был одет в черные башмаки с помпонами и в черные чулки до колен. Была надета на нем долгополая черная рубаха, застегнутая посередине груди от горла до пояса, с круглыми большими пуговицами. На широком кожаном поясе с большой пряжкой висел длинный меч. Из-под низкого ворота рубахи, окружая шею белыми кружевами, как пеной, резко выделялся на черном другой высокий воротник. Поверх рубахи был черный полукафтан, а на голове черная же шляпа, лежавшая блином.

– А за ним кто сии двое, – спросил дьяк Мамырев, – кардиналы?

Денежник в ответ утвердительно кивнул головой.

Кардиналы шли в красных мантиях, волоча длинные подолы по земле. На плечи их были надеты белые безрукавные накидки, а поверх них, на золотых цепочках, у каждого на груди висело по золотому латинскому кресту с распятием. Их коротко остриженные волосы ничем не были покрыты, что придавало их бритым лицам совсем мирской вид.

– Как на Божьи церкви их храмы не походят, – насмешливо заметил Шубин, – так и священство их не духовное, а мирское.

Шествие папы совершалось очень медленно, а по сторонам его и позади, поблескивая стальными латами и шлемами, величаво двигалась папская стража. В самом же конце шествия виднелось над головами идущих что-то вроде престола, изукрашенного золотом и камнями, на котором сидел не то человек, не то идол, сделанный наподобие человека. На нем светлая мантия, богатая золотым шитьем и камнями, а на голове высокая золотая шапка с крестом, сверкавшая самоцветами. Над шапкой этой, справа и слева, особые служители в красных рясах медленно покачивали опахалами из длинных перьев. Четыре здоровых мужика, тоже в красных рясах, несли на плечах своих носилки, на которых и был укреплен престол.

– Кто же сей, на престоле-то, – воскликнул Мамырев, – уж не папа ли?

– Он и есть, его святейшество Сикст, – вполголоса ответил Иван Фрязин и поспешно добавил: – Шапки сымайте, видите, нас благословляет.

Послы и слуги снимали шапки, а Мамырев все еще не мог успокоиться.

– Пошто же его носят, – допытывался он у Фрязина, – ноги, что ль, у него посохли?

Но Фрязин не ответил, носилки уже приближались к самому посольству, и папа с острым любопытством смотрел сверху на бородатых людей в непривычных для европейского глаза одеждах. Папа насмешливо улыбнулся, но все же благословил их с большой благосклонностью.

– Поглядел на нас ласково, – молвил Беззубцев.

– Яко тать на чужой кафтан, – с досадой добавил дьяк Мамырев.

Встретив папу и следуя за его шествием, кардиналы и другие придворные чины привели московских послов в приемную папского дворца.

Здесь посольству было почтительно предложено отдохнуть в ожидании приглашения его святейшества к себе в тайную консисторию.

Иван Фрязин, когда послы остались одни в приемной, тотчас же достал грамоту государя Ивана Васильевича и приготовил ее для передачи его святейшеству, чтобы не замешкаться пред лицом папы. Потом, обратясь к боярину Беззубцеву, спросил:

– Как у тебя с дарами папе и царевне? Все ли приготовлено?

Беззубцев указал на слуг своих, стоявших гуськом друг за другом, держа в руках подарки, прикрытые шелковыми тканями: соболью шубу, большие связки собольих и куньих выделанных шкурок, золотые и серебряные вещи.

– Все наряжено, – молвил он, – как в наказах государя и государыни писано.

– А в запасе для других нужных людей подарки есть? – снова спросил государев денешник.

– И о сем в наказах есть, – ответил дьяк Мамырев, – обо всем точно писано.

Иван Фрязин недовольно поморщился:

– Сему запасу надлежит у меня в руках быть.

– Сего же вот, – с живостью возразил боярин Беззубцев, – в наказах нету. Мы сами давать все будем по надобности и кому ты укажешь.

Иван Фрязин вспыхнул, но сразу стих, когда вошел секретарь Сикста, сопровождаемый почетным караулом папской гвардии, и пригласил посольство в тайную консисторию.

Прием у папы послов московских был торжественный, с участием кардиналов, всех придворных чинов, при почетном карауле папской гвардии. Не менее торжествен был и приход посольства. Послы вошли в дорогих парчовых кафтанах и в собольих шапках. Во главе их шел Иван Фрязин, тоже в русском парчовом кафтане, украшенном самоцветами.

За спиной послов, лицом к папе, стояли большим полукругом слуги с подарками и стража из воинов в красивых кольчугах, с блестящим вооружением. Это производило на всех внушительное впечатление.

Иван Фрязин, будучи в русской одежде и представляя особу великого князя московского, на этот раз не вставал перед папой на колени, а отвесил ему, как и его русские спутники, глубокий поясной поклон, коснувшись рукой дорогого ковра, застилавшего пол перед папским престолом.

Слуги и стража стояли позади посольства неподвижно, не снимая шапок, что делало приветствия послов более торжественными и величавыми. После поклонов Иван Фрязин раскрыл тисненый кожаный ларец и вынул из него малый, прекрасно изготовленный лист пергамента с привесной золотой печатью на шелковых шнурах.

Это было краткое письмо государя московского, писанное по-русски. Увидев это, все послы сняли шапки, а Иван Фрязин громко и торжественно прочел письмо государя по-итальянски:

– «Великому Сиксту, первосвятителю римскому Иоанн Великий, князь Белой Руси, кланяется и просит верить его послам».

Краткость и сжатость содержания и некоторая холодность в обращении как будто обидели его святейшество, привыкшего не только к церковному фимиаму, но и к фимиаму лести и заискиванию больших и малых католических государей. Но дальнейшее выступление самого Ивана Фрязина, говорившего от имени московского царя, привело папу в отличное настроение.

– Царь Белой Руси, – начал посол, вдохновенно претворяя в речь государя московского недавнюю беседу свою с братьями Траханиотами, – и все русские славяне от души и сердца признают главенство первосвятителю римского и жаждут укрепить унию церквей, которую признали они во Флоренции.

Закусив удила и увлекаемый своим красноречием, Иван Фрязин, восхваляя до небес папу Сикста, говорил и о готовности царя Ивана послать войско против турок, и о том, что царь, радостно принимая из рук его святейшества в супруги царевну Зою, тем самым подтверждает искренность своих намерений бороться с врагами веры христианской.

Статс-секретарь по иностранным делам, сложив снова в ларец грамоту государя московского, шепнул кардиналу, заведующему финансами папы:

– По числу слуг я вижу, что нашему преосвященству хотя и придется заплатить кое-что этому болтливому проходимцу, но все же казна папы будет в большой прибыли...

В это время, заканчивая свои славословия и лживые заверения якобы от государя московского, Иван Фрязин, повернувшись к слугам, державшим подарки, торжественно простер руку и воскликнул:

– Вот дары государя моего для его святейшества!

Когда слуги послов московских стали подносить подарки папе, кардиналы, придворные и даже послы Венеции, Милана, Флоренции и герцога Феррарского окружили его престол, жадно осматривая каждую вещь.

Первой была развернута шуба на соболях с собольим же воротником и опушкой на широких рукавах, считавшихся короткими, ибо они доходили только до кистей рук, а не спускались пустыми чехлами до самого пола. Крыта шуба была дорогой золотой парчой дивного узора и блеска.

Когда слуги растянули шубу, взявшись за полы, парча заиграла переливами золотых узоров, как вспышками граненых самоцветов.

– *La bellezza!*⁴⁴ – воскликнул Сикст, любуясь дивной парчой, но русские слуги, зная, что главное достоинство шубы в мехе, медленно перевернули ее.

Перед зрителями открылся мех удивительной красоты, подобранный с большим искусством, густой и пышный. Он был так высок и нежен, что невольно хотелось погрузить в него руку, ласкать и гладить его.

Сквозь блестящую, местами серебристо-седую ость,⁴⁵ приковывая взоры, проглядывал пышный дымчато-бурый подшерсток с синеватым отсветом. При каждом движении меха по нему пробегали волны разных тусклых оттенков.

– Это чудесно! – заговорили кругом. – Это чудесно.

Его святейшество долго любовался молча, потом вздохнул и молвил:

– *E propriamente magnifico!*⁴⁶

Такое же почти впечатление произвели и соболиные шкурки, и даже куньи, которые были много лучше самых лучших варяжских шкурок. Резные чарки, чаши и достаканы из золота с эмалью и драгоценными камнями вызывали всеобщий восторг и красотой работы и своей ценностью.

Папа сам брал многие вещи в руки и, тщательно разглядывая их, с удовлетворением бормотал вполголоса:

– *Come sono contento!*⁴⁷

Последним поднесен был ему в подарок простой серебряный ларец, украшенный чернью.⁴⁸ На крышке этого ларца, будто тонким пером, были начертаны лесистые горы, небо в облаках, а с гор стремительно неся бурный поток; около потока стояла убогая избушка, а возле нее сидел на пне старик-отшельник и плел лапоть из лыка. По боковым стенкам ларца были узоры из листьев и сучьев.

Увидев этот ларец, папа слегка вздрогнул и нетерпеливо выхватил его из протянутых к нему рук русского слуги.

– *E un ver capolavoro!*⁴⁹ – воскликнул он, разглядывая рисунок.

Папа был поражен искусством неизвестного ему художника. Наконец он с живостью обернулся к Ивану Фрязину и спросил:

– Русское ли это творение и где на Руси таким искусством занимаются?

⁴⁴ Красота!

⁴⁵ Ость – длинные блестящие волосы соболиной и всякой другой пушнины.

⁴⁶ Это действительно великолепно!

⁴⁷ Как я доволен!

⁴⁸ Чернь – финифть, эмаль черного цвета; вплавляется в поверхность серебряных пластинок.

⁴⁹ Это поистине образцовое произведение!

– Так, ваше святейшество, – кланаясь, ответил царский посол, – работают серебряники на Руси во многих местах, но наиславен своею чернью Ростов Великий, откуда и это творение...

– Кто же этот великий художник? – воскликнул папа.

– В народе на Руси многие так творят, ваше святейшество, – ответил с улыбкой Фрязин, – но по невежеству своему художники имени своего нигде не обозначают...

– Великий художник, – презрительно взглянув на Фрязина, сказал папа, – не может быть невеждой...

Все рассматривали ларец, без конца его восхваляя.

– Да, да! – радостно соглашался папа и, передавая ларец своему камерарию, заключил: – Поставьте его мне на письменный стол.

После того как слуги разложили подарки перед папским престолом, а послы русские встали в том же самом порядке, как стояли ранее, папа благословил их и произнес ответную речь на обращение к нему посла московского, сказав так:

– Хвалю сына моего духовного Иоанна, царя Белой Руси, и благословляю за то, что он, как добрый христианин, не отвергает Флорентийской унии и не принимает митрополитов от цареградских патриархов, избираемых и утверждаемых турками. Хвалю и благословляю за то, что хочет государь сей сочетаться браком с христианкой, воспитанной в столице апостольской, и за то, что изъявляет он приверженность к первосвятителю римскому, к главе все-ленской церкви. – Окинув взглядом разложенные возле своего престола московские подарки, он добавил: – Благодарю московского государя за драгоценные его дары, которые положил он у святого престола римского. Эта дружба наша с могучей Москвой весьма важна для христианских государств всего мира. Она необходима особенно теперь, когда мы готовимся к крестовому походу на турок в союзе со славными государствами Неаполем и Венецией, примеру которых, мы надеемся, последуют и другие итальянские государи.

На этом закончилась аудиенция у его святейшества, и послы русские с великими почестями отъехали в отведенную им виллу, где их ожидал торжественный обед, на который должны были приехать и представители папы, и представители Зои, и ее братья.

С этого дня начались в Риме торжественные зрелища и богослужения и в связи с крестовым походом и в связи с бракосочетанием царевны Зои с великим князем московским Иваном, так как оба эти события служили единой цели – укреплению власти святого престола над всеми христианскими государями.

Мая двадцать восьмого пригласил папа русских послов на торжественную литургию в базилике святого Петра и на благословение им галер крестоносного войска. Кроме русских, были приглашены и послы итальянских государей, которые только что подписали с папой военный союз против турок.

День этот выдался ясный, сияющий солнцем. Иван Фрязин торопил своих спутников выехать раньше, дабы занять в базилике лучшие места и лучше разглядеть царевну Зою, которая будет вместе с братьями и у обедни и на благословении галер.

Взяв своих стремянных и небольшую стражу, русские послы, разглядывая окрестности, медленно поехали к Ватикану. По обеим сторонам посольства следовал почетный караул конной папской гвардии.

Московские послы были довольны и веселы.

– Яз мыслю, – заговорил боярин Беззубцев, – что вборзе мы восвоиси поедем с государевой невестой.

– Пора бы, Ларион Микифорыч, – воскликнул Шубин, – давно пора! Весна у нас на Руси в полном разгаре, да и по семейству скука.

– А мы и тут женок сколь хочешь сыщем, – смеясь, вмешался Иван Фрязин, – токмо казны не жалей!

– Мне твоего сыска не надобно, – резко ответил Шубин, – себе ищи!

Иван Фрязин не обиделся и, рассмеявшись, только двусмысленно подмигнул Мамыреву, но и у того сочувствия не встретил.

– Гляньте на грозную крепость сию, стены и мост, – переменял разговор Иван Фрязин, указывая на замок Святого ангела.⁵⁰ – Строил ее император Адриан. Мы поедем после благословения галер к сей крепости, ежели вы не устанете. От Ватикана туда меньше версты, и нам по пути будет.

Подъезжая к базилике святого Петра, послы заметили, что на площади пред входом в церковь толпилось много народу. Спешившись, послы пошли к портику, где были встречены папскими придворными, и проследовали прямо в храм. Здесь им предоставили самые лучшие места, откуда можно было видеть и все обряды богослужения, и скамьи для царевны Зои Палеолог и ее свиты.

Царевна появилась вскоре между колонн, на возвышении, где стояли скамьи с мягкими сиденьями. Она была в пурпуровом платье, с красивой повязкой из крупного жемчуга в виде короны. Ее сопровождали Екатерина, жена Стефана, короля Боснии, бежавшая в Рим от турок, и боснийские придворные знатные сербки: Павла, Елена, Мария и Праксия.

– Царевна-то, – восхищенно воскликнул вполголоса дьяк Мамырев, – баска и лицом и телом!

Послы с жадным любопытством разглядывали невысокую полную девушку, довольно стройную, с небольшой головкой, обрамленной черными густыми волосами, собранными в пышную прическу. Лицо ее было приятно и освещалось большими красивыми глазами восточного типа.

Царевна тоже с большим любопытством смотрела на послов, помещенных против нее на почетном месте среди таких же боковых колонн базилики.

– Глаза у ней острые, – молвил тихо Беззубцев, – злые глаза и лукавые.

Папа Сикст, уже внесенный в храм, сходил с опущенных на пол носилок. Его святейшество был в тиаре⁵¹ и в золотом облачении. Кардиналы почтительно держались за золотую бахрому его пышного одеяния, а брат Зои, царевич Андрей, смиренно взял в руки длинный подол папского облачения и приготовился нести его. В это время к кардиналам подошел церковный служитель с восковыми свечами на серебряном блюде. Раздав кардиналам белые свечи, служитель обернулся к царевичу Андрею и подал ему свечу красного цвета.

Послы видели, как красивое лицо царевича изменилось от обиды и гнева, длинные усы его задержались от волнения. Выпустив из рук подол папского одеяния, он резко отстранил от себя красную свечу.

– Пошто и чем царевича избидели? – спросил у Фрязина боярин Беззубцев, видя, как вдруг и царевна побледнела от гнева.

– Ему дают простую свечу, – ответил неохотно Иван Фрязин, – а он хочет белую, кардиналову, дабы ниже не быть кардиналов.

Послы московские одобрительно кивнули, а Мамырев молвил:

– Прав царевич-то. Пошто ему быть ниже кардиналов?

Папа, обеспокоенный замедлением шествия, оглянулся и, поняв в чем дело, подозвал знаком церковного служителя и что-то тихо, но сердито сказал. Царевичу Андрею подали белую свечу, и тот, сразу успокоившись, снова взял в руки подол папского облачения.

Шествие торжественно двинулось к алтарю.

– Не сладко им тут, – сокрушенно прошептал Шубин, – из милости, видать, живут...

Тотчас же по окончании мессы папа, благословив принесенные в базилику святого Петра знамена крестоносцев, отправился за город, к реке Тибру. Здесь, у церкви святого Павла,

⁵⁰ Замок Святого ангела – бывший мавзолей императора Адриана, в Средние века превращен в крепость.

⁵¹ Тиара – папская митра (головной убор), имеющая вид тройной золотой короны с крестом на верхушке.

ожидали его святейшество четыре галеры папского крестоносного флота, стоявшего в гавани Остии, расположенной в низовьях Тибра, недалеко от впадения реки в Тирренское море. Сюда эти галеры, поднявшись вверх против течения, прибыли еще вчера, как им приказал начальник папского флота кардинал Караффа.

Вместе с поездом папы и его свиты двинулись за город все присутствовавшие на папском богослужении в базилике Святого Петра и массы народа, присоединявшиеся к священному шествию в каждом квартале.

Часа через два папский поезд, окруженный посольствами с многочисленными свитами и сопровождаемый огромными толпами народа, прибыл под непрерывный звон во всех попутных церквах к храму святого Павла возле самого берега Тибра.

Русские послы еще издали увидели у пристаней четыре большие галеры со свернутыми парусами и опущенными сходнями. Суда празднично пестрели флагами Папской области и флагами крестоносного войска. На берегу, перед галерами, выстроился один из лучших конных отрядов крестоносцев. Воины сидели на прекрасных конях, поблескивая боевыми доспехами и оружием. На их дорожных плащах, у правого плеча, были вшиты ярко-красные кресты из шерстяной ткани.

Как только поезд Сикста остановился, отряд крестоносцев под звуки военных труб отдал честь его святейшеству оружием. Папа, выйдя из кареты, взошел на носилки и сел на свой переносный стол. Когда он возвысился над головами толпы, крестоносцы вновь приветствовали его трубами и при барабанном⁵² бое снова отдали честь оружием. Папа торжественно благословил крестоносных воинов. Отделившись от отряда, подъехал к его святейшеству начальник папского флота и командующий сухопутным войском кардинал Караффа в одеянии крестоносцев, сопровождаемый свитой из знатнейших рыцарей.

Кардинал сделал подробный доклад о готовности флота отплыть в любое время.

– Ваше святейшество, – закончил он, возвысив торжественно голос, – нам нужно только ваше благословение, дабы устремиться против неверных, броситься в смертный бой за освобождение святого Гроба Господня из их рук.

– Да ниспошлет Господь Бог вам, верные сыны святой церкви, победу над турками! – громко воскликнул папа, благословляя воинов. – Да будет над вами благодать Господня ныне, и присно, и во веки веков!

– Аминь! Аминь! – гулом покатилося по всему берегу Тибра, и снова заиграли боевые трубы крестоносцев.

По сходням застучали копыта коней. Выбирая якоря, матросы загрели цепями. Преступники, прикованные к гребным скамьям, по звуку трубы подняли длинные тяжелые весла, приготовясь грести. С каждой стороны у галер было по шестнадцати таких весел – всего тридцать два весла на судне.

Русские послы с любопытством и удивлением глядели на огромные лодки по тридцати сажен в длину и в три сажени шириной. Галеры глубоко сидели в воде, а дно их было сделано клином; по острию его ребром прибиты в один ряд толстые доски.

– Такое же строение, как у карбасов наших морских на Двине и Печоре, – объяснил московским боярам Иван Фрязин. – На каждой галере по пять пищалей больших к настилу приковано. Под настилом же коней ставят, груз кладут всякий для пропитания, воду для питья в бочонках.

– Да как же они сими веслами великими да тяжкими грести-то могут? – с недоумением спросил дьяк Мамырев. – Под силу ли сие человеку?

⁵² Барабаны крестоносцы завели в своих войсках уже после первых крестовых походов, заимствовав их у восточных народов.

– У них на каждом весле по пять, а то по шесть человек сидит – все враз поднимают его и гребут как один человек.

– А борзо ли лодка такая ходит? – спросил Беззубцев.

– Верст четырнадцать за час проходит при тихой погоде, – продолжал разъяснять Иван Фрязин, – а при попутном ветре и боле того. Паруса у них треугольные, латыньскими зовутся; велики зело и сильны.

– Сколь же народу плыть на сем судне может? – опять спросил Мамырев.

– Без коней может человек четыреста и полста, а с коньми – поболее двухсот и полста...

В этот миг все вздрогнули от неожиданности: грянул пищальный выстрел с первой галеры, потом со второй, с третьей и с четвертой. Темным облаком за клубился дым, а с окрестных церквей загудел колокольный звон.

Длинные весла галер, выступая вдоль их бортов ровной многозубой гребенкой, начали мерно опускаться в воду и так же мерно подниматься к бортам. Казалось, удаляющиеся суда мигают огромными ресницами, шлепая ими по воде...

Народ, стоявший на берегу Тибра, сняв шляпы и береты, запел спутанным, но могучим хором торжественный гимн:

– Тебя, Бога, хвалим!..

Русские послы и стража тоже сняли шапки. Происходящее трогало их...

– Живот свой отдавать едут за веру Христову! – взволнованно проговорил Шубин и несколько раз истово перекрестился.

Когда галеры скрылись за крутым берегом при повороте реки, носилки с папским тронem опустились, и к его святейшеству подъехала закрытая золоченая карета. Отодвинулись шелковые занавески, из-за которых выскочил красивый мальчик и стал придерживать их, чтобы папа мог свободно пройти в карету. Это был Ченчо, и лицо его святейшества озарилось ласковой улыбкой.

Русские послы умилились, а дьяк Мамырев спросил:

– Не сын ли его?

Иван Фрязин, нагло улыбнувшись, развязно ответил:

– Он ему такой же сын, как всякому дочь любая непотребная девка.

Русские просто ошеломенели от такой вести, а Мамырев растерянно воскликнул:

– Неужто мужеложство?

– И содомский грех, – смеясь, добавил Фрязин.

Послы русские испуганно закрестились...

– И сей нас благословлял святым именем Господа Бога! – с гневом произнес Беззубцев и сплюнул на землю. – Вот его благословение!..

– Мерзость латыньская! – воскликнул Шубин. – Кошунство именем Божиим...

Июля первого, в день, когда крестоносный флот папы в составе двадцати четырех галер и флоты его союзников покидали гавань Остии, отправляясь под общим начальством кардинала Караффы против турок, было назначено торжественное обручение цареградской царевны Зои Палеолог с государем московским великим князем Иваном.

Обручение должно было происходить в базилике святого Петра, в Ватикане, с участием прелатов, в присутствии всего двора его святейшества и почетных гостей. Обряд должен был совершить архиепископ, настоятель базилики.

Послы московские во главе с Иваном Фрязиным выехали раньше всех, чтобы жених, по русскому обычаю, встретил невесту, будучи уже во храме.

День стоял серенький, моросил мелкий, словно осенний, дождичек. Было сыро, а из-за горных хребтов волна за волной нагоняло расплывчатые, клубящиеся, как туман, низкие тучи.

– Ишь, непогодка-то! – молвил Беззубцев. – Как в октябре.

– Дождь на свадьбу, – вмешался Шубин, – к счастью, бают...

– Вот те и полуденные земли, – с усмешкой заметил дьяк Мамырев, дабы подразнить нелюбимого им Фрязина. – Ныне самое начало лета. У нас весенние цветы уж отцвели, а по опушкам иван-да-марья зацветает желтым и синим цветом, по лугам кой-где уж поповник белеет! Жара, солнце, а тут?

– Сие похолодание токмо на день-два, – важно заметил Иван Фрязин, – сие – трамонтана, сиречь полунощный ветер. При нем всегда дождь и холод, ибо со снеговых гор он веет. А то еще есть сирокко, полуденный ветер, при нем духота и жар нестерпимые.

Выехав на площадь, московские послы увидели знакомый уж им портик⁵³ с колоннами, окружающими площадь, и прямо перед собой – вход в базилику, с лестницей во всю ее ширину из тридцати пяти порфировых⁵⁴ ступеней. С одной стороны лестницы была воздвигнута огромная статуя апостола Петра, с другой – апостола Павла.

Здесь послы спешили и, отдав коней своих стремянным, оставшимся на площади со стражей, стали подниматься на паперть, где их встретил ветхий священник отец Евлампий, говоривший по-русски. Московские послы, кроме Ивана Фрязина, весьма ему обрадовались, особенно Мамырев.

Отец Евлампий, как оказалось, родом серб, был духовником у королевны боснийской Екатерины и отряжен ею в помощь римскому духовенству для встречи послов русских при обручении.

Более других обрадовался монаху Шубин, которого особенно занимали вопросы церковные.

– Пошто, – допрашивал он отца Евлампия, – у латынян вход во храм с восхода солнца? Пошто попы служат лицом к народу, а спиной к алтарю?

Дряхлый иеромонах объяснил ему, говоря наполовину по-русски, наполовину по-церковнославянски, что в первых веках христианства так строились все церкви, а в алтаре под престолом погребали мощи праведников. Так вот и в этой базилике находятся мощи апостола Петра. К алтарю лицом стоят молящиеся; священники же, служа над гробницей и стоя позади нее, всегда обращены лицом на восток и к молящимся.

Пока шла эта беседа, в храм святого Петра прибыл архиепископ, который должен был обручить царевну, а также стали прибывать кардиналы и другие прелаты разных степеней. Прибыли все придворные чины папы, и среди них летописец римский Джакомо Маффеи, секретарь кардинала Амманати знаменитый ученый Феодор Газа. Все они стояли полукругом перед аналоем, спиной к алтарю. Далее, перед самыми колоннами, поддерживающими свод среднего нефа, встали придворные сановники папы. Тут же, но ближе к амвону, стояли все именитые греки, жившие в Риме, с братьями царевны Зои во главе, родственники их Димитрий Раль-Палеолог, князь Константин, братья Траханиоты и другие. Впереди греков стоял Иван Фрязин, несколько отделившись от русского посольства. Важный, с гордой осанкой, в богатейшем русском одеянии, он ясно видел, с какой завистью следят за ним жадные глаза итальянцев и греков – его, видимо, считают ближайшим лицом государя московского...

Все, тихо переговариваясь, нетерпеливо ожидали царевну. Но вот архиепископ в полном облачении вышел из алтаря, и в это самое время произошло резкое движение в рядах почетного караула у входа в базилику. Папские гвардейцы расступились и, стоя лицом друг к другу, образовали широкий свободный проход. Вслед за тем, сверкнув оружием, они замерли, отдавая честь. В храм медленно входила царевна Зоя в таком же одеянии, в каком послы московские уже видели ее при первой встрече.

Сопровождали к обручению будущую московскую государыню королевна боснийская и ее соотечественницы, а также самые знатные дамы Рима и Флоренции во главе со знатнейшей

⁵³ Порттик – открытая с одной стороны галерея с колоннами, поддерживающими ее крышу.

⁵⁴ Твердый, хорошо полирующий камень.

из всех – герцогиней Клариссой Медичи-Орсини, объединявшей две самые громкие фамилии Италии.

Иван Фрязин, как полагалось, пошел навстречу невесте, вместе с диаконом. Потом, сопровождаемые свитой царевны, они с невестой приблизились к аналою, где преклонили колена пред крестом и получили благословение архиепископа. Начался обряд обручения, и тут русские послы сугубо оценили присутствие среди них отца Евлампия. Сначала Шубин все его допрашивал насчет обряда и возмущался, что делается многое не по-православному. Когда же настало время обмениваться кольцами, дьяк Мамырев довольно резко остановил Шубина.

– Помолчи-ка малость. Нам для пользы государевой главное примечать надобно, – сказал он и, обратясь к иеромонаху, добавил: – Ты же, отче, потрудись для ради православия нашего: сказывай нам, какие слова они баить будут, когда кольцами меняться почнут. Ведать хочу, не было бы умаления чести государевой...

Иеромонах одобрительно кивнул головой. Когда же царевна Зоя сказала по-латыни, повторяя слова архиепископа:

– Accipiam te in meum maritum Ioannum, regem Moscoviae...

Отец Евлампий перевел:

– Обещаю взять к себе в супруги Иоанна, царя Московии...

Слова же Ивана Фрязина:

– Accipiet te in uxorem Ioannus, rex Moscoviae...

Иеромонах перевел:

– Обещает взять тебя в жены Иоанн, царь Московии...

Дальнейшее при совершении обряда послов московских занимало меньше, и они следили больше за поведением царевны цареградской, будущей своей государыни. Почему-то боярин Беззубцев, сразу невзлюбивший ее, чувствовал к ней недоверие. Вела она себя совсем по-латински: молилась и крестилась римским обычаем...

– Рымлянка, – невольно сорвалось с его уст впервые то слово, которым потом на Москве называли ее все недовольные новой государыней.

– Истинно так, – согласился дьяк Мамырев, – чужая нам.

– Хитра и зла, – тихо добавил Шубин, – нет у меня веры в нее. Не зря папа-то ее «дщерью своей духовной» зовет.

– Э, православные братья мои, – вздохнув, молвил старец Евлампий, – не судите строго. Тяжко жити в Риме, особливо бедным изгнанникам, которым, яко псам, токмо крохи бросают со святого престола...

На другой день, второго июня, папа дал торжественную аудиенцию обрученной государыне московской в великолепных комнатах новой части Ватиканского дворца, построенной папой Николаем. Будущую государыню на этот раз сопровождали в качестве личной свиты послы московские, братья и все знатные женщины, что были на обручении. На приеме присутствовали все придворные, прелаты и послы союзных итальянских государей.

В Риме от этой аудиенции ждали важных известий относительно заключения союза с государем московским против турок, надеясь на ближайшее его участие в войне с неверными.

Папа открыл прием горячими поздравлениями Зои Палеолог.

– Поздравляем от всего сердца, – сказал он, – нашу любимую и верную дочь Святейшего престола, будущую государыню великой Московии, желаем ей счастья и благословляем ее на верное служение вере Христовой и за пределами апостольского Рима. Благославляем будущего супруга ее, царя Иоанна, признающего унию с Римской церковью, признающего первосвященника римского главой вселенской христианской церкви. Мы верим, что любимая дочь наша и могущественный супруг ее не забудут об освобождении Гроба Господня от рук нечестивых.

Помолчав немного и выразительно взглянув на кардинала, заведующего казной, папа ласково произнес:

– Провожая любимую дочь нашу в далекие земли, мы хотим оказать ей отеческую помощь и выдаем из средств святого престола шесть тысяч дукатов на путевые и прочие расходы. Просим также ее принять и ценные подарки на память о Риме...

Растроганная царица опустилась на колени пред папой и со слезами благодарила его за воспитание, заботы и за помощь ей и братьям ее. Иван Фрязин, приблизясь к царице, тоже преклонил колена пред папским престолом как слуга своей государыни. По знаку папы кардинал-казначей, сопровождаемый слугами с подарками, почтительно подошел к его святейшеству, неся довольно большой кожаный мешок с золотыми дукатами.

Папа велел передать мешок с деньгами поднявшейся с колен Зое, у которой принял его Иван Фрязин и отдал боярину Беззубцеву. Тот, когда Иван Фрязин отошел, шепнул дьяку Мамыреву:

– Пересчитать все надобно и записать в опись, в которую включить и все подарки. Для верности. Разумеешь?

– Как не разуместь! Насквозь сего молодца вижу, – ответил так же тихо Мамырев.

Вслед за деньгами передали царице ожерелье алмазное в ларце резном, потом серьги и перстни с самоцветами, застежку алмазную и ожерелье из золотых кованых цепочек с крестиком прекрасной работы.

Когда подарки были приняты, в покоях его святейшества все напряженно замолкли, ожидая, что скажет наконец Иван Фрязин от имени государя московского о союзе и военной помощи.

Поняв, что все ждут его выступления, Иван Фрязин снова преклонил колена перед папой и испросил разрешения говорить. Он сам еще ясно не представлял, что сказать, но, вдохновившись общим вниманием, неожиданно для всех заговорил о могучем татарском хане, который будто бы предлагал свою грозную армию, чтобы напасть на турок со стороны Венгрии и разгромить их.

– Я берусь устроить это дело немедленно по возвращении в Москву. Я поеду к великому хану и, преподнеся от его святейшества дорогие подарки, ценою не менее чем на десять тысяч дукатов, потребую начать войну. Когда же хан откроет военные действия, ему нужно будет ежемесячно платить по десять тысяч дукатов. Таковы условия татар...

Вспомнив в этот миг о затее своей с Тревизаном и желая объединить оба эти дела, Иван Фрязин оживился и заговорил еще более пылко:

– Не смею утаить от вашего святейшества, что подобные условия хан предлагал уже через меня одному итальянскому государству, посол которого обратился ко мне за помощью. Это же я предлагаю святому престолу. Все это я смогу легко выполнить, ибо царь московский разрешает мне вести эти переговоры...

На этом Иван Фрязин закончил свою речь, чувствуя, что его перестали слушать. Он поклонился его святейшеству и отошел ближе к московскому посольству.

В зале наступила тяжелая тишина и растерянность. Большинство было разочаровано в своих надеждах, некоторые обменивались насмешливыми и злыми улыбками. Папа был взбешен, но прекрасно владел собой, только глядел в упор на Ивана Фрязина. Вдруг губы его зашевелились ехидной улыбкой.

– Мы очень благодарим, – заговорил он ласково, – за предложение услуг со стороны посла государя московского, но мы отклоняем союз с неверными против неверных, мы не хотим брать величайшую святыню мира из нечестивых рук нечестивыми же руками. Мы более верим благочестивому сыну нашему царю Иоанну, а посему поручаем будущей супруге его и легату нашему, его высокопреосвященству Антонию Бонумбре, лично вести переговоры с государем московским о делах церковных и о помощи против турок...

При этих словах папа сделал знак своему вице-канцлеру, который объявил прием у его святейшества оконченным.

Все стали прощаться с папой и расходиться под тихий гул разговоров, ведущихся, из почтения к его святейшеству, вполголоса. Папа, оглянувшись, увидел возле своего трона статс-секретаря по иностранным делам и знаком подозвал его к себе.

– Каков сей проходимец, а? – молвил он. – Вся его болтовня – сушая ложь, дабы выманить деньги...

– Несомненно, ваше святейшество, – рассмеялся статс-секретарь.

– Такие приемы, – насмешливо улыбаясь, продолжал папа, – годны для обмана дикарей, а не в Риме. Прошу, ваше преосвященство, дайте указания легату нашему Бонумбре, дабы поставил он в известность государя московского обо всем, что его посол наболтал про татар. Может быть, это и правда, а государь о том не знает. Узнав же, будет благодарен нам, а сие поможет делу легата и царевны. Да пусть он скажет царю и об итальянском государстве, которое своего посла к этому проходимцу Вольпе посылало. Об этом же и нам не лишне будет знать.

После аудиенции у папы будущая государыня московская стала спешно готовиться к отъезду из Рима, где ей и братьям ее приходилось подчас очень тяжело. Теперь она особенно часто вспоминала слова их покровителя, знаменитого соотечественника, кардинала Виссариона.

– Я бегу из Рима с радостью, – говорила она Феодосию Кристопуло, старому доктору семьи Палеологов, – убегу даже на край света. Помните, как через вас писал нам постоянно его высокопреосвященство кардинал Виссарион? Мы с братьями это наизусть выучили: «Вы сироты, изгнанники, нищие! Но у вас будет все, если будете подражать латынянам; не будете – ничего не получите!»

Старик печально улыбался и утешал:

– Теперь Господь помог нам, но не забывайте все же и то, что народ наш говорит: «Всякий береги себя сам».

Но царевна теперь не плакала уже больше, а весело смеялась, и когда братья из зависти злились на нее, она самоуверенно отвечала им:

– Стану государыней московской и вас в Москву вызову.

Получив от царя Иоанна подарки не менее ценные, чем получил сам папа, и видя почет и уважение от посольства московского, она упивалась в мечтах свободой и властью государыни. Придворная жизнь Ватикана научила ее всему.

– О, я сумею все повернуть, как захочу! – вполголоса воскликнула она. – Только были бы нужные люди.

Она брала с собой в первую очередь самых верных и преданных слуг: няньку свою Евлампию, бывшего дядьку царевичей Франдиси, домашнего учителя и друга своего отца Христофора Стериادي и, конечно, врача Феодосия Кристопуло. Брала своего повара Афиногена, верного из верных, двух старух гречанок – Меланию и Ксантиппу, знавших все яды и лечение от их действия, и горничную Гликерию. Для представительства и тайных политических дел она брала с собой греков: князя Константина, родом из Мореи, братьев Траханиотов, Димитрия и Георгия, ездивших сватать ее к московскому государю, и представителя от царевичей – Димитрия Раля из рода Палеологов.

Такое избрала царевна себе тесное и верное окружение. Остальные люди были от папского престола, но и они все даны ей на помощь. Зоя была спокойна и верила в свою судьбу, в свою молодость и умение пользоваться женским обаянием. Все тайны любви ей были известны по подробным рассказам замужних подруг, а о всех грязных кознях и происках властолюбцев Ватикана, именуемого папским Вавилоном,⁵⁵ сообщали ей служанки со слов прислуги его святейшества.

⁵⁵ В христианской литературе Вавилон, столица древнего Вавилонского царства, употребляется как символ разврата,

В покои царевны вошла ее няня Евлампия и доложила, что привезли дорожные сундуки для одежды и прочих вещей.

– Начни сегодня же вместе с Ксантиппой и Меланией все укладывать, как я приказала. Его святейшество назначил нам через четыре дня выехать всем поездом в Москву. Через час же приедут царские послы, и я поеду с ними прощаться с его святейшеством...

Няня пошла к выходу, но Зоя остановила ее и, громко рассмеявшись, молвила:

– Слушай, что сказал старик доктор: «Всякий, мол, береги себя сам». Нам же, девицам, нужно не беречься, а только лучше продать то, что хотят продать без нас другие. Я хочу взять без посредников сама главный барыш...

Няня одобрительно хлопнула в ладоши и воскликнула:

– Хитра девка! Только сумей мужа лаской опутать.

– Сумею! – с самоуверенной улыбкой сказала царевна. – А теперь иди да пришли Гликерию одевать меня.

В ватиканский дворец Зоя приехала в карете, окруженная русской охраной. Послы государя московского в нарядных одеждах ехали впереди ее кареты верхом на татарских конях в богатой сбруе. В приемной дворца, куда Зоя скромно вошла в сопровождении только четырех московских послов, царевну уже поджидали ее именитые спутники – легат и нунций папы, архиепископ Антонио Бонумбре со своим духовником и свитой из монахов доминиканского ордена, князь Константин и братья Траханиоты.

Отсюда они все двинулись во главе с царевной к галерее с изящными колоннами и по беломраморной лестнице сошли в дворцовый парк. Здесь придворные чины встретили гостей и повели их к огромной многовековой смоковнице, где его святейшество обычно отдыхал в тени деревьев.

Это был прием запросто. Папа в домашнем одеянии сидел в удобном плетеном кресле и читал книгу стихов Данте о молодой любви, обновившей жизнь поэта.⁵⁶ В конце этой книги Данте оплакивает смерть своей Беатриче – первой и последней любви. Он клянется, что не будет говорить о ней до тех пор, пока не создаст нечто достойное ее имени.

Сикст медленно закрыл книгу, а в мыслях его все еще мелькали отрывки взволнованной речи великого поэта: «Я надеюсь сказать о ней, как не было сказано ни об одной женщине, а потом – да сподобит меня Бог увидеть ее, блаженную, уже созерцающую Его лик».

Папа грустно вздохнул и закрыл глаза. Все мысли как-то вдруг ушли от него, и томик стихов выскользнул из рук к нему на колени: он задремал.

Поспешно подбежавший слуга почтительно коснулся руки его святейшества. Папа вздрогнул и проснулся.

– Ваше святейшество, – быстро заговорил слуга, – сюда идут царевна Зоя с послами и с его преосвященством Антонио Бонумбре.

Папа встретил гостей, подходивших к нему, весьма приветливо. Зоя, как истинная дочь Латинской церкви и воспитанница святейшего престола, держалась смиренно и почтительно, но папа и его придворные все же заметили в ней некоторую перемену. В ее внешности и поведении чувствовалась уже будущая государыня московская, начиная с мантии без рукавов из драгоценной золотой парчи с пышной собольей оторочкой (подарок государя Иоанна) и кончая уже усвоенной величавой походкой.

Прощаясь, она снова благодарила его святейшество за свое воспитание и все заботы о ней, но сдержанно и с большим достоинством.

– Обещаю вашему святейшеству, – сказала она в заключение, – что, памятуя о всех благодеяниях святого престола, я и в далекой Москве буду служить на пользу нашей истинной вере.

как «мать любодеец и мерзостей земли».

⁵⁶ Название книги – «Vita nuova» («Новая жизнь»).

Папа благословил ее и поцеловал в лоб. Он пожелал ей семейного счастья и милостиво сообщил, что им даны все распоряжения по снабжению ее конями и повозками, что лично ей дарит он одну, наиболее вместительную и прочную закрытую карету из всех, какие у него есть.

Затем в той же краткой беседе он повторил пожелание, чтобы невеста государя московского и его легат выехали не позднее чем через три дня, а именно двадцать четвертого июня.

– Сие весьма важно, – сказал он внушительно, – ибо уже в ближайшие месяцы наше крестonosное воинство может начать военные действия... – Папа помолчал и добавил, обращаясь к архиепископу Бонумбре: – Ваше высокопреосвященство, помните все, о чем мы с вами беседовали так подробно. Мы ничего не желаем горячее, как видеть нашу Вселенскую церковь объединяющей христиан всего мира, а все народы идущими по пути к блаженству. Вот почему мы охотно изыскиваем все средства, при помощи которых наши желания могут быть осуществлены.

Папа благословил и отпустил всех.

В день Иоанна-крестителя, июня двадцать четвертого, множество людей, отслушав праздничную мессу, устремилось к улицам, ведущим от Ватикана к Монте Марко, к северным воротам города, от которых начинается Триумфальная дорога. Все знали, что по этому пути должна была выехать греческая царевна Зоя Палеолог, невеста могучего государя московского Иоанна.

Огромный поезд более чем из ста подвод растянулся на несколько кварталов. Трудно было определить число едущих, ибо царевна разрешила многим итальянским и греческим мастерам, завербованным Фрязиным по приказу государя, присоединиться к ее поезду.

Если считать всех коней, то вместе с конями московского посольства и его стражи их было более ста пятидесяти.

Русские послы ехали позади кареты царевны, охраняемой уже русской конной стражей. Впереди царевны ехал со своей духовной свитой архиепископ Антонио Бонумбре, а перед ним везли высокий латинский крест.

До выезда из ворот Рима поезд сопровождала конная папская гвардия, сдерживая шумную и жадно любопытную римскую толпу. Крики приветствий и непрерывный шум оглушали и утомляли русских. Особенно шумели женщины – их высокие, звонкие голоса трескучими скороговорками непрерывно наполняли воздух.

– Ишь ведь, как орут, стервы! – закричал Беззубцев, наклоняясь к едущему рядом Шубину. – Крику тут боле, чем у нас на торге пред праздником!

Шубин ничего не расслышал, но, догадавшись, о чем речь, только досадливо махнул рукой.

Неожиданно набежали тучки и заморосил дождь. Настроение в толпе резко изменилось: итальянцы начали быстро расходиться, заспешили домой. Шум и крики сразу стали стихать.

– Трамонтана! – недовольно воскликнул Иван Фрязин и стал отвязывать от седла свой дорожный мешок.

– Опять с дождем к жениху едет царевна-то, – сказал дьяк Мамырев, доставая кафтан. – Счастье ей.

– Ей-то счастье, – сурово ответил Беззубцев, – токмо государю-то будет ли от нее счастье.

Глава 10

Между востоком и западом

В тот же год, июня двадцать шестого, когда Зоя Палеолог торжественно въезжала в город Сиену, на Москву прибыли вестники из Перми Великой от воеводы князя Федора Пестрого.

Вестником был Леваш-Некрасов, давно уж знакомый государю помещик из ближнего Подмосковья.

– Трофим Гаврилыч! – радостно встретил государь вестника, видя по лицу его, что вести хорошие. – Сказывай!

Леваш, помолясь, низко поклонился великому князю.

– Да хранит Бог тя, государь, на многие лета, – сказал он с чувством и, вновь поклонясь, продолжал: – Князь Федор Давыдыч повестует: «Благослови Господь тя, государь! По воле твоей пригнали мы на конях в Пермскую землю к устью Черной реки на Фоминой седмице, в четверток. Оттуда же, коней на плоты поставив, приплыли под градец Анфаловский.⁵⁷ Тут сошли с плотов, и погнал яз на конях на Верхнюю землю, к городку Искору, а Гаврилу Нелидова отпустил на Нижнюю землю, на Урос, на Чердынь-реку да на Почку-реку, на пермского князя Михайлу. Сам же яз, когда шел к городку Искору, то от него недалеко встретил рать пермичей на реке Колве. И был бой меж нами, побил их яз и поймал воеводу их Качаима. Отсель дал пошел к самому Искору и взял его, а воевод поймал Бурмета да Мичкина, а Зынар сам ко мне по охранной грамоте пришел. Взял и пожег яз еще многие иные градки пермяцкие. Потом с полоном пошел яз на устье Почки-реки, которая в Колву впадает. Тут встретил рать Гаврилы Нелидова с полоном. Срубили мы городок крепкий, Почкой назвав, и силою ратной привели всю ту землю до тебя, государь. Отсюда же шлю тебе с Леваш-Некрасовым из полона нашего князя Михайлу, воевод Бурмета, да Мичкина, да Качаима, и все, что имал у них, – шешнацать сороков соболей да шубу соболью, пятнадцать поставов ипского сукна, да три панциря, да шлем, да две сабли булатные». – Вестник поклонился государю и добавил: – Все сие, государь, во выюках на дворе у тебя, а князь и воеводы за стражей твоей.

– А что князь Федор далее мыслит деять? – спросил Иван Васильевич.

– Чаю, государь, седмицы через полторы вслед за мной на Москву будет, в городке же Почке застава с Гаврилой Нелидовым оставлена.

– Добре, Гаврилыч, добре все содеяно, – весело молвил великий князь и, обратясь к дворецкому, продолжал: – Ты же, Данила Костянтиныч, угостье дай вестнику-то, да и князя с воеводами не забудь. Сыми железы с пленников, помести по достоинству в избе просторной и корм давай добрый, по достоинству, токмо стража пусть будет крепкая.

Того же лета, ближе к Кузьме-Демьяну, что первого июля празднуют, слухи пошли: Большая Орда-де опять зашевелилась: царь Ахмат по зову короля польского и князя литовского Казимира войска свои собирает.

– Есть ли о сем вести от наших дозоров из Дикого Поля? – спросил Иван Васильевич у дьяка Курицына. – Есть ли вести и от Даниара-царевича?

– Нет, государь, – ответил Курицын, – вестей настоящих нет, токмо слухи разные ползут. Иван Васильевич задумался, нахмутив брови.

– Береженого Бог бережет, – тихо молвил он наконец. – Чаю, Федор Давыдыч, из Перми придя, отдохнул уж. Пусть он утре же в Коломну гонит, а оттуда с коломичами на реку Оку идет переправы стеречь. Июля же второго, мыслю, со многими людьми князя Данилу Холмского и князя Ивана Стригу послать к Берегу, а потом и братию свою тоже к Берегу с полками ихними

⁵⁷ Древняя русская колония у берега Камы, на торговом пути в Пермь.

отослать. Матерь же свою с княжичем Иваном вместе – в Ростов Великий. Сам яз у Коломны буду Москву оборонить. Хотя государь говорил обо всем спокойно, но было заметно, что руки его слегка дрожат, а голос стал хриплым. Он прерывисто вздохнул и, обратясь к дворецкому, добавил: – Покличь-ка ко мне князя Юрья, он сей часец у государыни-матушки. Ты же, Федор Василич, при думе нашей будь тут, и твое слово годно будет.

Иван Васильевич опять замолчал, хмурия брови, и вдруг тихо произнес в раздумье:

– Даниара-то яз при себе оставлю вместе с главным полком. Верней многих он...

Государь еще что-то хотел сказать, но вошел князь Юрий и сразу спросил с тревогой:

– Вести плохие, Иване?

– Слухи токмо, – ответил Иван Васильевич, – но яз не хочу ждать, когда гром грянет.

После-то крестись не крестись – не поможет.

Началась долгая и подробная беседа о военных делах, об обороне Москвы на берегах Оки со стороны Дикого Поля, через которое испокон веков все ордынские пути на Русь пролегают. Смотрели карты с указанием бродов и переправ на Оке, думали о разных обходах, но точно ничего не знали, ибо от дозоров никаких вестей не было. Слухи же, что было странно, шли не из степей татарских, а из Литвы.

– Полагаю, – сказал великий князь, – замысел ратный есть у Казимира, не зря Кирей Кривой, бежавший от нас, послом от короля в Орду ездил, зло нам уготовал.

– Сие возможно, – живо подхватил дьяк Курицын, – и слух литовский, мыслю, из Новгорода к нам идет.

Иван Васильевич заметил, что на лице брата на миг мелькнула тревога. Это удивило государя, но он ничего не сказал, подумав, что Юрий боится нападения новгородцев.

Прошло тринадцать дней с тех пор, как Иван Васильевич совещался с Курицыным и князем Юрием о возможном набеге Ахмата. За это время полки московские и полки братьев государя под началом князя Юрия Васильевича заняли по всему протяжению Оки те места, кои им указаны были самим государем. Великая княгиня Марья Ярославна вместе со внуком своим была уже в Ростове Великом, а от Ахмата все еще не приходило из Степи никаких достоверных вестей. Немало беспокоило великого князя и то, что молчал Хозя Кокос, через которого он переслал челобитную грамоту крымскому хану. При этой грамоте было личное письмо от государя к Кокосу с просьбой о том, чтобы он вместе с ханским наместником в Кафе, князем Мамаком, постарались бы склонить Менглы-Гирея скорее заключить союз с Москвой против общих врагов.

Но только сегодня, июля тринадцатого, прибыл на Москву посол из Крыма. Дьяк Курицын поспешил к государю. Сведая через Данилу Константиновича, что великий князь по обычаю пошел в опочивальню свою отдохнуть после обеда, побежал дьяк за ним следом. Не успела еще дверь затвориться за государем, как Курицын подоспел к опочивальне. Иван Васильевич, слыша, что бежит за ним кто-то, приостановился на пороге. Увидев дьяка своего, запыхавшегося, но сияющего радостью, он весело приветствовал его и пригласил к себе.

– Сказывай, Федор Василич, – говорил он неторопливо, – садись поближе ко мне и сказывай!

– Кокос шурина своего Исупа прислал, тоже евреина. Ночесь пригнал он с купцами кафинскими. Тут на Москве у знакомцев своих на гостьбу стал Исуп-то.

– А сей часец где он?

– У тебя в передней, государь.

– Веди его в трапезную мою да вели Данилушке угощенье, как для служилых царевичей, изготовить почетное.

Когда Курицын выходил, государь не выдержал и спросил:

– С чем он приехал-то?

– Ханский ярлык привез, грамоту князя Мамака да письма Кокоса...

– Добре, добре, – с веселой усмешкой молвил Иван Васильевич, – ну, иди, и яз вборзе буду в трапезной. Прием-то будет тайный.

– Разумею, государь...

Когда великий князь вошел в трапезную, там уж все его ожидали, стоя перед входными дверями. Принимая низкие поклоны, Иван Васильевич, не задерживаясь, подошел к красному углу и сел за стол под образами.

Оглядев присутствующих и увидев дьяка Курицына, дворецкого Данилу, начальника своей стражи Ефима Ефремовича, стремянного Саввушку да несколько наиверных слуг, государь милостиво улыбнулся. Обратясь к Исупу, одетому по-итальянски, как одеваются купцы венецианские, но с пейсами и в ермолке, он приветливо спросил:

– Добре ли дошел?

– Дай Бог тебе, государь, жить сотни лет! Милостью Божьей дошел добре, – перевел Курицын слова Исупа, сказанные на итальянском языке.

Евреин же после сего поклонился великому князю и, встав, сказал через переводчика:

– Хан Менглы-Гирей жалуется тебе в ответ на челобитную твою грамоту. Хочет он иметь с тобой такую дружбу и братство, какие у него есть с Казимиром, королем польским.

Исуп снова поклонился великому князю и, передавая дьяку Курицыну ханский ярлык, молвил:

– Все сие в ярлыке сказано, и есть на нем печать и подпись хана.

– Истинно все так, – подтвердил Курицын, осмотрев ярлык.

– Сия же грамота, – продолжал Исуп, доставая другую грамоту, – от князя Мамака, наместника ханского в Кафе, который, в угоду зятю моему Кокосу, радеет за тебя, государь, пред лицом Менглы-Гирея для-ради dokonчания против врагов Москвы и Крыма, дабы враги Москвы были врагами Бахче-Сарая, а враги Бахче-Сарая – врагами Москвы. Токмо сие тайно хранить надобно до времени и от короля, и от хана, и от султана. Исуп с поклоном передал эту грамоту дьяку Курицыну и продолжал: – Есть еще у меня в столбцах письма зятя моего, которые писаны по-еврейски. Письма сии велики и долги, а без меня, мыслю, на Москве их прочесть некому. Как же, великий государь, с сим прикажешь?

– Ты повестуй мне, – милостиво молвил великий князь, – о всем писанном кратко, о сути дела. После же переведи все дьяку моему Курицыну по-фряжски, а он сие запишет по-русски. Более же писем мне по-еврейски пусть Кокос не пишет, а токмо по-фряжски или по-татарски...

Исуп почтительно поклонился и продолжал:

– Кокос молит Бога о многих годах жизни твоей и доводит: все, что от сил его, ума и хитрости зависит, все он издал, дабы склонить хана на вечный братский союз с Москвой. В письмах сих хазрэт Кокос день за днем повестует, как шли у него дела и беседы с князем Мамаком и с самим ханом Менглы-Гиреем. Наиглавно же в сих письмах то, что при всех трудностях дело подвинуто вперед и есть у зятя моего упование благополучно учинить с ханом угодное тебе dokonчание.

– Пусть так и будет, – сказал великий князь. – Федор Василич, прими письма, уговорись с Исупом о днях и часах, а потом прочтешь мне все, что тут написано. Сей же часец перескажи ему свои слова по-фряжски.

Государь обратил лицо к Исупу и произнес:

– Спасибо тебе за добрые вести. Передай поклон мой Кокосу, скажи ему, что яз буду много его жаловать и казней и многими выгодами торговыми. И тебя пожалую. Без моего жалованья из Москвы не отъедешь.

Через три дня после того как Исуп выехал в Кафу с большими дарами и для зятя своего Кокоса и для князя Мамака, в Москве случилось несчастье. Июля двадцатого, на Илью-пророка, что грозы держит, загорелось в третьем часу ночи на посаде, у церкви Воскресения-на Рву, и горело всю ночь и на другой день до обеда. Множество дворов погорело, церковей одних

более двадцати пяти сгорело. Огонь пошел по берегу до церкви Воздвижения, что на Востром конце, и по Васильевскому лугу да по Кулишку. Вверх же от церкви Воскресения огонь пылал вдоль всего рва, а оттуда через Димитровскую улицу опять до Кулишки дошел.

Звон набатный всю Москву пробудил. Буря поднялась великая: метало пламя по воздуху за восемь дворов, а с церквей и хором верхи срывало. Посад же весь криком гудел, ибо горели многие живьем – и люди, и кони, и коровы, и овцы.

Горожане московские облепили все башни и стены кремлевские, а зарево так было сильно, что будто днем их всех видно, будто у костра стоят великого и страшного. Не только на стенах слепит и жаром палит, но и внутри града истомно. Хоть ветер и тянул от Москвы, а не на Москву, все же многие кровли деревянные или соломенные тлели и во граде, а в иных местах даже пламенем полыхали.

Иван Васильевич, как и на всех пожарах, со стражей своей и со многими детьми боярскими скакал по всему граду, поспевая ко всем местам, где занимался огонь, гасил водой, а где залить нельзя уж было, разметывал мелкие постройки целиком или срывал затлевшие кровли с хором и с церквей деревянных.

Только с рассветом буря стихать стала, но спать никто не ложился: жар столь еще силен был, что огонь таился повсюду и каждый миг грозил разгореться. Лишь к обеду пожарище потухать стало, и курилось все только горьким дымом, ибо на посаде и гореть-то почти уж нечему было.

Государь, усталый, измазанный сажей, в закопченной и рваной одежде, возвращался в свои хоромы вместе с любимым своим стремянным. Но борьба с огнем все еще волновала великого князя, лицо его светилось радостью.

– Все ж Кремль отстояли, Саввушка! – весело крикнул он стремянному.

– Истинно, государь, – подтвердил тот, но грустно добавил: – Токмо народу-то сколь погорело, да скота, да именья всякого.

Тень на миг набежала на лицо государя, но, бодро потрянув головой, он молвил:

– При пожарах, как и в бою, без того не бывает. Огнем и мечом нас за грехи Господь наказывает.

Снова, как уж много раз то бывало, стучат вокруг Москвы топоры, снова рубят хоромы, избы и церковки деревянные в посаде за Москвой-рекой. Гонят по воде плоты из бревен к посадскому берегу. Лодки с кирпичом для печей, слюдой, гвоздями и свинцовыми переплетками к оконным рамам церквей и хором переплывают от московского берега в разные концы посадские. Перевозят товар и на телегах. Приплыло, приехало и пришло сюда множество плотников, печников и всяких других умельцев строительного дела.

Шум и гам с утра до ночи на строительстве, и тут же торговля бойкая съестными припасами: хлебом, пирогами, мясом, рыбой, маслом, овощами, молоком, крупами и прочим. Наскоро кругом выросли балаганы с напитками: медом, сбитнем, квасом, пивом, брагой, бузой и водкой.

Слушая отдаленный гул, стук, грохот и шум строительства и крики с базара, Иван Васильевич сидел в своем покое у открытого окна и беседовал с дьяком Курицыным в ожидании раннего завтрака.

– Сколько мы ни строй, – молвил великий князь с досадой, – токмо новые костры готовим.

– Придет время, государь, – возразил Курицын, – исполнится хотение твое: из камня да из кирпича все будет.

Громкий конский топот заглушил слова дьяка: три конника во главе с начальником караула от ворот княжого двора во весь опор подскружили к черному крыльцу государевых хором.

– Вестник! – молвил взволнованно великий князь, выглянув из окна. – Федор Василич, вели Даниле Костянтинычу вестника сюда звать.

Дверь отворилась без стука. Из-за нее выглянул дворецкий.

– Прости, государь, – молвил он, – вестник тут спешно от князя Ивана Стриги. Пущать к тебе?

Государь утвердительно кивнул головой. Данила Константинович, войдя в покой, пропустил вслед за собой вестника и начальника караула при княжих воротах.

Едва вестник успел помолиться и поздороваться с государем, как великий князь резко спросил:

– Где князь Иван?

– У бродов, государь, меж Коломной и Каширой.

– А князь Холмский?

– У берега же, государь за Каширой, ближе к Серпухову.

– Ну, рассказывай, как князь Иван повестует?

– «От дозоров степных, государь, из-за Оки весть пришла июля двадцать девятого: царь Ахмат ордынский по Литве шел тайно без дорог с проводниками. Ночью же с литовского рубежа к реке Оке пришел. Куды же оттоле идет, неведомо. Бают, ведет Ахмат с собой и твоего посла, боярина Волнина, Григорья Иваныча...»

Иван Васильевич многозначительно поглядел на дьяка Курицына и молвил:

– Недаром Казимир-то послом Кирея посылал в Орду, а тот Ахматова посла с собой привез.

– Разумею, государь, – сказал Курицын, – грозно испытует Господь нас...

Иван Васильевич промолчал и, подавив охватившее его волнение, сказал вестнику:

– Благодарю от меня князя Ивана за службу, да пусть лазутчиков шлет, дабы вызнать, куды хан-то пойдет и нет ли с татарами Казимировых полков и прочее. Впрочем, князь Стрига и сам сметит, что мне надобно. Иди отдыхай. Данила Костянтиныч угостит ты.

Когда все вышли, великий князь подошел к дьяку Курицыну, положил ему руки на плечи и сказал:

– Верно слово твое: испытует нас. Сие куда грознее московских пожаров. Ныне вся Русь в огневом кольце: Орда, Казимир, Казань, Новгород, удельные и прочие вороги! Сама земля горит у нас под ногами!

Государь отошел к открытому окну и, некоторое время думая о трудных делах, смотрел невидящим взглядом на окрестности Кремля.

– Прикажи-ка, Федор Василич, – молвил он глухо, – Ефим Ефремычу: готовым быть сей же часец со всей конной стражей к отъезду со мной в Коломну. Пусть и запасных коней ведет с собой. Да вели попам обедню петь. Яз же, одевшись по-ратному, сей же часец приду, а от обедни прямо в поход.

Когда великий князь на полпути к Коломне обедал в селе Броннице, которое досталось князю Юрию по духовной от бабки Софьи Витовтовны, прибыл к нему вестник от любимого брата.

Великий князь принял его немедля, во время трапезы. Вошел боярский сын Тит Семеныч Курылев, сотник полка князя Юрия, мужик лет тридцати, сухой, жилистый, черноволосый, с короткой, но густой бородой.

Помолясь, поклонился он Ивану Васильевичу и молвил:

– Будь здрав, государь, на многая лета. Князь Юрий Василич так повестовать повелел.

Тит Семеныч откашлялся и зычно продолжал:

– «Дай Бог здоровья тебе, государь и брат мой! Дозоры заокские и лазутчики наши разведали про царя Ахмата. Шел он на Русь путями окольными через Литву, вдоль рубежей наших всей ордой. Оставя там кибитки цариц своих со слугами и обозами, а с ними всех старых, больных и малолетних, вышел нежданно-негаданно к Оке у Алексина. По нашей вине застава была в Алексине малая, и не токмо пищалей, но самострелов у ней не было. Еле успел воевода

наш Семен Василич Беклемишев из градка сего заставой выбежать и на лодках на левый берег переплыть. Татары бросились за ними вплавь на конях. Наши же, выскочив на берег раньше поганных и кроясь за лодками, зачали из луков бить татар стрелами. К сему времени подоспел по Божией милости Василий Удалой, князь верейский с конниками. Хоть отряд-то у него невелик был, все же князь Василий так все нарядил борзо, что более трех часов не давал ни единому татарину на берег выйти. Лазутчики наши баяли, что ждать тут должен был Ахмат царя Казимира, но, видя нашу неготовность, хан решил реку переплыть, дабы врасплох главные наши силы обойти. Князь же Холмский, который по приказу твоему уж от Серпухова к Тарусе шел, о сем от гонцов князя верейского сведал и приказал своим конным полкам гнать к переправе. Погнал туда же по приказу моему с Козлова брода брат наш Борис со всем двором своим. В сие же время конники князя Василья уже все стрелы свои расстреляли, и воеводы бежать помышляли. Все сие от гонцов яз сведал, нарядив по твоему обычаю одного за другим отсылать их по всем полкам. Мысляю еще более укрепить своих против татар. Видя такое упорство поганных, еще более сам уразумел яз, что хан Ахмат здесь учинит переправу. А по сему немедленно отослал против татар воеводу Челядина Петра Федорыча с твоим Большим полком...»

Оборвался тут голос Тита Семеновича от волнения, и он вдруг замолчал. Великий князь застыл в неподвижном спокойствии, но руки его заметно дрожали.

– Да сказывай далее! – внезапно вскричал он хриплым голосом.

Курылев вздрогнул от неожиданности и, волнуясь, продолжал:

– Сие, государь, сам я уже видел. Ведомо тебе, вельми глубока Ока-то у Алексина. Не смогли татары переплыть ее с боем, хошь была у них там сила великая. Не успели поганные ништо с переправой содеять, со злобой лютой набросились они на Алексин, желая его приступом взять. Тит Семенович опять смолк от волнения, но, оправившись, продолжал: – Алексинцы же, токмо ножи, топоры да копыя имея, многое множество поганных избили, и тогда Ахмат в ярости повелел зажечь град со всех концов. Глядели мы с великой горестью и плачем, ибо алексинцам ничем помочь не могли. Видели мы, как мужи и отроки гибли в сече ратной, живыми не даваясь: слушали, как жены и дети, в огне погибая, вопили истошно и страшно. Тех же, которые, не стерпев огненных мук, выбегали из града, как безумные, татары в полон имали.

Вестник замолчал. Молчал и великий князь, но вскоре спросил:

– А полков Казимировых возле Алексина нет?

– Не было, государь.

Иван Васильевич усмехнулся. Подтверждался слух, еще в Москве до него дошедший, что король снова начал войну с уграми. И вновь набежала тень на лицо Ивана Васильевича.

– Скажи мне, Семеныч, – с тревогой спросил он, – здоров ли брат мой Юрий Василич?

– Здрав князь-то, – спокойно ответил Курылев, – токмо кашель его томит. Такой гулкий кашель, как бы из бочки пустой.

– Боюсь, не сухотная ли болезнь у него, – грустно произнес Иван Васильевич и добавил, крестясь: – Как была у государя покойного, Царство ему Небесное!

Подумав немного, государь обратился к своему стремянному, стоявшему возле него:

– Угости-ка, Саввушка, вестника, накорми, пусть с часок поспит. От нас же пошли своего гонца вместе с Титом Семенычем к брату Юрьюшке. Да прикажи, дабы давали везде им сменных коней без задержки. Ты же, Семеныч, брату моему передай: «Милый Юрьюшка, спасибо тебе за службу добрую. Все право тобой содеяно. Токмо борони здоровье свое. Ратная же сила сложена у нас добре, а наиглавное – добре вестниками связана и может она везде, где надобно, борзо пред врагом в нужное время лицом стать. Шли же мне вестников чаще. Вызнай, куда Ахмат идти хочет, да пошли лазутчиков. Татары же наши пусть обоз и цариц ханских так явно ищут, дабы Ахмат узнал о сем и за обоз свой имел страх. Будь здоров и храни тя Бог...»

Великий князь верил воеводам и служилым царевичам более, чем удельным князьям. Из братьев же был ему близок лишь один князь Юрий, которого звал он «Юрьюшка – десница моя». Сказалось это отношение к людям и на размещении войск вдоль берега Оки. Двойной был учет у великого князя: первое – так силы расставить, дабы татарам все дороги на Москву закрыть и посылать в нужное время подкрепления к опасному месту, а другое – дабы не дать врагам окружить свою ставку великокняжескую. Посему сам он с большими силами из лучших полков стал в городке Рославле на Оке, возле устья реки Осетр, между Каширой и Коломной. В Коломну же поставил царевича Даниара с его татарами и воеводу князя Федора Давыдовича Пестрого, князя Андрея большого соединил в Серпухове с царевичем Муртозой, сыном Мустафы, царя казанского, а из воевод там же поставил князя Ивана Стригу-Оболенского и князя Данилу Димитриевича Холмского.

Всеми же силами ратными правил князь Юрий, «десница государева», по приказам только самого великого князя.

И Ахмат, ведая об этом через своих лазутчиков и доброхотов, понимал, что ни силой на Москву ему не пробиться, ни тайно какой-либо хитростью в обход пройти нельзя. На Казимирову помощь надежды у Ахмата уже не стало, ибо самому королю в борьбе с уграми впору подмоги просить. Более же всего боялся Ахмат, как бы обоз его не нашли царевичи татарские, жен, детей и богатство его не захватили да и в улусах его, в юрте Батыевом, не все было спокойно.

Как всегда, неудачи поколебали дух татарских воинов и воевод, привыкших все брать с маху, с набега или силой ломить в лоб врагу и бить его, если побежит, не выдержав первого удара. Теперь же, находясь под угрозой русских сил и терпя неудачи, степняки стали роптать, боясь приближения осени, боясь бескормицы для коней в степях, где за лето травы выжжены солнцем, а путь татарского войска к зимовкам – не ближний свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.